

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

171

СЛАВЯНО-РУССКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

171

СЛАВЯНО-РУССКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), **Н. Н. ГУРИНА**,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, **В. В. КРОПОТКИН**,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, **В. М. МАССОН**, **Н. Я. МЕРПЕРТ**, **Р. М. МУНЧАЕВ**,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Славяно-русская археология
КСИА, вып. 171

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства **Н. И. Сергиевская**. Художественный редактор **Н. Н. Власик**
Технический редактор **Н. Н. Шлохова**. Корректоры **Р. С. Алимова**, **Н. И. Казарина**

ИБ № 25227

Сдано в набор 13.07.82. Подписано к печати 27.10.82. Т-20103. Формат 70×108^{1/16}. Бумага тип. № 2
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр.-отт. 10.2. Уч.-изд. л. 11
Тираж 2650 экз. Тип. вак. 1606. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

СТАТЬИ

В. В. СЕДОВ

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(современное состояние археологической славистики)

Международные конгрессы славянской археологии проводятся раз в пять лет. Первый конгресс состоялся в Варшаве в 1965 г., второй — в 1970 г. в Берлине, третий — в 1975 г. в Братиславе¹, четвертый был проведен в столице Болгарии Софии 15—22 сентября 1980 г. Это — высшие научные форумы Международной унии славянской археологии, научно-координационной организации, в которой объединены ученые 20 европейских стран, работающие над проблемами древней и ранне-средневековой истории славянства. Помимо археологов в составе Унии с начала ее создания в 1965 г. активно трудятся историки-медиевисты, топонимисты, антропологи, искусствоведы, палеографы и нумизматы.

В работе IV конгресса славянской археологии приняли участие более 250 ученых. На пленарных и секционных заседаниях было зачитано около 170 докладов, в том числе 29 представлены советскими археологами. Среди участников Конгресса — ведущие слависты многих европейских стран, поэтому его деятельность отражает современное состояние наших знаний по узловым и частным вопросам славянской археологии. Анализ докладов, прочитанных на заседаниях Конгресса, дает возможность установить степень изученности тех или иных тем, выявить слабые стороны исследований, наметить пути первоочередных изысканий на ближайшее пятилетие.

Одной из существенных тем славянской археологии является изучение древностей V—VIII вв. на всей обширной территории расселения славян от Эльбы на западе до Днепра на востоке и от южного побережья Балтики на севере вплоть до Пелопоннеса на юге. Это был последний этап праславянской истории, и результаты его исследования должны служить фундаментом для выяснения всех сторон средневековой истории и культуры славянства, в том числе формирования отдельных народностей, появления раннефеодальных городов, сложения новых общественных отношений и зарождения государственности. С другой стороны, глубокое изучение древностей V—VIII вв. дает возможность проникнуть в глубь славянской истории, выяснить, где и в какой ситуации жили славянские племена в римский и более ранние периоды.

В трех докладах Конгресса рассматривались основные элементы славянской культуры второй половины I тысячелетия н. э. Археолог из ГДР П. Донат в докладе «Развитие славянских жилищ и поселений в раннем средневековье» на материалах более 3 тыс. жилищ, исследованных раскопками, показал, что по интерьеру и функциональным чертам славянский дом служит этнографическим признаком и дает возможность очерчивать регионы славян в разные периоды их истории. Славянское домостроительство раннего средневековья характеризуется членением на две зоны: северную — с наземными домами срубной конструкции и южную — с полужемлячными срубными жилищами квадратной формы. Это деление, по утверждению докладчика, восходит корнями

к домостроительству шеворской и зарубинецкой культур. Дальнейшее развитие славянского жилища в средние века зависело от взаимодействия с древними и византийской культурами, а феодализация общества привела к разделению славянских жилищ на феодальные (строения с несколькими помещениями, каменные постройки и т. п.) и крестьянские.

Над обобщением наших знаний по погребальной обрядности ранне-средневековых славян плодотворно трудится ряд исследователей. На основе анализа данных археологии и письменных свидетельств в одном из докладов, прочитанных на Конгрессе, показано, что славянам с глубокой древности был свойствен обряд кремации умерших. Славянские захоронения обычно безынвентарны или малоинвентарны, что обусловлено языческими мировоззрениями. В южных областях славянского расселения в результате взаимодействия с иноэтничным населением наряду с трупосожжениями у славян появляются ингумации. С VII—VIII вв. в разных регионах обширной славянской территории наблюдаются различия. В северных областях этой территории распространяется курганный обряд погребения.

Важные наблюдения, касающиеся погребальной обрядности ранне-средневековых славян, были сделаны в докладе Д. Варнке (ГДР) «Культурные связи западнославянского населения Балтийского побережья на основе исследования могильников». Оказалось, что северо-западная диалектно-племенная группировка славян раннего средневековья, характеризующаясь своеобразной керамикой (суковского, дзедзицкого и других типов), выделяется и по погребальной обрядности. Вплоть до начала X в. здесь был распространен обряд трупосожжения с захоронениями остатков кремации, не фиксируемыми археологическими методами (разбрасывание остатков сожжений на поверхности земли). В конце VIII—IX в. в этом регионе появляются курганы, связанные происхождением с иноэтничным населением. Курганный обряд постепенно распространяется и среди славянского населения и характеризуется поразительным разнообразием ритуалов.

С интереснейшим обобщением наших знаний о поселениях славян второй половины I тысячелетия н. э. выступил на Конгрессе И. Херрманн (ГДР). Все известные нам поселения он дифференцировал на восемь типов: 1. Наиболее распространенные сельскохозяйственные селения, характерными примерами которых служат Дессау-Мозигкау и Новотроицкое; 2. Дворы княжеской и феодальной аристократии, появляющиеся с VII—VIII вв. в Моравии и в землях эльбских славян; 3. Крупные укрепленные княжеские резиденции (с VIII в. в Моравии и Болгарии, с X в. — в Польше); 4. Так называемые агломерационные поселения, образованные из княжеских или феодальных дворов, участков, заселенных ремесленниками и крестьянами, и культово-религиозных частей. Ремесленники работали здесь не на рынок, торговцев не было; 5. Сельские ремесленные селения, основанные там, где имелось сырье для развития того или иного вида ремесла; 6. Морские торговые пункты, осуществлявшие посредническую торговлю; 7. Политико-административные и военные центры с наличием дружинного сословия; 8. Раннефеодальные города. На примере западнославянских областей докладчик показал, что различное сочетание поселений этих типов в определенных регионах можно рассматривать как надежный показатель социально-экономических и политических отношений. К сожалению, слабая изученность поселений пока не позволяет делать таких заключений в славянских регионах Восточно-Европейской равнины.

Ряд докладов был посвящен славянским древностям второй половины I тысячелетия н. э. сравнительно небольших регионов, исследуемых раскопками в последнее время, или характеристике хорошо изученных отдельных памятников. В целом можно отметить, что ранне-средневековые славянские древности исследуются в настоящий период широко и весьма плодотворно. Отстает их изучение на окраинах славянского

мира, в частности в Греции, Албании, Паннонии и в лесной зоне Восточной Европы.

Один из труднейших вопросов славянского этногенеза — выявление древностей славян первой половины I тысячелетия. Если рассматривать целостно провинциально-римские культуры — пшеворскую, получившую распространение в бассейнах Вислы и Одры, и черняховскую, памятники которой известны в северопричерноморских землях от Среднего Поднепровья до нижнего Дуная, то непосредственной эволюционной связи между ними и раннесредневековыми достоверно славянскими древностями обнаружить не удается.

В книге, посвященной этногенезу раннего славянства², автор настоящих строк попытался показать, что пшеворская и черняховская культуры были не собственно славянскими, а сложными полиэтническими образованиями, и выделить в их составе славянские элементы в домостроительстве, керамическом материале и погребальной обрядности. Последние генетически связываются со славянскими древностями раннего средневековья.

В докладах украинских археологов эволюционная преемственность между культурами римского времени и раннесредневековой славянской обосновывалась новыми археологическими материалами. В. Д. Баран в докладе «Славянские древности V в. н. э. (по материалам Поднепровья)» рассказал о раскопках поселения у с. Теремцы в Хмельницкой обл., где было исследовано 15 полуземляночных жилищ того типа, который является этнографическим для славянской культуры раннего средневековья. Судя по керамическому материалу и вещевым находкам, это поселение и жилища принадлежат черняховской культуре и датируются концом IV—первой половиной V в. Аналогичный вывод о том, что типичная для южной зоны славянской культуры раннего средневековья полуземлянка формировалась в римское время, был сделан на материалах раскопок поселения Сокол и соседних с ним. Эти материалы рассматривались Л. В. Вакуленко в докладе «К вопросу о формировании славянских древностей Поднепровья». В связи с этими докладами тезис о том, что часть памятников черняховской культуры оставлена славянами, особенно в лесостепной зоне, где подольско-днепровский вариант черняховской культуры составил ядро формирования славянских (антских) древностей раннего средневековья, представляется достаточно оправданным. Это же утверждалось в докладе И. С. Винокура «Черняховские племена лесостепной полосы Правобережной Украины и вопросы этногенеза славян». На основе анализа глиняной посуды, погребальной обрядности и культовых каменных изваяний черняховских памятников лесостепи докладчик пришел к заключению, что черняховская культура имеет прямое отношение к истории и культуре славян.

Чешский археолог Я. Тейрал в своем докладе рассмотрел серию памятников позднего этапа римского времени Словакии, Моравии и Австрии. Их анализ показал, что в этот период в Среднем Подунавье жило пестрое в этническом отношении население — наряду с германскими и сарматскими племенами здесь несомненно обитали и славяне. Вместе с другими этносами последние были носителями провинциально-римской культуры. Таким образом, утверждал докладчик, вопрос о связях славянской культуры раннего средневековья с провинциально-римскими теперь разрешается не только на материалах пшеворской культуры Повисленья и черняховской культуры Правобережной Украины, но и в более широких географических рамках.

В этой связи представляет интерес и доклад Х.-Й. Фогта (ГДР) «К развитию токарного ремесла у северо-западных славян». Докладчик утверждал, что историю ремесла и культуры славянских племен, расселившихся в междуречье Эльбы и Одры, невозможно изучать вне связи с культурами периферийных земель Римской империи. Исследователи уже обращали внимание на то, что в конструкциях оборонительных сооружений, керамическом материале и культовых постройках северо-

западного славянства выявляются элементы провинциально-римских культур, свидетельствующие о преемственности между последними и ранне-средневековыми. Теперь Х.-И. Фогт убедительно показал, что в регионе Одры—Шпрее—Хавеля у славянского населения уже в VI—VII вв. существовал токарный станок, который является наследием провинциально-римской культуры, в данном случае пшеворской.

Особая точка зрения изложена в докладе «Проблема идентификации культуры славян накануне их великого переселения», в котором было сосредоточено внимание на «примитивности» славянских древностей раннего средневековья по сравнению с «высокоразвитыми» пшеворской и черняховской. Это будто бы исключает возможность генетического развития славянских культур раннего средневековья из провинциально-римских, принадлежавших в основном, согласно докладу, германским племенам. Только после того как германские племена ушли, земли Правобережной Украины и Висло-Одранского междуречья были в V—VI вв. быстро освоены славянами. Древности славян первой половины I тысячелетия н. э. предлагается искать в лесной зоне Восточной Европы, в частности в Верхнеднепровском регионе, не затронутой влияниями провинциально-римской культуры. Мнение о славянской атрибуции так называемых позднезарубинецких древностей Верхнего Поднепровья разделяется и некоторыми советскими исследователями. Вопрос этот еще далек от разрешения. По-видимому, для выяснения этнической ситуации Верхнего Поднепровья в первой половине и середине I тысячелетия н. э. нужны новые полевые изыскания.

В ряде докладов освещались вопросы этнокультурного взаимодействия славян в процессе их расселения в средние века и иноязычных племен. З. Чилинская (ЧССР) исследовала славяно-аварские отношения в северной части Среднего Подунавья. Часть среднедунайских славян в VIII в. оказалась под политическим и культурным влиянием авар и во многом восприняла элементы их культуры, в том числе погребальной обрядности. Памятниками славяно-аварского симбиоза являются славяно-аварские могильники Словакии, которые и анализировались докладчиком. Интересно, что после крушения Аварского каганата у славянского населения Среднего Подунавья восторжествовали прежние этнографические особенности.

Отношения между славянами и тюркоязычным населением восточной части Балканского полуострова рассматривались в ряде докладов болгарских ученых. Так, Д. Димитров на основе археологических материалов попытался нарисовать конкретную картину заселения славянами и праболгарами северо-восточной Болгарии. Большие массы славян осваивают этот регион во второй половине VI в. Их культура была близка культуре других областей славянского расселения. В 60-х годах VII в. в Добрудже и северо-восточной Болгарии на славянских землях появляются праболгары. Они вместе со славянами создают общее государство. В результате славяне и праболгары заимствуют друг у друга различные элементы культуры. Так, праболгары воспринимают у славян полуземляночные жилища, а славяне широко пользуются болгарской гончарной керамикой. В условиях славяно-праболгарского симбиоза происходит унификация быта, костюма и культуры в целом, формируется единая славянская народность — болгары.

Отношения между славянами и немцами в междуречье Эльбы и Одры на основе данных археологии плодотворно изучались и продолжают изучаться учеными ГДР.

В советской археологической литературе много внимания уделяется этнокультурным взаимоотношениям славян Восточной Европы с балтскими и финно-угорскими племенами, а также с тюркоязычными кочевниками. В этом направлении достигнуты немалые успехи. Эта проблематика на Конгрессе была представлена тремя докладами советских ученых, касающимися относительно небольших регионов. В докладе «Средневековая культура населения Южного Поднепровья» А. Т. Сми-

ленно проанализировала славяно-кочевнические связи на южной окраине восточнославянского расселения в течение семи столетий. В VI—начале VIII в. в пеньковской культуре прослеживаются отдельные кочевнические элементы (юртообразные жилища и некоторые керамические формы). В VIII—IX вв. проявления культуры аланских и болгарских племен в этом регионе более отчетливы. Возникает аланский гончарный центр (Канцерка). Культура X—XI вв. отражает взаимную интеграцию славянского и алано-болгарского населения, проживающего на одной территории. В XII в. в Южном Поднепровье распространяется древнерусская культура, хотя население имело здесь смешанный этнический состав. Славянскому освоению северо-западных земель древней Руси был посвящен доклад Е. Н. Носова. Докладчик показал, что этот процесс начался в VI в. и осуществлялся несколькими потоками. Первыми славянскими поселенцами здесь были племена, оставившие длинные курганы. Другая группировка славян расселилась в Поильменье в начале VIII в., погребальными памятниками ее являются сопки. До прихода славян эти земли заселяли прибалтийскофинские племена, которые постепенно были славянизированы, оказав влияние на культуру новгородских славян. В докладе М. Михельбергаса исследовались культурные и этнические связи древних литовских племен с соседним населением.

Большое внимание на Конгрессе было уделено проблеме формирования славянских культур раннегосударственной поры. Основной темой Конгресса была «Роль славянских государств в развитии материальной и духовной культуры Европы». Эта тема весьма актуальна не только для страны — организатора Конгресса, отмечавшей в 1981 г. 1300-летие основания Первого Болгарского государства, но и для всего средневекового славянского мира. Яркое развитие славянских культур в средние века всюду было взаимосвязано со сложением и упрочением государственности.

В докладе Д. Ангелова (НРБ) «Основные моменты развития и облик средневековой болгарской культуры» получила характеристику культура (как материальная, так и духовная, включая искусство, литературу и философское мировоззрение) Первого и Второго Болгарских государств. В своем развитии эта культура впитала многие элементы фракийской, римской и византийской культур. Ее создателями и носителями были славяне, составившие основной компонент болгарской народности. В эволюции болгарской средневековой культуры выделяется два этапа. Ранний характеризуется дуализмом, когда имели место культурные, бытовые и религиозные различия между составными частями складывающейся болгарской народности. На втором этапе (после принятия христианства в 865 г.) болгарская культура приобретает монолитность и занимает заметное место в тогдашнем европейском мире.

Материальная и духовная культура Великоморавской державы, прекрасно документированная археологическими раскопками последних десятилетий, была объектом анализа в докладе Б. Хроповского (ЧССР). Эта культура использовала богатейшие традиции римской эпохи и восприняла, переработав в народном стиле, элементы византийской цивилизации. Великоморавская культура имела европейское значение и оказала заметное воздействие на развитие раннесредневекового славянского мира.

Несомненный интерес представил доклад польского археолога В. Гензеля, в котором исследовались общественные стороны ремесленной деятельности, специализировавшейся на изготовлении изделий прикладного и малого искусства. Эта деятельность была дифференцирована на городскую, монастырскую, вотчинную и деревенскую. Докладчик утверждал, что уровень ремесла и искусства является показателем социально-общественного и духовного развития общества. Была охарактеризована духовная жизнь в разных частях славянского средневекового общества.

Для исследования формирования феодальных отношений и государственности восточных славян большое значение имеет доклад Б. А. Ры-

бакова (СССР) «Полюдь», в котором получил обстоятельную характеристику один из существеннейших институтов раннего этапа феодального общества древней Руси — княжеские объезды подвластных земель с целью сбора дани.

К сожалению, на Конгрессе не было представлено целостного доклада о роли государственности в сложении и эволюции древнерусской культуры, занимавшей выдающееся место в европейском средневековье. Однако многие вопросы культуры и искусства древней Руси получили отражение в докладах советских исследователей, посвященных частным темам или результатам раскопок древнерусских городов. Можно отметить, и Конгресс продемонстрировал это довольно ярко, что археологическое изучение городов Руси ведется в нашей стране широко, качественно и плодотворно.

Великолепные открытия Новгородской археологической экспедиции известны всему миру. Культурные напластования Новгорода Великого таят в себе еще много неизведанного, и каждый новый полевой сезон приводит к новым открытиям. Доклады по археологии этого города слушались на Конгрессе с большим интересом.

В. Л. Янин рассказал об открытии в Новгороде художественной мастерской XII в. известного по летописям иконописца Олисея Петровича Гречина, с именем которого, как полагает докладчик, связана фресковая роспись знаменитой церкви Спаса Нередицы. Выступление Б. А. Колчина было посвящено музыкальным инструментам — гуслим, гудкам, сопелям и варганам, найденным при раскопках в Новгороде. Количество импортных предметов из новгородских раскопок превысило 10 тыс. На их основе Е. А. Рыбина восстановила конкретную картину связей Новгорода Великого с Киевом и Византией, со странами Востока, с Западной Европой и Прибалтикой.

Археология Киева получила отражение в докладах С. Р. Килиевич и П. П. Толочко. В первом речь шла о формировании на месте древнего городища на Старокиевской горе детинца Киева и о последующей его истории и эволюции. П. П. Толочко на материалах многолетних раскопок попытался восстановить застройку Киева в X—XIII вв.

Раскопки в Изборске впервые дали материалы для характеристики восточнославянского племенного центра — протогорода VIII—IX вв. В X в. здесь строится детинец, где сосредоточивается раннефеодальная знать и дружина, и околный город, населенный ремесленниками и торговцами. Результатам исследований Изборска был посвящен доклад автора настоящей статьи.

Другие доклады освещали раскопочные исследования в Бресте (П. П. Лысенко) и Суздале (М. В. Седова).

Нельзя не обратить внимания на отсутствие обобщающих исследований по древнерусским городам. Вопросы происхождения раннефеодального города на Руси, его эволюции и структуры, соотношения с окружающей и т. п. требуют специального анализа на современном уровне. Материалов для решения этих тем накоплено археологией достаточно.

Археологическое изучение средневековых городов успешно ведется и в других странах, в частности в Болгарии и Польше. Доклады о раскопках в Преславе, Тырнове и Плиске свидетельствуют о значительных успехах и результативности этих исследований. Интереснейшие доклады были представлены польскими коллегами: «Начало славянских городов», «Новые исследования по проблеме происхождения городов в бассейне Одры» и «Территориальная организация древнепольского государства».

В докладах и сообщениях на Секции междисциплинарных исследований рассматривались вопросы славянской архитектуры, антропологии, ономастики, фольклористики, эпиграфики, нумизматики, а также анализировались материалы остеологии и дендрохронологии.

Конгресс продемонстрировал несомненные успехи в изучении прошлого славянства и способствовал координации исследований ученых разных стран и различных специальностей.

¹ I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968, I—VI; Berichte über den II. internationalen Kongress für slawische Archäologie. Berlin, 1970—1973,

1—3; Rapports du IIIe congrès international d'archéologie slave. Bratislava, 1979—1980, 1—2.

² Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 53—100.

А. В. КУЗА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ (история изучения)

История древнерусских городов постоянно привлекает внимание исследователей. В советской исторической науке разработана общая марксистская концепция возникновения городов на Руси в результате прогресса экономики и появления феодально-классовых отношений и государственности у восточных славян. «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, — писал М. Н. Тихомиров, — было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений»¹. Выделение ремесла и торговли в самостоятельные отрасли хозяйственной деятельности явилось отправным пунктом генезиса древнерусских городов. Именно преобладание ремесленно-торговых функций над занятием сельским хозяйством стало одной из разделяющих граней между нарождающимися городами и окружающими их рядовыми сельскими поселениями. К X в. процесс градообразования на Руси охватил многие области расселения восточных славян.

Значительный вклад в дело изучения древнерусских городов внесли археологические исследования. Раскопки повсеместно показали ремесленно-торговый характер экономики средневековых городов. Самобытность яркой городской культуры древней Руси подтверждена многочисленными примерами.

Исследовались особенности внутренней планировки и оборонительных сооружений городов, жилые и хозяйственные постройки, производственные комплексы, общественные здания, мостовые, дренажные системы и т. д. Значительно полнее стали представления о быте горожан. Получены разнообразные данные о широком распространении грамотности в городах.

По материалам раскопок и сведениям письменных источников сложилось мнение о типичной для древнерусских городов социально-топографической структуре: княжеско-дружинный дегинец и примыкающий к нему торгово-ремесленный посад (окольный город). Наличие посада считается важнейшим элементом, указывающим на городской характер всего поселения. Раскопки подтвердили многообразие функций, выполнявшихся городами в системе древнерусского феодального государства. Они служили не только экономическими центрами своих округ, но и политическими, идеологическими и культурными. Именно в городах в первую очередь кристаллизовались и успешно развивались, дополняя друг друга, «две культуры»: господствующая, феодальная культура княжеских дворцов и боярских усадеб и демократическая культура городских посадов².

Широкомасштабные археологические работы в совокупности с результатами прочих исследований раскрыли, по мнению Б. А. Рыбакова, характерные черты древнерусского города: укрепления, дворы феодалов, ремесленный посад, торговые связи, административное управление, церкви³. Таким образом, комплексное изучение ранней истории русских феодальных городов ознаменовалось крупными успехами⁴.

Накопление новых материалов, особенно в последние десятилетия, оживило интерес к проблеме происхождения древнерусских городов. Опираясь на общую концепцию возникновения городских поселений в процессе отделения ремесла и торговли от земледелия, исследователи пытаются реконструировать пути развития конкретных городских центров, наметить этапы этого сложного социально-экономического явления.

Историография данного вопроса представляет самостоятельный интерес. Последовательно рассмотрев имеющиеся в литературе точки зрения на непосредственные причины и условия возникновения городов на Руси, легче оценить современные тенденции решения этой проблемы в целом.

Уже в первом издании своей книги «Древнерусские города» М. Н. Тихомиров отметил, что города прежде всего появляются в густонаселенных земледельческих районах. В противовес «торговой» теории происхождения городов автор отрицал решающую роль водных путей, а первопричиной образования города считал рост внутреннего рынка в связи с растущими потребностями близлежащей сельской округи. «Ремесленное население в городах, — писал М. Н. Тихомиров, — должно было опираться на какие-то прочные рынки сбыта, без которых не могло бы возникнуть скопление ремесленников в городах»⁵. Наблюдения и выводы известного ученого получили широкое признание.

В конце 40—начале 50-х годов к вопросам происхождения древнерусских городов обратились археологи. Были предприняты попытки суммировать данные многолетних полевых работ. М. Ю. Брайчевский выступил с теорией появления городов в результате оседания ремесленников вблизи укрепленных замков VIII—IX вв., принадлежавших феодальной аристократии Руси⁶. С. А. Тараканова, опираясь на материалы своих исследований в Пскове и Псковской земле, утверждала, что подлинные города — центры ремесла и торговли — вырастают из бывших «племенных» городов — центров восточнославянских племен⁷. Подводя итоги археологического изучения древнерусского города, Н. Н. Воронин высказался против какой-либо единой социологической схемы градообразовательного процесса⁸. Он полагал, что в действительности существовали разные варианты возникновения городов: из торгово-ремесленного поселка, в результате слияния нескольких сельских поселений, вокруг феодального замка или княжеской крепости.

В 1951 г. вышла в свет монография А. Н. Насонова «„Русская земля“ и образование территории древнерусского государства». История становления городов не имела прямого отношения к теме работы, но исследователь привел ряд интересных соображений. Ему не казалось доказанным, «что решающую роль в образовании древнерусских городов, в первую очередь областных, играл рост внутреннего рынка и в связи с этим местная сельская округа, торгово-ремесленным центром которой делается город»⁹. Автор справедливо указывал, что не ответив на вопрос, кого обслуживали городские ремесленники, нельзя установить прямую зависимость появления городов от хозяйственных потребностей их сельской округи. Возникновение городов в густозаселенных земледельческих районах естественно, так как здесь имелся наилучший источник обогащения поборами с достаточно платежеспособного населения¹⁰. Следовательно, А. Н. Насонов рассматривал первые города как центры феодального властвования, места сосредоточения феодальной знати, лишь в процессе дальнейшего развития приобретающие характер центров экономических. Если М. Н. Тихомиров среди факторов, давших импульс развитию древнерусских городов, предпочтение отдавал причинам экономическим, то А. Н. Насонов ведущую роль признавал за явлением социальным: становлением феодальных отношений и сложением организации принуждения — государства. К сожалению, взгляды А. Н. Насонова не получили всестороннего обоснования в специальном исследовании.

Точку зрения Н. Н. Воронина на различные пути происхождения

русских средневековых городов стремилась подкрепить на примере некоторых центров Северо-Восточной Руси Е. И. Горюнова¹¹.

К середине 50-х годов археология располагала достаточно обширным сравнительным материалом. Результаты раскопок стали оказывать заметное влияние на общие представления о месте и роли городов в истории Руси. Используя достижения археологов, М. Н. Тихомиров значительно пополнил свой труд, вышедший вторым изданием в 1956 г.¹² Он изложил свои прежние взгляды на причины, пробудившие к жизни древнерусские города, подчеркнув значение в этом процессе сельской округи, нуждавшейся в изделиях специализированного городского ремесла¹³. С тех пор концепция М. Н. Тихомирова утвердилась в науке и была принята большинством исследователей.

Изучая историю Полоцкой земли, Л. В. Алексеев попытался определить условия, необходимые для становления и развития города. Исследователь не противопоставлял какую-нибудь одну теорию происхождения городов другим, а наоборот, искал общие моменты в любом градообразовательном процессе. Город, по мысли Л. В. Алексеева, вырастал в местах, где ремесленная продукция находила сбыт: на торгово-транзитных путях, вблизи укрепленных пунктов, обеспечивавших безопасность торгово-ремесленного населения. Таким образом, роль ядра нарождающегося города могли выполнять и замок феодала, и монастырь, и укрепленный племенной центр. Подобный путь развития свойствен большинству городов, в частности Киеву, Новгороду, Пскову, Полоцку¹⁴. Соглашаясь в целом с концепцией М. Н. Тихомирова, Л. В. Алексеев все же подчеркнул значение торговых путей, в первую очередь транзитных, для образования городов.

Решительным сторонником многообразия вариантов становления древнерусских городов выступил М. Г. Рабинович. По его мнению, в город превращалась обычная деревня, если наличие сырья и удобное месторасположение способствовали развитию деревенского ремесла в специальную отрасль. Мог стать городом и замок феодала, привлекая под свои стены купцов и ремесленников. Исследователь полагает, что до уровня подлинного города при благоприятных условиях поднимался и «рядок» — торгово-ремесленный поселок. Наконец, строили города крупные феодалы, намеренно сводя туда людей из других владений¹⁵.

Различным путем происхождения древнерусских городов, по утверждению В. Т. Пашуто, соответствуют множественность форм их социальной структуры и значительные колебания в удельном весе принадлежавшей им политической роли¹⁶. Исследователь отметил, что «неоднородность хозяйственных и политических условий в огромной стране неизбежно порождала трудно обозримую пестроту генезиса и развития городских форм»¹⁷.

Так к концу 60-х годов вслед за представлением о древнерусских феодальных городах как центрах развитого ремесла и торговли сформировалась теория многообразия конкретных вариантов возникновения городов на Руси. В первую очередь учитывались возможности превращения местного ремесла в специализированные отрасли ремесленного производства. Среди необходимых условий начала градообразовательного процесса предпочтение отдавалось достаточному уровню внутриэкономических связей и достижениям ремесла. Поэтому появление вокруг детинцев торгово-ремесленных посадов, археологически фиксируемых, как правило, по следам строительства второй линии обороны (окольный город), считалось и признаком становления подлинного города.

Параллельно вырабатывались археологические критерии, отличающие город от прочих поселений. Исследователи давно обратили внимание, что далеко не каждый пункт, именуемый летописью городом, был таковым в социально-экономическом смысле. Тем более не являлись подлинными городами многие из известных археологам древнерусские городища. Стационарные раскопки порубежных крепостей и феодальных замков (В. И. Довженок, Т. Н. Никольская, П. А. Раппопорт, Б. А. Рыбаков,

В. В. Седов, П. Н. Третьяков и др.), а также крупнейших центров древней Руси (Киев, Новгород, Чернигов, Полоцк, Рязань, Смоленск) дали обширный материал для сравнительного анализа и выводов.

Результатом комплексных исследований явилась достаточно целостная и логически стройная картина происхождения древнерусских городов. Некоторым минусом в системе ее аргументации было отсутствие убедительных данных о начальном периоде жизни большинства русских феодальных городов. Археологически изученными оставались сравнительно небольшие площади. Раскопкам в основном подвергались дегинцы, а на посадах дело ограничивалось разведочными работами. Тем не менее усилия многих исследователей, как отмечено выше, прояснили ряд спорных вопросов становления и развития древнерусских городов.

Попытку пересмотреть взгляды М. Н. Тихомирова на причины происхождения городов на Руси предприняли В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов¹⁸. Они рассматривают зарождение города не столько как результат отделения ремесла от земледелия и развития феодализма, сколько как следствие разложения родового строя. Первые города могли возникнуть на базе племенных центров. Затем в качестве градостроителей выступают князья. С оживлением внешней торговли на бойких транзитных магистралях вырастают поселки протогородского типа. И лишь в XI в. прогрессивное развитие ремесла и рост внутреннего обмена превращаются в существенный фактор градообразования.

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский посвятили свое исследование происхождению Новгорода¹⁹. Многолетние раскопки одного из древнейших русских городов предоставили в распоряжение науки такое количество новых фактов, что недооценить их историческое значение трудно. Однако ранние этапы образования столицы Северной Руси долгое время оставались предметом дискуссии²⁰. Сопоставляя археологические наблюдения с данными геологического бурения и сведениями письменных источников, В. Л. Янин и М. Х. Алешковский предположили, что становлению собственно Новгорода предшествовало длительное развитие нескольких соседних и разноэтничных поселков. Эти поселки, игравшие роль племенных центров, группировались вокруг языческого капища и погостакладбища, занимавших территорию будущего дегинца. Объединившись и отстроив общие укрепления — новый город, они стали именовать его Новгородом. Таков, по мнению авторов, путь становления Новгорода накануне возникновения единого древнерусского государства.

Хотя гипотеза о федерации и постепенном слиянии древних поселков-концов неодинаково аргументирована во всех звеньях, она подкупает логической стройностью и находит подтверждение в некоторых особенностях политического и административного устройства Новгорода XII—XV вв.²¹

Пример Новгорода позволил исследователям сформулировать одно очень существенное наблюдение: «Древнерусский город возник не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселений, а из административных вечевых центров сельских округ-погостов, мест концентрации дани и ее сборщиков»²². Ремесленно-торговые функции самого Новгорода возрастали «пропорционально накоплению продуктов дани и грабежа соседних земель, которые надо было обрабатывать и реализовывать среди населения городской округи»²³.

Нетрудно заметить, что выводы В. Л. Янина и М. Х. Алешковского созвучны мыслям, высказанным А. Н. Насоновым 20 лет тому назад. Города в своем развитии нуждаются в сырье и продуктах, поступающих из близлежащей округи и более отдаленных земель. Но они попадают в город не только в порядке обмена, а в первую очередь в виде поборов, дани и контрибуций с подвластного или побежденного населения. Здесь эти продукты перерабатываются и перераспределяются.

Среди последних работ о городах древней Руси привлекает внимание статья В. В. Карлова²⁴. В ней рассмотрены особенности экономического и политического развития русских средневековых городов. Автор крити-

чески отнесся к взглядам В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова. Не делая детального разбора новой теории, В. В. Карлов указал, что неправильно разделять процессы распада родовых отношений и возникновения феодальных. По его убеждению, «и разложение родовых отношений, и формирование раннефеодальных, и появление товарного производства — все эти явления были следствием прогрессивного развития производительных сил общества, прогрессирующего общественного разделения труда»²⁵. Отстаивая точку зрения М. Н. Тихомирова, В. В. Карлов подчеркнул, что исследователь никогда не считал временем появления первых русских городов эпоху сложившегося феодализма, а лишь отмечал одновременный рост городов с развитием феодальных отношений. Констатируя, что наиболее обоснованной теорией происхождения городов на Руси по-прежнему остается концепция М. Н. Тихомирова, автор аргументировал ее материалами последних исследований. Особое внимание он обратил на множественность функций, выполняемых городом в системе феодального государства. «Независимо от путей возникновения тех или иных городов (их, как показали работы археологов, могло быть много), городами раннефеодальной эпохи можно считать укрепленные поселения, выполнявшие в системе феодальных отношений целый комплекс функций — экономических, политических, административно-хозяйственных, культурных»²⁶.

Работа В. В. Карлова вносит заметный вклад в изучение городской проблематики древней Руси²⁷. Однако ее некоторые положения, особенно по вопросам происхождения города, нуждаются в уточнении. Следуя мысли М. Н. Тихомирова, автор вновь назвал первопричиной возникновения городов потребность сельской округи в изделиях специализированных ремесел²⁸. Критикуя положения В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова, В. В. Карлов никак не реагировал на их попытку рассматривать процесс градообразования в динамике, когда на разных этапах развития Руси условия и конкретные причины возникновения городов меняются. С его точки зрения, «те же факторы экономического и политического характера вели к появлению и росту новых городов и городских поселков» по крайней мере до середины XIII в.²⁹

С этим согласиться трудно. Те, кто рассматривает прямую и интенсивную рыночную связь сельская округа — феодальный город как катализатор градообразования забывают один немаловажный факт. Уже в своем фундаментальном труде «Ремесло древней Руси» Б. А. Рыбаков установил, что массовый переход городских ремесленников от работы на заказ к работе на рынок приходится на XII в. Все последующие работы о древнерусском ремесле (Б. А. Колчин, Г. Ф. Корзухина, Н. В. Рындина, М. В. Седова, Ю. Л. Щапова и др.) согласно подтверждали это заключение. Если оно справедливо, в чем нет никаких оснований сомневаться, то тезис о влиянии экономических потребностей сельской округи на процесс зарождения города для раннего этапа истории древней Руси теряет свою силу. Первоначально городские ремесленники и торговцы обслуживали представителей нового господствующего класса, сосредоточившихся в городах, и связанных с ними различным образом людей. Ранние города для окрестных сельских поселений были не столько экономическими центрами, сколько центрами феодального властвования.

По-видимому, древнейшие города Руси сформировались прежде всего на основе племенных и межплеменных центров. И предварительным условием для их быстрого политического и экономического роста была естественная концентрация феодализирующейся знати и дружинников. Пример Киева, Новгорода, Полоцка не только показателен, но и не единичен. Б. А. Рыбаков обнаружил интересную закономерность: раннеславянские городища VIII—X вв. располагаются кучно, по нескольку укрепленных поселений рядом. К XII в. в середине почти каждого такого гнезда появляется летописный город. Исследователь убедительно интерпретировал подобные скопления как доказательство существования малых племен, вместе составлявших большие восточнославянские племен-

ные союзы, поименованные в летописи³⁰. Из племенного центра одной из ветвей кривичей вырос, по мнению В. В. Седова, Изборск³¹.

Таким образом, превращение «племенных» городов в настоящие города на заре развития феодальных отношений — явление типичное для большинства областей Руси. Конечно, далеко не везде этот процесс достиг завершающей стадии. Некоторые городки, утратив по тем или иным причинам политическое и экономическое значение, стали обычными сельскими поселениями. Другие, например, «древлянские грады», были преднамеренно разрушены во время объединения под властью Киева восточнославянских земель.

Последние годы интенсивно исследуются поселения протогородского типа VIII—X вв., возникшие на магистральных торговых путях³². Речь идет о Ладоге, Гнездове, Тимереве, Городище под Новгородом. Помимо сходного месторасположения их сближают такие черты, как отсутствие первоначальных укреплений; этнически смешанный состав населения, в хозяйственной деятельности которого преобладают ремесленно-торговые функции; наличие дружинного элемента. В литературе они получили общее название открытые торгово-ремесленные поселения. Из них лишь Ладога развилась в настоящий древнерусский город. Жизнь на других или вовсе угасла, или возобновилась после некоторого перерыва (Городище), но на иной основе.

Эти поселки именуют также протогородами или «эмбрионами» городов. Однако их социальный облик еще недостаточно ясен. Сравнение с европейскими виками или эмпориями его не раскрывает, поскольку соотношение последних с центрами формирующейся государственной власти слабо изучено.

Синхронность появления открытых торгово-ремесленных поселений с началом быстрого развития классовых отношений и государственности на Руси симптоматична сама по себе. Безусловно, указанным поселениям свойственны многие черты будущего городского быта: специализированное ремесло и торговля, имущественная и социальная дифференциация обитателей. Но вызвали ли их к жизни причины внутреннего характера или они существовали благодаря оживленным торговым связям на водных магистралях Восточной Европы? Однозначный ответ пока отсутствует.

Привлекает внимание точка зрения П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова, видевших в подобных поселках «станы» — пункты ежегодной остановки сборщиков дани и полюдья с подвластных земель³³. С ней получает объяснение и разноэтничность обитателей открытых торгово-ремесленных поселений, и присутствие там дружинников, и торгово-ремесленная ориентация хозяйственной деятельности. Становится понятным их исчезновение с переходом к управлению объединенной Русью через систему волостей, городов и погостов. Если указанная точка зрения получит дальнейшее подтверждение, то возникновение открытых торгово-ремесленных поселений можно будет рассматривать как индикатор интенсивного сложения древнерусской государственности.

Таким образом, «древнейшая форма предгородского поселения на Руси, выступающая в археологических материалах, — племенной пентр»³⁴. Его разносторонняя характеристика — дело будущих исследований. Ни один из предполагаемых племенных центров восточных славян полностью или в значительной части не раскопан. Но уже собранные факты свидетельствуют, что именно племенные (межплеменные) центры обладали наиболее полной совокупностью предварительных данных для превращения в подлинные города — центры развитого ремесла и торговли, средоточие общественно-политической и административно-хозяйственной жизни целой округи. Открытые торгово-ремесленные поселения становились городами лишь в исключительных случаях (Ладога). Причины этого явления требуют специального изучения.

Примеры развития городов на базе сторожевых крепостей (Белгород, Василев, Воинь) археологически хорошо известны. Однако подобный ва-

риант возникновения города хронологически моложе (с конца X в.) двух первых. Он — примета времени решительного укрепления государственной власти, не только утвердившей рубежи Руси, но и ставившей новые города: столицы удельных княжеств (Городец Остерский, Переславль Залесский) или центры волостей (Ярополч, Серенск). Эпохе развитого феодализма действительно присущи множественность форм городского устройства и различные пути градообразования, что подтверждают и археологические исследования. Успехи в деле изучения проблемы происхождения древнерусских городов налицо. Правда, с накоплением фактического материала общая картина усложнилась, стала более пестрой. На очереди систематизация собранных данных и их сравнительный анализ во времени и пространстве. Иными словами, детальное изучение процесса становления городов в различные периоды и на разных территориях, выявление общих закономерностей и локальных особенностей.

- ¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 64.
- ² Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- ³ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти томах. М., 1967, т. 1, с. 536.
- ⁴ Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса). — В кн.: Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976; Булкин В. А., Габло А. В., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археология. — В кн.: Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.
- ⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — Учен. зап. МГУ, 1946, 99, с. 32—35.
- ⁶ Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов (города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII—IX вв. н. э. по полевым данным последних лет). — КСИИМК, 1951, XL1.
- ⁷ Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова. — КСИИМК, 1951, XXXV; Она же. К вопросу о происхождении города в Псковской земле. — КСИИМК, 1951, XL1.
- ⁸ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, XL1.
- ⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 22.
- ¹⁰ Там же, с. 13.
- ¹¹ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси. — КСИИМК, 1955, 59.
- ¹² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- ¹³ Там же, с. 52.
- ¹⁴ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 132.
- ¹⁵ Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.
- ¹⁶ Пашуго В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966.
- ¹⁷ Там же, с. 38.
- ¹⁸ Маеродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах развития родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси. — Вестник ЛГУ, сер. история, язык и литература, 1970, 3.
- ¹⁹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, 2.
- ²⁰ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 40—42.
- ²¹ Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 171—173.
- ²² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода..., с. 60.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития... — Там же, с. 34.
- ²⁵ Там же, с. 38.
- ²⁶ Там же, с. 38.
- ²⁷ Куза А. В. [Рец.]. Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976. — СА, 1978, 4.
- ²⁸ Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития..., с. 33.
- ²⁹ Там же, с. 34.
- ³⁰ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 850—852.
- ³¹ Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. — КСИИМК, 1974, 144; Он же. Изборская экспедиция. — АО 1971 г. М., 1972, с. 39.
- ³² Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 85—90; 45—56; 120—125; 91, 92.
- ³³ Третяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Рыбаков Б. А. Смерды. — История СССР, 1972, 1.
- ³⁴ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 138.

НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ В РАЙОНЕ БАЛТИКИ

Побережье Балтийского моря справедливо считается основной областью сосредоточения кладов с куфическими монетами раннего времени. Неожиданное появление в конце VIII—начале IX в. восточного монетного серебра в западной части Прибалтики в литературе объясняется по-разному. Находки куфических монет в Поморье приводят в качестве доказательства тесных контактов между восточными и западными славянами¹ или связывают с торговой деятельностью фризских купцов и скандинавов².

В хронологическом отношении ранние балтийские клады распределяются компактно. Подавляющее большинство их датируется 800—810-ми годами. Согласно мнению В. Л. Янина, узкая хронология кладов свидетельствует о кратковременности поступления куфических монет на Запад в начале IX в.³ Анализ хронологического состава куфических монет, обнаруженных в погребениях могильника Бирки, дал основание Г. С. Лебедеву высказать гипотезу, что серия восточных монет чеканки 800—820-х годов поступила в Швецию после набегов викингов на Восточную Прибалтику⁴.

Рассматриваемый нумизматический материал хронологически компактен, и для сравнительного исследования необходимо привлечь широкий круг находок из других регионов и проанализировать комплекс балтийских памятников на их фоне.

В интересующее нас время мусульманские серебряные монеты обращались на территории Восточной Европы и в Закавказье. Всего известно 63 точно датированных клада конца VIII—первой трети IX в.⁵ Из них 31 клад обнаружен в Восточной Европе, 17 найдено в районах Балтики (Западная Европа) и 15 — в Закавказье.

Динамика распространения куфических монет хорошо прослеживается по количеству кладов, выпадающих в последовательные промежутки времени. На рис. 1 изображены кривые, показывающие интенсивность захоронения кладов в трех указанных регионах по десятилетиям. Особенно много кладов в Закавказье приходится на 780-е, 800-е и 820-е годы. На территории Восточной и Западной Европы это явление отмечается в 810-е годы. Однако небольшой пик, падающий на 780-е годы, указывает на то, что оседание куфических монет в северных районах в конце VIII в. неслучайно. Видимо, появление двух кладов куфических монет на севере Европы в 80-е годы VIII в. находится в связи с волной мусульманского серебра, осевшей на Кавказе в то же самое время (рис. 1). Таким образом, динамика выпадения кладов засвидетельствовала по меньшей мере два монетных импульса, которые стимулировали оседание куфических монет.

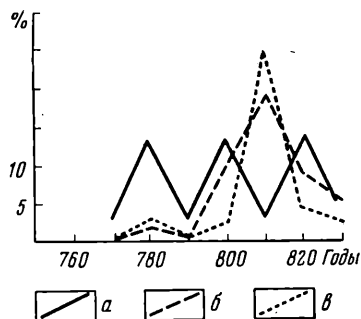
В нумизматической литературе неоднократно отмечалась неравномерность хронологического состава кладов IX в.⁶ Для уточнения этого наблюдения было подсчитано среднее количество монет, содержащихся в кладах, по десятилетиям. Статистическому обследованию подверглись куфические монеты из 54 кладов конца VIII—IX в. В итоге оказалось, что среди монет, отчеканенных между 750 и 850 гг., преобладают в количественном отношении монеты чеканки 770-х и 800-х годов (рис. 2).

Интересные сведения по истории денежной чеканки в Халифате сообщают мусульманские медные монеты — фельсы. В отличие от серебряных монет — дирхемов, находки которых на Востоке довольно редки, медные монеты раннесредневекового времени встречаются часто. Особое внимание привлекает хронология находок фельсов, происходящих из Двина, — одного из крупнейших городов Закавказья VIII—X вв.⁷ В правление аббасидских халифов Двин входил в состав провинции Арминия,

Расположенный в центре многих торговых путей, он играл заметную роль в международной торговле⁸. Изучение динамики развития денежной чеканки именно в этом районе чрезвычайно важно для нас потому, что в раннее время области Закавказья занимали ключевую позицию на пути движения потока мусульманского серебра в Восточную Европу.

Рис. 1. Динамика выпадения кладов с куфическими монетами с конца VIII до первой трети IX в.

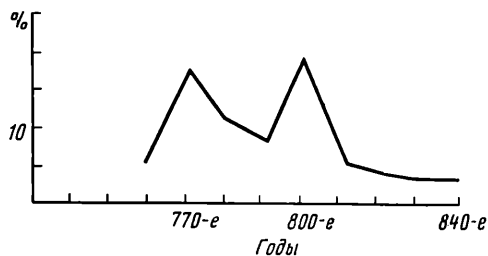
a — кривая динамики выпадения кладов в Закавказье; *b* — кривая динамики выпадения кладов в Восточной Европе; *в* — кривая динамики выпадения кладов в Западной Европе

Хронология находок фельсов из Двина свидетельствует о крупных денежных эмиссиях в 770-е и 800-е годы (рис. 3). Интенсивная чеканка общегосударственной серебряной монеты в Халифате также датируется 770-ми и 800-ми годами (рис. 2). С указанными датами совпадают хронологические периоды массового оседания куфических монет в кладах на территории Закавказья — 780-е и 800-е годы (рис. 1). Следовательно, европейские клады зафиксировали те же самые явления, но более слабые или с незначительным опозданием (рис. 1).

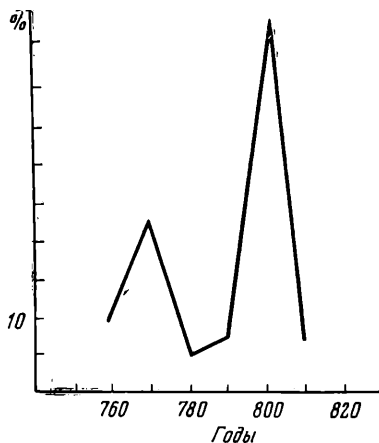
Итак, сравнение динамики денежной чеканки и интенсивности выпадения монет в клады позволяет реконструировать картину обращения мусульманского серебра в Евразии. В 70-е годы VIII в. в Халифате была произведена массовая чеканка серебряных монет. Десять лет спустя монетный поток, переполнивший местное обращение, распространился в Закавказье и осел в пограничных районах. В это же время произошел незначительный отлив монеты на север.

Интенсивная чеканка дирхемов возобновилась на Востоке в самом начале IX в. Монетная волна 800-х годов достигла Закавказья быстрее предыдущей. За период между 780-ми годами и первыми десятилетиями IX в. значительно окрепли торговые связи стран Халифата с Восточной и Северной Европой. Вторая волна куфических монет распространилась далеко за пределы мусульманского мира, о чем свидетельствует массовое выпадение кладов в 810-е годы в европейских районах. Отлив монетного серебра на север привел на короткое время к сокращению массы куфических монет, обращавшихся в Закавказье. По численности европейские клады второго десятилетия IX в. превысили находки южного круга.

Рис. 2. Динамика чеканки серебряной монеты в Халифате (по данным хронологического состава кладов)

Рис. 3. Хронологическое распределение фельсов, найденных в Двине, по годам их чеканки

Запасы монетного серебра на Востоке не были безграничны. Сокращение выпуска денежных знаков в Халифате после 810 г. оказало дополнительное воздействие на размеры вывоза серебряной монеты в Европу. Уменьшение экспорта привело в свою очередь к тому, что излишняя масса куфических монет сконцентрировалась в пограничных районах мусульманского государства, вследствие чего возникли благоприятные условия для ее оседания на месте, что и произошло в скором времени. В 820-е годы в районах Закавказья снова наблюдалось активное образование кладов.

Т. Нунан высказал мысль о том, что непосредственной причиной, открывшей восточному серебру дорогу в Европу, послужило установление мирных отношений между арабами и хазарами около 760 г.⁹ Объяснять быстрое распространение монетного серебра за пределы Халифата исключительно политическими мотивами представляется не совсем аргументированным. Даже поверхностное знакомство с историей арабского Востока показывает, что с начала правления Аббасидов в экономической жизни стран ислама произошли перемены¹⁰. Вместо откровенной завоевательной политики новая династия направила свои усилия на внутреннее развитие страны. За время правления пяти первых аббасидских халифов (750—809 гг.) империя достигла небывалого расцвета. Экономический бум, охвативший Передний Восток, проявился не только в росте городов, развитии внутренней торговли и коммутации ренты¹¹. Быстрое развитие товарно-денежных отношений, совершенствование системы налогообложения потребовали огромного количества денег. Поэтому Аббасиды начали массовую чеканку медной и серебряной монеты. Однако, как это часто происходило, интенсивная чеканка перенасытила местное обращение денежными знаками. Таким образом возникли благоприятные условия для вывоза монеты за рубеж.

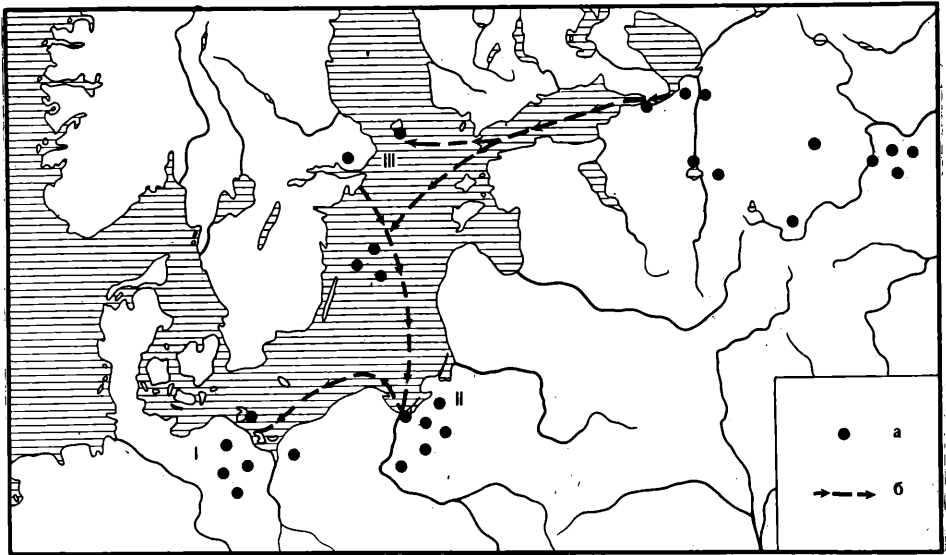
Значительные перемены произошли в социально-экономической жизни народов Восточной и Северной Европы. Частично в VIII в., а в большинстве случаев в начале IX в. на крупных речных магистралях Восточно-Европейской равнины и по побережью Балтийского моря стали возникать и быстро развиваться торговые центры международного значения¹². Такие ранние города, как Хайтхабу, Шпирингсаль, Бирка, Волин, Трусо, Ладога, Тимерево и ряд других, играли основную роль в распространении среди местного населения импорта, прежде всего восточного.

Международная торговля мусульманским серебром в «Северном Средиземноморье» носила широкий размах. Комплекс балтийских кладов с куфическими монетами делится географически на три группы. Первая локализуется в междуречье Эльбы и Одры, вторая — в районе Нижнего Повисленья, третья включает находки с Готланда, из южной Швеции и Аландских островов (рис. 4).

Простой подсчет количества кладов, происходящих только из Балтики, практически ничего не дает для детализации картины обращения куфических монет. Поэтому попробуем применить к хронологии балтийских кладов метод анализа, который был использован по отношению к кладам из трех упомянутых исторических регионов.

Среди кладов, происходящих из бассейна Одры и Эльбы, имеются ранние, датирующиеся самым началом IX в. (рис. 5). Столько же кладов датируется 810-ми годами. Несмотря на то что повисленские клады не уступают кладам первой группы в количественном отношении, между ними нет ни одного с младшей монетой состава 800-х годов (рис. 5). Зато в нумизматических материалах этого района хорошо представлены клады 810-х годов. В скандинавской группе преобладают клады 820-х годов, вовсе не имеется кладов 800-х годов и один клад датируется 810-ми годами (рис. 5). Таким образом, на графиках, отражающих динамику поступления восточного серебра в районы Балтики, наблюдается перемещение хронологического пика распространения монет.

В географическом отношении указанные группы кладов тоже располагаются последовательно, но в обратном направлении. Ближе осталь-

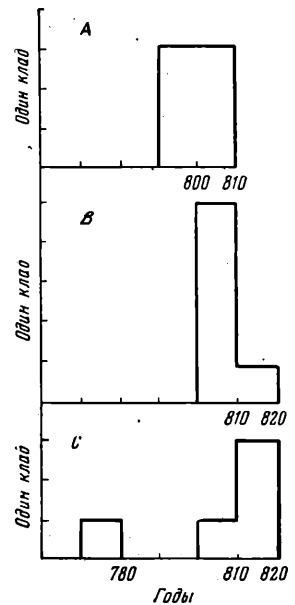

Рис. 4. Распространение куфических монет в районе Балтики с конца VIII до первой трети IX в.

a — клад куфических монет;
b — направление движения монетного потока;
 I, II, III — группы балтийских кладов

Рис. 5. Хронология выпадения кладов с куфическими монетами в трех районах Балтики

A — в бассейне Эльбы и Одры;
B — в районе Нижнего Повисленья;
C — в Скандинавии

ных к Восточной Европе находится район Голландия, за ним следует область Нижнего Повисленья и, наконец, область междуречья Одры и Эльбы (рис. 4). Итак, получается, что чем дальше отстоит район обращения куфических монет от источника поступления монетного серебра, в данном случае Восточной Европы, тем больше среди его нумизматических памятников встречается ранних кладов.

Это противоречие легко снимается, если принять в расчет два основополагающих фактора, которые определяли хронологический состав кладов в каждом районе. То обстоятельство, что в составе эльбо-одерской группы преобладают ранние кладов, объясняется высоким экономическим развитием этого района по сравнению с остальными. Естественно, что сюда серебро должно было поступать в первую очередь. Отсутствие более поздних кладов в западной части Балтийского региона было вызвано, по-видимому, тем, что монеты перевозились в несколько приемов.

При изучении хронологии выпадения кладов в Европе и в Закавказье была подмечена одна важная закономерность. При увеличении темпов вывоза серебра на север численность закавказских кладов резко сокращалась. Однако после того как экспорт серебра уменьшился, произошло новое увеличение численности кладов в пограничных районах Халифата.

По аналогии с приведенными примерами получается, что в самом начале распространения куфических монет в Балтийском регионе основная часть серебра вывозилась на запад. В 810-е годы монетное серебро стало активно оседать в районе Нижнего Повисленья, который, видимо, выполнял функции торгового посредника или транзитного центра. Второй

посредник в балтийской торговле выявился позднее, после того как монетное серебро практически перестало поступать из Восточной Европы. В 820-е годы увеличилась численность кладов (зарываемых каждые десять лет) в восточной части трансбалтийского торгового пути — на Готланде, южном побережье Швеции и Аландских островах.

Выводы, к которым мы пришли в итоге нашего исследования, представляются вполне обоснованными исторически. Экономические и культурные связи между отдельными районами Балтики находят подтверждение в других источниках. Основную задачу настоящей работы мы видели в том, чтобы на основании самостоятельного изучения нумизматических памятников выяснить причины, направление и характер распространения мусульманского монетного серебра на севере Европы.

- ¹ Херрман И. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 191—195.
- ² Wiadomości numizmatyczne, 1968, XII, s. 83.
- ³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 89.
- ⁴ Лебедев Г. С. Монеты Бирки как исторический источник. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной конференции по изучению истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1979, ч. I, с. 191—194.
- ⁵ Марков А. К. Топография восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1926—1966, вып. I—IX; Джалагани Я. Л. Монетные клады Грузии. Тбилиси, 1975, вып. 1; Кропоткин В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе. — НЭ, 1971, IX; Он же. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 111—118; Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Pomorza. Warszawa; Wrocław, 1959; Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947, II; Calmer J. Oriental coins and the beginning of Viking-Age period. — Föregävnen, 1976, 71, p. 178—180.
- ⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 106, 107.
- ⁷ Мушгезян Х. А. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1962, с. 10—13, 60—80, 109—112.
- ⁸ Hudud al-Alam: The region of the World. A persian geography 372 A. H. (982 A. D.): Transl. and explan. by V. Minorsky. London, 1970, p. 142, 143.
- ⁹ Noonan T. 9-th century dirham hoards from European Russia: a preliminary report. — In: Viking-Age coinage in the Northern Lands. London, 1981, p. 51, 52.
- ¹⁰ Ashtor E. A social and economic history of Near East in the Middle Ages. London, 1976; Ahsan M. Social life under the Abbasids (170—289 A. H. — 786—902 A. D.). London, 1979; Shaban M. A. Islamic history 600—750 A. D. A New Interpretation. Cambridge, 1971; Idem. Abbasid revolution. Cambridge, 1970.
- ¹¹ Ashtor E. A social and economic history..., p. 71—120.
- ¹² В. А. Булкин, Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 45—60, 85—94, 115—128; Jankuhn H. Typen und Funktionen vor- und früh-wikingerzeitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971, S. 5—7, 30—36.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Клады куфических монет конца VIII—первой трети IX в.

Восточная Европа

Старая Ладога, 786 г.	Семенов Городок, 811 г.	Новотроицкое, 819 г.
Петергоф, 804 г.	Кремлевский, 812 г.	Сарское, 820 г.
Петровское, 805 г.	Угодичи, 813 г.	Ярыловичи, 821 г.
Кривянская, 806 г.	Нижняя Сыроватка, 813 г.	Элмед, 821 г.
Цимлянское, 807 г.	Нижние Новоселки, 813 г.	Литвиновичи, 824 г.
Вылеги, 808 г.	Сарское, 814 г.	Демьянск, 824 г.
Княжчино, 809 г.	Могилевская губ., 815 г.	Углич, 829 г.
Завалишно, 810 г.	Минская губ., 816 г.	Загородье, 832 г.
Холопий Городок, 810 г.	Лопатково, 816 г.	Баскач, начало IX в.
Хитровка, 811 г.	Борки, 817 г.	Паристовка, начало IX в.
		Богушевский, 820-е годы?

Западная Европа

Хаммарс, 783 г.
Евров, 802 г.
Пендлин (799 г.), начало
IX в.
Дарс, 805 г.
Залево, 812 г.

Стегна, 812 г.
Окес, 813 г.
Красноляка, 813 г.
Ней-Бранденбург, 816 г.
Гржибово, 816 г.
Рюгард, 816 г.

Брониево, 817 г.
Мокаймы-Сойки, 817 г.
Хейде, 824 г.
Висбю, 825 г.
Сведьеланд, 825 г.
Рамсово, 828 г.

Закавказье

Кировобад, 771 г.
Карягин, 783 г.
Верхний Адыман, 787 г.
Тауз, 787 г.
Сепнекаран, 788 г.

Саване, 793 г.
Агдам, 804 г.
Ата-Мишле, 804 г.
Агдам, 805 г.
Пшавели, 808 г.

Архаве, 811 г.
Ковшири, 820 г.
Мстидзири, 820 г.
Баш-Гарни, 823 г.
Лелиани, 829 г.

А. А. АЛЕКСАНДРОВ

ПОЛУСФЕРИЧЕСКИЕ КУРГАНЫ С СОЖЖЕНИЯМИ НА ПСКОВЩИНЕ

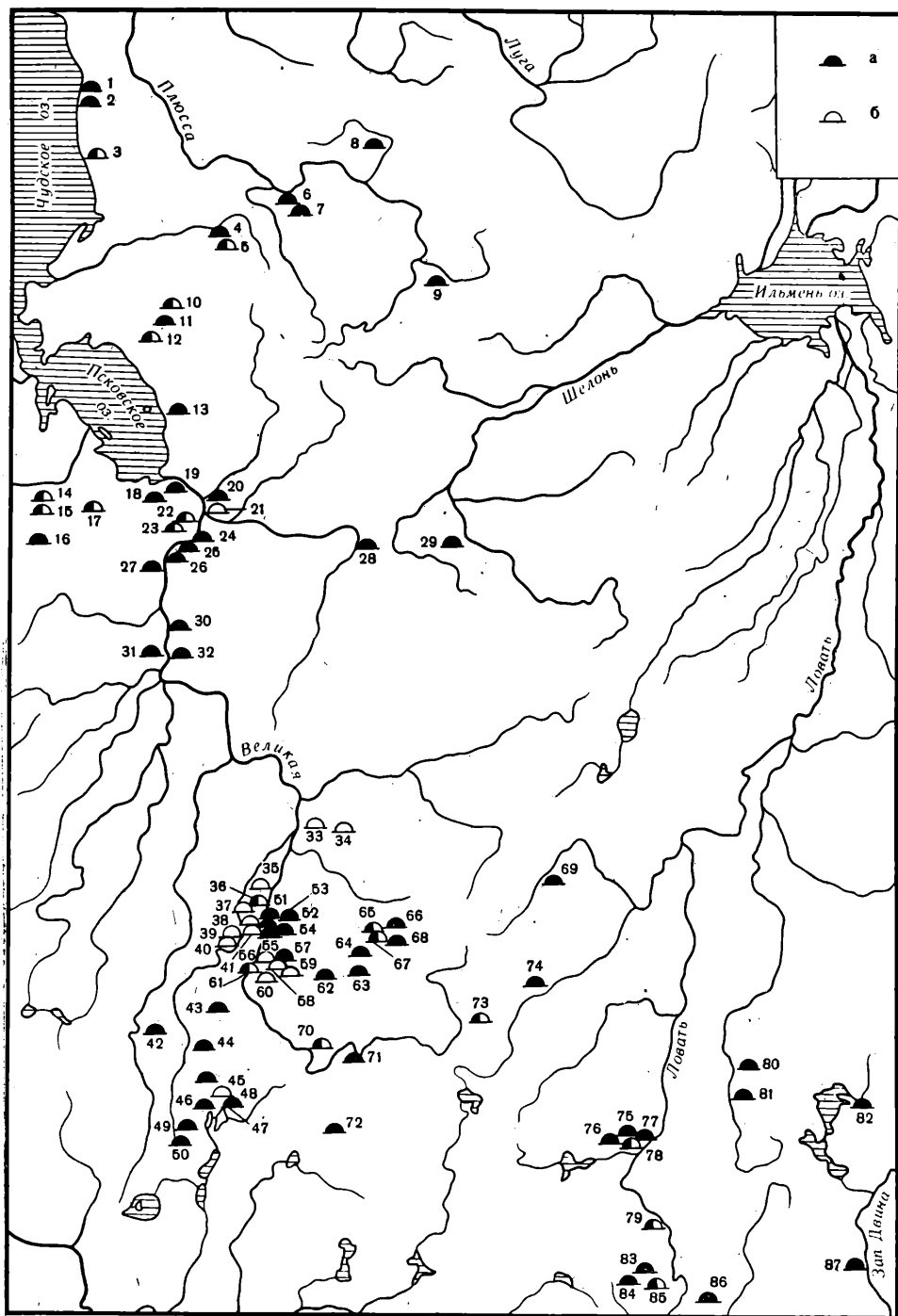
Из погребальных памятников северо-запада Руси лишь длинные курганы и сопки достаточно освещены в литературе¹. В то же время такая группа погребальных сооружений, как полусферические насыпи, содержащие захоронения по обряду трупосожжения, исследована слабо, хотя и имеет существенное значение для понимания истории региона второй половины I тысячелетия н. э. Сводка И. И. Ляпушкина² носит слишком обзорный характер.

Прежде всего представляется необходимым сведение воедино всех имеющихся данных о полусферических курганах. В настоящей статье это делается для Псковского региона.

История изучения полусферических курганов с сожжениями здесь во многом повторяет ход исследований длинных курганов, подробно рассмотренный В. В. Седовым³. Впервые круглые курганы с сожжениями на Псковщине раскапывал в 40-е годы XIX в. Брант⁴. В конце XIX—начале XX в. эти памятники исследовали Н. И. Соколов, слушатели Археологического института Е. Р. Романов, Ф. А. Ушаков, А. А. Заборовский, В. Н. Глазов, Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич, Е. И. Исполатов, К. Д. Трофимов, К. В. Кудряшов⁵. В 1912—1913 гг. в преддверии несостоявшегося XVI археологического съезда в ряде уездов Псковской губернии проводились значительные археологические работы, в частности В. Н. Крейтеном, П. С. Рыковым, В. В. Гольмстен и Д. Н. Эдинггом изучались полусферические курганы с сожжениями⁶.

В 1937—1940 гг. круглые курганы с сожжениями на севере Псковщины копал Н. Н. Чернягин⁷. В 1949 и 1955 гг. несколько насыпей раскопала С. А. Тараканова⁸. В 1953 и 1958 гг. круглые курганы с сожжениями исследовались Г. П. Гроздиловым⁹, а в 1953, 1954 и 1958 гг. — Я. В. Станкевич¹⁰. Во второй половине 60-х и в 70-х годах исследования курганов на Псковщине проводил В. В. Седов¹¹. В те же годы полусферические курганы с сожжениями раскапывали А. М. Микляев, Р. С. Минасян и Г. С. Лебедев¹², Н. В. Хвошинская¹³, В. А. и О. И. Тюленевы¹⁴, С. В. Белецкий¹⁵, К. М. Плоткин¹⁶, И. О. Колосова¹⁷.

В настоящей статье учтено 87 курганных групп (рис. 1), в которых исследовано не менее 230 круглых насыпей с погребениями по обряду сожжения (включая так называемые пустые курганы). К сожалению, не все эти насыпи могут быть использованы как полноценный источник. О большей части их нет достаточно подробных сведений, позволяющих

Рис. 1. Распространение круглых курганов с сожжением на Псковщине

а — курганы с сожжениями; б — пустые курганы

- 1 — Калихновщина; 2 — Верхоялны; 3 — Залахтовье; 4 — Жеребятино; 5 — Безьва; 6 — Лосицы; 7 — Полицы; 8 — Стаи; 9 — Плюсса; 10 — Городня; 11 — Сельцо; 12 — Совий Бор (Гридице); 13 — Жидилов Бор (Кривицы); 14 — Малы; 15 — Тивиново; 16 — Любенец; 17 — Лезги; 18 — Северик; 19 — Романово; 20 — Псков; 21 — Першина; 22 — Голодуна; 23 — Выбуты (Лыбуты); 24 — Еропиха; 25 — Паничьи Горки; 26 — Волженец; 27 — Беляево; 28 — Александровское; 29 — Каменка; 30 — Подмогилье; 31 — Ванино; 32 — Сопка; 33 — Загряжье; 34 — Жадрицы; 35 — Рогово; 36 — Шурупово; 37 — Кирово; 38 — Берешешково 1; 39 — Волково; 40 — Макушино; 41 — Берешешково 2; 42 — Синее; 43 — Огурцово; 44 — Грицково; 45 — Табор-Глинский; 46 — Литвиново; 47 — Черпея; 48 — Угоринка; 49 — Глубокое; 50 — Шакелево; 51 — Емельянцево;

судить о деталях погребальной обрядности и хронологии. Более или менее подробные данные имеются лишь о 150 курганах.

По внешнему облику и особенностям погребальной обрядности псковские курганы с сожжениями разделяются на восемь групп.

Группа 1 — плоские курганы, имеющие отношение высоты к диаметру 1:8 — 1:10. Они содержат по нескольку захоронений по обряду кремации на стороне. Погребения находятся преимущественно в материковых ямках или на горизонте. Таковы насыпи у деревень Городня (курганы 1, 6, 10, 12, 16, 18)¹⁸, Казиха (18)¹⁹, Жеребятино (2)²⁰, Полибино I (1—3)²¹, Совий Бор — Грядище (2, 3, 5)²², Жабино (1—3, 5, 6)²³, Полицы²⁴, Безьва 1 (2)²⁵, Лезги (8)²⁶. В некоторых случаях встречены также захоронения, рассыпанные на поверхности насыпи — Городня (курган 3) и Совий Бор (3)²⁷.

Группа 2 — насыпи, содержащие, как и курганы первой группы, по нескольку погребений по обряду сожжения на стороне. Они помещены в материковые ямки, на горизонте или в насыпи. Основное отличие от курганов первой группы заключается в форме насыпей — они более крупные и крутобокие: отношение высоты к диаметру — 1:4,5—1:6. Таковы курганы в могильниках Городня (2, 7, 11, 19), Совий Бор (2) и Залахтовье (21, 81)²⁸.

Группа 3 — крупные сопковидные курганы с одиночными захоронениями, помещенными на середине высоты насыпи. Сюда относятся курганы в могильниках Шильско (7) и Шурупово (2, 3)²⁹.

Группа 4 — крупные сопковидные курганы, внутри которых часты разнообразные каменные конструкции, в некоторых случаях отмечается многоярусность захоронений. Погребения обычно расположены в насыпях. Отдельные захоронения иногда не вычлениаются — кальцинированные кости разбросаны среди каменных конструкций. К этой группе относятся одиночные курганы у деревень Романово, Белено, Ванино и Сопка³⁰.

Группа 5 — высокие сопковидные насыпи Ерошихинского могильника. Они содержали погребения по обряду сожжения на месте в деревянных домовинах. Домовины ориентированы с запада на восток. В одном случае прослежена восточная ориентировка погребенного³¹.

Группа 6 — малые насыпи могильника Залахтовье, впервые открытые раскопками Н. В. Хвоцинской³². Курганы плоские высотой 0,25—0,40 м, диаметром около 4,5 м. Одиночные погребения по обряду сожжения на стороне помещались в ямках, вырытых в центре подкурганной площадки. Сверху ямки были перекрыты слоем погребального кострища толщиной до 10 см.

Группа 7 — так называемые пустые курганы. Соотношение высоты и диаметра, как правило, 1:4—1:6. Погребения в них не обнаружены. Таковы насыпи в могильниках Городня (курган 15)³³, Першина (7, 8)³⁴, Романова-Тютинина (1)³⁵, Рогово (1—3)³⁶, Кудово (1, 2)³⁷, Жабино (7)³⁸, Волково (1, 2)³⁹, Лыбуты (2, 3)⁴⁰, Голодуша (1)⁴¹, Полибино II (5)⁴², Жадрицы (1, 2)⁴³, Бабино (1—4)⁴⁴, Селянь (1)⁴⁵, Шильско (6, 8)⁴⁶, Сатонкино (1—3)⁴⁷, Кривовицы (1)⁴⁸, Кирово (1—3)⁴⁹, Угоринка (1—4, 37)⁵⁰, Дыркино (3)⁵¹, Безьва 1 (2)⁵², Залахтовье (33, 42, 55 по К. Д. Трофимову)⁵³, Совий Бор (1, 5)⁵⁴, Лезги (5, 7)⁵⁵. Многие исследователи утверждают, что остатки сожжений помещались в этих курганах на вершинах и не сохранились⁵⁶. Это весьма вероятно и подтверждается

---

52 — Опочка; 53 — Святотечь; 54 — Галуха; 55 — Пурышово; 56 — Бабино; 57 — Бураково; 58 — Укропово 1; 59 — Укропово 2; 60 — Кудово; 61 — Шильско; 62 — Лапина; 63 — Яцково; 64 — Панино; 65 — Романово; 66 — Зайцево; 67 — Дыркино; 68 — Бардово; 69 — Белено; 70 — Казиха; 71 — Колново; 72 — Свибло; 73 — Сатонкино; 74 — Ключево; 75—78 — Полибино 1—4; 79 — Борисоглеб; 80 — Заболотье; 81 — Дохино; 82 — Михайловское; 83 — Девичьи Горы; 84 — Фролово; 85 — Жабино; 86 — Гуковы Нивы; 87 — Боровое

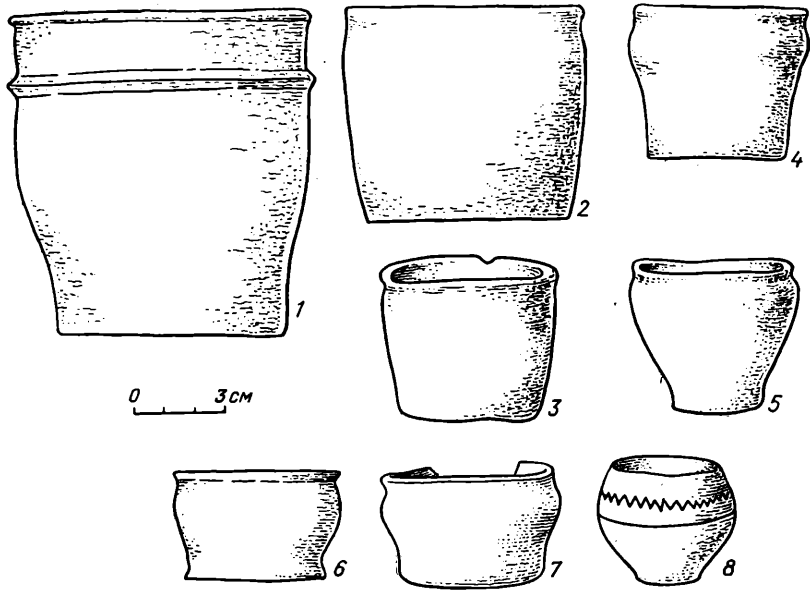

Рис. 2. Керамика из курганов с сожжениями

1, 2 — Жеребятино, курган 2; 3 — Городня, курган 2; 4 — Шильско, курган 7; 5 — Казиха, курган 19; 6 — Чернея, курган 3; 7 — Ерошиха; 8 — Ерошиха, курган 2 (безмасштабный)

находками кальцинированных костей на вершинах курганов, исследованных в Лезгах, Казихе и Пурьшеве⁵⁷.

Группа 8 — курганы с соотношением высоты и диаметра 1:4—1:6, содержащие одиночные погребения по обряду кремации на стороне (обычно на горизонте). Такие курганы встречены в могильниках Казиха (19)⁵⁸, Верхоляны (5)⁵⁹, Чернея⁶⁰, Ерусалимская⁶¹, Кривовицы (2, 3, 7, 12, 13)⁶². Ряд курганов этой группы имел в основании каменные обкладки: Дохино (4)⁶³, Гусева Гора (2)⁶⁴, Калихновщина (16, 41—44)⁶⁵.

Погребальный инвентарь в описанных группах представлен различным образом. Курганы группы 7 не содержали находок, за исключением единичных фрагментов глиняных сосудов (Бабино, курган 4; Пурьшево). Курганы групп 1 и 2, сходные по деталям погребальной обрядности, содержали немногочисленный инвентарь. Обычно это фрагменты лепных сосудов характерных для псковских длинных курганов форм (рис. 2, 1—3)⁶⁶. Среди вещевых находок (рис. 3, 1, 4, 6, 10, 11) поддаются датировке следующие: обломок проволочно-пластинчатого браслета, относящегося к V—VII вв. (Жеребятино, курган 2)⁶⁷, пряжка IV—VI вв. (Полибино I, курган 2)⁶⁸ и бронзовый дровый браслет с утолщенными концами, принадлежащий к VII—VIII вв. (Городня, курган 3)⁶⁹.

В курганах группы 3 встречена только лепная керамика (рис. 2, 4).

В кургане у д. Романово, относящемся к группе 4, найдены трапециевидные подвески, спиральки и спиральный перстень. Эти вещи не имеют узкой даты.

В погребениях Ерошихинского могильника, входящих в группу 5, найдены так называемые трубочки для трута (рис. 3, 9), имеющие аналогии в курганах Ярославского Поволжья и датированные X в.⁷⁰ Этой дате не противоречат керамические материалы (рис. 2, 7, 8), в том числе круговой сосуд из кургана 2. Найдена также железная булавка с кольцом (рис. 3, 8)⁷¹.

Группа малых насыпей могильника Залахтове датирована Н. В. Хвоцинской на основе разнообразного инвентаря (браслеты, фибулы, топоры, мечи, копья, ключи, односторонние наборные гребни, весы и гирьки и др.) X в.⁷² Этой дате не противоречат находки разбитых леп-

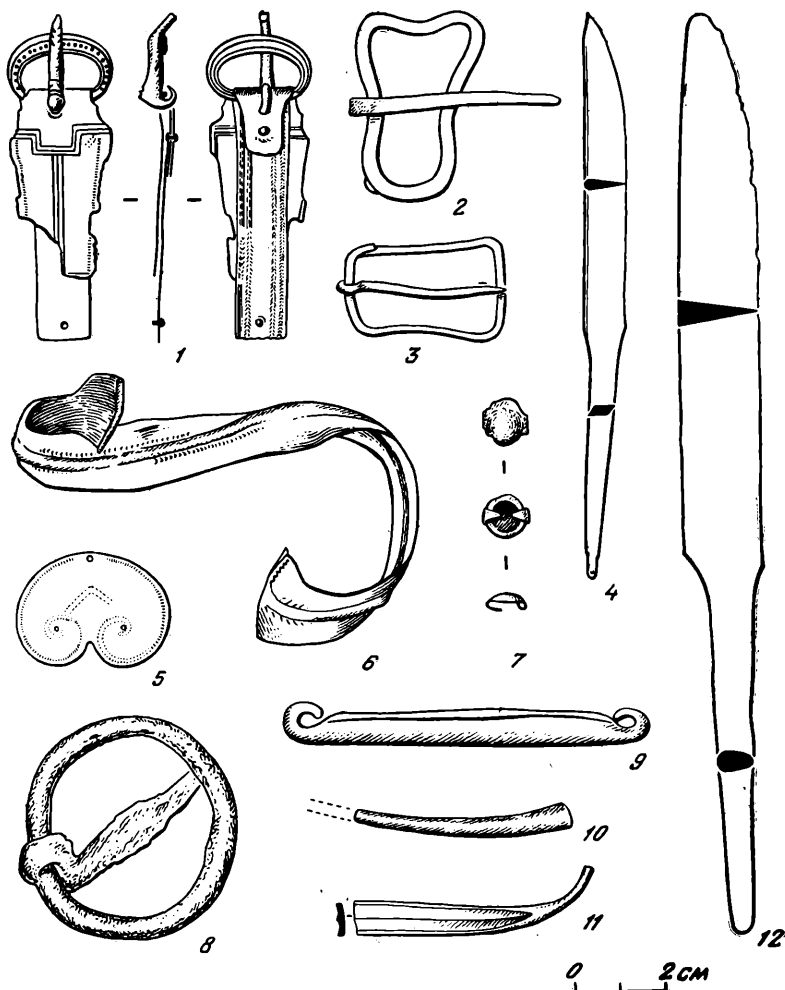

Рис. 3. Предметы из курганов с сожжениями

1 — Городня, курган 2; 2 — Казиха, курган 19; 3 — Лапина, курган 7; 4, 10 — Городня, курган 3; 5, 7 — Горско; 6 — Совий Бор, курган 2; 8 — Ерошиха, курган 2; 9 — Ерошиха, курган 1; 11 — Жеребятино, курган 2; 12 — Городня, курган 19
1, 5—7, 10, 11 — бронза; 2—4, 8, 9, 12 — железо; 8, 9 — безмасштабные

ных сосудов со следами погребального костра. Ближайшие аналогии им имеются среди керамики каменных могильников Эстонии⁷³.

В курганах группы 8 встречена круговая керамика, а также многочисленные вещи древнерусских типов (предметы вооружения, железные пряжки, овальные кресала, бронзовые украшения и др.). Этими находками курганы датируются X—XI вв. Наиболее ранним в этой группе является погребение в кургане 19 могильника Казиха (рис. 3, 2), где найдены бронзовые украшения, датированные В. В. Седовым IX—X вв.⁷⁴, и лепной горшок типа керамики смоленских длинных курганов (рис. 2, 5).

Круглые курганы с сожжениями из лесной полосы Восточной Европы И. И. Ляпушкин⁷⁵, а вслед за ним М. И. Артамонов⁷⁶ считали безусловно славянскими памятниками. В. В. Седов рассматривает такие курганы как позднюю группу памятников, эволюционно связанных с культурой длинных курганов⁷⁷, при этом он допускает, что часть круглых курганов синхронна длинным. Г. С. Лебедев и В. А. Булкин впервые поставили вопрос о неоднородности древностей, традиционно объединяемых в массив круглых курганов с сожжением⁷⁸. Имеющиеся материалы позволяют присоединиться к этой точке зрения. Действительно, круглые

курганы с сожжениями на Псковщине неоднородны. Курганные насыпи групп 1 и 2 по обряду и составу погребального инвентаря, несомненно, оставлены тем же населением, что и длинные курганы⁷⁹. Создается впечатление, что несколько более ранними являются плоские курганы, из которых в основном и происходят датирующие вещи. Вероятность этого подтверждается также сходством керамического материала рассматриваемых курганов с глиняной посудой грунтового могильника у д. Узмень. Для отдельных погребений этого могильника Р. С. Минасян реконструирует невысокие круглые насыпи⁸⁰. Происхождение же длинных курганов из грунтовых могильников в настоящее время как будто не может быть оспорено⁸¹.

Сопковидные курганы группы 3, сближающиеся по погребальному обряду с насыпями группы 2, по-видимому, возникли несколько позднее их. Это выявляется по керамическому материалу.

Каменные конструкции насыпей группы 4 сближают их, с одной стороны, с новгородскими сопками⁸², с другой — с крайними длинными курганами типа Северик и более поздними насыпями типа Мальского могильника⁸³.

Курганы групп 5 и 6 по погребальному обряду и инвентарю выглядят чужеродными для региона в целом. Они требуют специального рассмотрения.

Курганы группы 8, как правило, находятся в одних могильниках с обычными древнерусскими курганами, содержащими погребения по обряду труположения. Состав инвентаря и керамика также связывают эти группы погребальных сооружений между собой. Поэтому курганы с сожжениями группы 8 следует рассматривать как наиболее ранние захоронения древнерусской курганной культуры на Псковщине.

«Пустые» курганы группы 7 спорадически встречаются в одних могильниках с длинными и древнерусскими. Нередко они составляют и самостоятельные могильники. Заметное скопление таких могильников зафиксировано в районе Опочки. По внешнему облику «пустые» курганы близки древнерусским насыпям. В то же время они заметно отличаются от курганов групп 1 и 2. В. А. Булкин справедливо подчеркнул, что идея кенотафа для погребальных сооружений такого рода маловероятна⁸⁴. По-видимому, можно утверждать, что преобладающими в этих курганах были поверхностные захоронения.

Таким образом, круглые курганы с трупосожжениями Псковского региона в культурном отношении явно неоднородны. Членение их на восемь групп выявляет не менее трех культурных традиций, соотношение между которыми пока остается неясным. В связи с этим этноисторическая интерпретация материала представляется преждевременной.

¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-8; *Он же.* Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1-8.

² *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. — МИА, 1968, 152, с. 111—118.

³ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей, с. 5—10.

⁴ *Брант.* О древних могилах в Витебской и Псковской губерниях. — Журнал Министерства внутренних дел, 1851, 33, с. 212—226.

⁵ *Соколов Н. И.* Журнал курганных раскопок... в Лыбутьской местности. Псков, 1879; *Данилов И.* Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. — Сборник Археологического института. СПб.,

1880, 3, с. 37, 38; *Страшевич В., Лотоцкий В.* Экскурсия слушателей Археологического института в г. Псков и его окрестности 11—14 мая 1898 г. — Вестник Археологического института, 1900, XIII, с. 39, 40; Протокол IV (обыкновенного) общего собрания Псковского археологического общества 12 февраля 1881 г. Псков, 1881; ОАК за 1892 г., с. 61, 62; *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губ. — Труды Псковского археологического общества, Псков, 1914, 10, с. 235; Журнал заседаний Псковского археологического общества 16 мая 1899 г. Псков, 1899, с. 18—19; *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опочечком и Новоржевском уездах. — ЗРАО, 1901, XI, с. 212—215, 217, 218, 221, 222; *Он же.* Отчет о раскопках, произведенных в Псковской

- губ. в 1901 и 1902 гг. — ЗОРСА, 1903, V, 1, с. 45, 46, 48, 49, 51—54, 60—63; *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, 29, с. 98, 101, 107; *Он же.* Раскопки В. Н. Глазова близ погоста Лыбуты. — ИАК, 1905, 15, с. 73, 74; Извлечение из отчета Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ. — ИАК, 1904, 6, с. 2; *Окулич-Казарин Н. Ф.* Путеводитель по музею Псковского археологического общества. Псков, 1908, с. 49; *Трофимов К. Д.* Раскопки курганов при д. Залахтове-Кувшиново С.-Петербургской губ. Гдовского уезда. М., 1909, с. 9—18; *Кудряшов К. В.* Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. — ЗОРСА, 1913, IX, с. 247, 248.
- ⁶ *Крейтон В. Н.* Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1912 г. — Труды Псковского археологического общества, Псков, 1913, 9, с. 8—14; *Он же.* Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1913 г. — Труды Псковского археологического общества, Псков, 1914, 10, с. 3—21; Каталог выставки XVI Всероссийского археологического съезда в Пскове. Псков, 1915, с. 3, 4; *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы..., с. 183; *Rykov P. S.* Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja. — ESA, 1929, IV, S. 285, 286; Материалы для археологической карты Псковской губ. Псковский музей-заповедник, Древле-хранилище, ф. ПАО, д. 2004, 1914 г., л. 1395.
- ⁷ *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки. — МИА, 1941, 6; *Он же.* Отчет о раскопках в Псковском округе за 1938—40 гг. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1938, № 70.
- ⁸ *Тараканова С. А.* Псковские курганы с трупосожжением. — КСИИМК, 1951, XXXVI, с. 149—153; *Она же.* Себежские городища и курганы. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 119—124.
- ⁹ *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска. — АСГЭ, 1965, 7, с. 77—79.
- ¹⁰ *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвьяния в I и начале II тысячелетия н. э. — МИА, 1960, 76, с. 102, 103, 118—120, 266—269, 278—287; *Она же.* Курганы у д. Полибино на р. Ловати. — КСИА, 1962, 87, с. 31—35.
- ¹¹ *Седов В. В.* Казихинские курганы на р. Великой. — КСИА, 1969, 120, с. 95, 96; *Он же.* Себежские курганы. — КСИА, 1977, 150, с. 68; *Он же.* Грицковские курганы. — КСИА, 1971, 125, с. 55.
- ¹² *Микляев А. М., Минасян Р. С., Лебедев Г. С.* Раскопки Невельской экспедиции. — АО 1969 г. М., 1970, с. 15.
- ¹³ *Хвоцинская Н. В.* О новом типе курганов в могильнике у д. Залахтове. — КСИА, 1977, 150, с. 62—68; *Она же.* Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (по материалам погребальных памятников). Автореф. канд. дис. Л., 1978.
- ¹⁴ *Тюленев В. А., Тюленева О. И.* Раскопки курганов у д. Ерусалимская. — АО 1976 г. М., 1977, с. 36; *Они же.* Продолжение работ у д. Ерусалимская. — АО 1977 г. М., 1978, с. 41, 42.
- ¹⁵ *Белецкий С. В.* Разведка в низовьях р. Великой. — АО 1974 г. М., 1975, с. 5; *Он же.* Охранные раскопки под Псковом. — АО 1975 г. М., 1976, с. 6, 7.
- ¹⁶ *Плоткин К. М., Грач В. А.* Раскопки курганов у д. Северик. — АО 1977 г. М., 1978, с. 29.
- ¹⁷ *Колосова И. О.* Раскопки кургана у д. Волженец. — АО 1978 г. М., 1979, с. 15.
- ¹⁸ *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках..., л. 19—23, 28, 30, 32—34.
- ¹⁹ *Седов В. В.* Казихинские курганы..., с. 95, 96.
- ²⁰ *Кудряшов К. В.* Отчет о раскопках..., с. 244—247.
- ²¹ *Станкевич Я. В.* К истории населения..., с. 278, 281—287.
- ²² *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках..., л. 17—19.
- ²³ *Станкевич Я. В.* К истории населения..., с. 120, 266—270.
- ²⁴ *Данилов И. Г.* Раскопки слушателями..., с. 37, 38.
- ²⁵ *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках..., л. 2.
- ²⁶ *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники..., с. 78.
- ²⁷ *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках..., л. 18, 21 и 22.
- ²⁸ *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках..., л. 20, 24, 27, 35 и 36; *Тараканова С. А.* Отчет Псковской археологической экспедиции за 1949 г. Архив ИА, Р-1, № 411, л. 54, 55.
- ²⁹ *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. ..., с. 212, 213, 218.
- ³⁰ ОАК за 1892 г., с. 61, 62; *Rykov P. S.* Archäologische Beobachtungen..., S. 286; *Белецкий С. В.* Охранные раскопки под Псковом, с. 6, 7; материалы раскопок Л. А. Царьковой — в Псковском музее-заповеднике.
- ³¹ *Соколов Н. И.* Журнал курганных раскопок..., с. 13; *Крейтон В. Н.* Археологические разведки... 1912 г., с. 8—11.
- ³² *Хвоцинская Н. В.* О новом типе курганов..., с. 62, 63.
- ³³ *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках..., л. 32.
- ³⁴ *Спицын А. А.* Раскопки В. Н. Глазова..., с. 72, 73.
- ³⁵ *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. ..., с. 221, 222.
- ³⁶ Там же, с. 216, 217.
- ³⁷ Там же, с. 219, 220.
- ³⁸ *Станкевич Я. В.* К истории населения..., с. 268.
- ³⁹ *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. ..., с. 215, 216.
- ⁴⁰ *Спицын А. А.* Раскопки В. Н. Глазова..., с. 71, 72.
- ⁴¹ Там же, с. 73, 74.

- 42 Станкевич Я. В. Курганы у д. Полибино... , с. 32.
- 43 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. ... , с. 223.
- 44 Там же, с. 218, 219.
- 45 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг., с. 60.
- 46 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. ... , с. 217, 218.
- 47 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг., с. 48, 49.
- 48 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском уезде. — ЗОРСА, 1903, V, 1, с. 67.
- 49 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. ... , с. 211, 212.
- 50 Тараканова С. А. Себежские городища... , с. 121—123.
- 51 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. ... , с. 223.
- 52 Чернягин Н. Н. Отчет о раскопках... , л. 37.
- 53 Трофимов К. Д. Раскопки курганов... , с. 9—18.
- 54 Чернягин Н. Н. Отчет о раскопках... , л. 17, 19.
- 55 Гроздилов Г. П. Археологические памятники... , с. 78.
- 56 Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... , с. 97—112; Булкин В. А. О так называемых пустых курганах Гнездовского могильника. — КСИА, 1973, 135, с. 120—122.
- 57 Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы... , с. 183; Гроздилов Г. П. Археологические памятники... , с. 78; Седов В. В. Казихинские курганы... , с. 96.
- 58 Седов В. В. Казихинские курганы... , с. 95, 96.
- 59 Спицын А. А. Гдовские курганы... , с. 107.
- 60 ОАК за 1892 г., с. 61, 62.
- 61 Материалы раскопок В. А. Тюленева — в Музее истории Ленинграда.
- 62 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1899 г. ... , с. 67—70.
- 63 Глазов В. Н. Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг., с. 52.
- 64 Спицын А. А. Гдовские курганы... , с. 83, 84.
- 65 Там же, с. 98—101.
- 66 Седов В. В. Длинные курганы кривичей, табл. 19, 1, 3, 5, 6; 20, 2; 22, 10, 11.
- 67 Чернягин Н. Н. Отчет о раскопках... , с. 72, 80.
- 68 Горюнов Е. А. Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 120, 121.
- 69 Шмидт Е. А. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии V в. до н. э.—V в. н. э. Таллин, 1955, с. 134; Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э.—МИА, 1963, 108, с. 61.
- 70 Недошвина Н. Г. Предметы бытового назначения. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 51.
- 71 Фезнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 80, рис. 47, 5.
- 72 Хвощинская Н. В. О новом типе курганов... , с. 62—68.
- 73 Белецкий С. В. Керамика Псковской земли второй половины I—начала II тысячелетия н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф. канд. дис. М., 1979, с. 8, 9.
- 74 Седов В. В. Казихинские курганы... , с. 96.
- 75 Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... , с. 96, 97.
- 76 Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967.
- 77 Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 109; Он же. Длинные курганы кривичей, с. 36—39.
- 78 Лебедев Г. С. Начало Верхней Руси по данным археологии. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 90—95.
- 79 Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 18, 19, 26—35.
- 80 Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу озера Умень. — Труды Гос. Эрмитажа, 1980, XX, с. 178, 180.
- 81 Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 39—41.
- 82 Седов В. В. Новгородские сопки, с. 12—23.
- 83 Тараканова С. А. Длинные и удлинённые курганы. — СА, 1954, XX, с. 77—110; Седов В. В. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска. — КСИА, 1976, 146, с. 87—95.
- 84 Булкин В. А. О так называемых пустых курганах... , с. 120—122.

ОБ ОДНОЙ СУБСТРАТНОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕРУССКИХ КУРГАНАХ

Исследуя в 1895—1896 гг. средневековые могильники в Костромском Поволжье, Ф. Д. Нефедов зафиксировал интересную погребальную деталь — так называемые заливки, или своды в курганах¹. Эта деталь была встречена в 77 насыпях, раскопанных в 38 местностях. Судя по кратким дневниковым данным, «заливка» представляла собой твердую («сбитую», по словам исследователя) массу из смеси глины, извести и песка, достигавшую иногда толщины свыше 20 см. В большинстве случаев Ф. Д. Нефедов отмечал лишь сам факт наличия «заливки» в кургане, не приводя ее характеристики. Известно, однако, что в ряде насыпей «заливка» образовывала что-то вроде свода над погребением, имевшего, как это было указано в одном случае, овальную форму. «Заливка» или полностью покрывала умершего или располагалась лишь над верхней частью тела — «над головой и грудью», «от головы до пояса». Один раз отмечены размеры этой конструкции: длина 2 м, ширина 1,12 м².

Большинство погребений под «заливкой» (встречены только трупоположения) совершено в основании насыпи, причем глинисто-известковый «свод» на 15—30 см возвышался над уровнем захоронения. В 15 курганах умершие были погребены в подкурганных могильных ямах, имевших, судя по указанным размерам некоторых из них, небольшую глубину (30—35 см). В таких насыпях «заливка» сооружалась на уровне древнего горизонта, заполняя и верхнюю часть могилы.

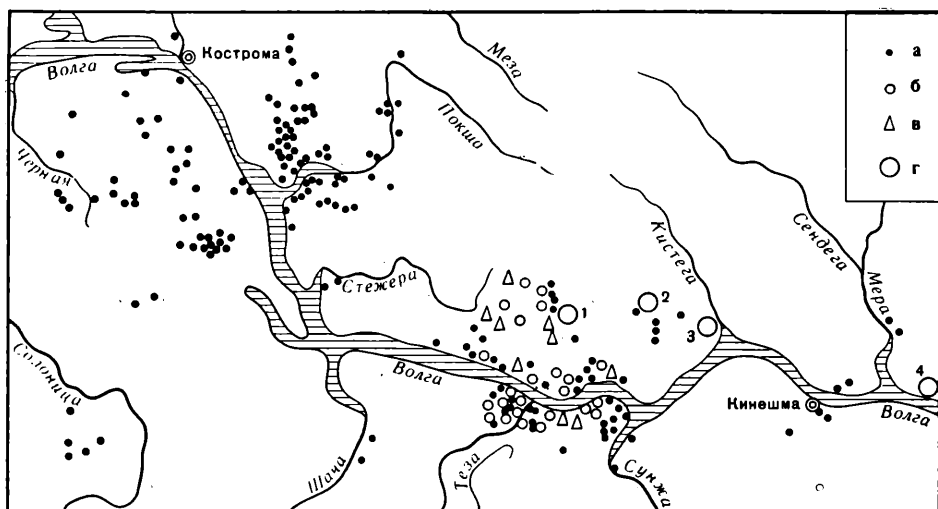
Рассматриваемая погребальная обрядность зафиксирована только в зоне раскопок Ф. Д. Нефедова, изучавшего археологические памятники в центральном (Колдомо-Сунженском) и восточном (Кинешемском) регионах курганной культуры, и полностью отсутствует в западном (Костромском) ареале могильников, где в дореволюционный период было раскопано около 1200 курганов (рис. 1)³.

Вопрос о происхождении и характере погребений под глиняными «сводами» («заливкой») неоднократно становился объектом специального изучения в археологической литературе. В свое время П. Н. Третьяков отметил прямую корреляцию между наличием «сводов» в курганах и богатством погребального инвентаря самих захоронений. Это явилось основой для интерпретации «заливок» в качестве социального признака. Локализация «заливок» лишь в районе раскопок Ф. Д. Нефедова связана, по мнению П. Н. Третьякова, скорее всего с тем, что остальные исследователи просто не обращали на них должного внимания⁴.

В монографии Е. И. Горюновой основное внимание было уделено проблеме этнокультурной принадлежности погребений под «сводом». Анализ деталей обряда и характера находок из таких комплексов показал, что «заливки» являются одним из наиболее ярких элементов субстратной финно-угорской культуры⁵. Аналогичное заключение высказано в работах В. В. Седова, В. Ф. Генинга, В. П. Глазова и автора настоящей статьи⁶.

Исходя из того что данный элемент обряда уже получил развернутую оценку в публикациях и в первую очередь в исследовании Е. И. Горюновой, остановимся лишь на основных моментах в его характеристике.

1. Большинство курганов с «заливкой» входит в состав групп с обычными насыпями. Чаще всего в могильнике встречается по два таких погребения (17 групп), в шести группах отмечено лишь по одному и в четырех — по три-четыре кургана со «сводом». Их доля в группах колеблется от 10 до 50% исследованных комплексов, чаще всего они составляют около трети всех курганов. В девяти случаях зафиксировано

Рис. 1. Курганные могильники Костромского Поволжья

а — исследованные могильники без глиняных конструкций в курганах; **б** — могильники, включающие курганы с «заливкой» («сводом»); **в** — курганы-«особняки» с глиняными конструкциями; **г** — могильники с преобладанием погребений под «заливкой» («сводом»)

1 — Кожухово; 2 — Евсиплево; 3 — Любаново; 4 — Студенец

обособленное положение насыпей с «заливкой» в могильнике с обычными захоронениями. Следует отметить, что основная часть курганов-«особняков» Костромского Поволжья как раз и связана с рассматриваемой погребальной традицией. Наконец, захоронения под «заливкой» содержали все восемь раскопанных курганов у д. Студенец, три из четырех насыпей близ д. Кожухова, четыре из шести — у с. Есиплево и три из пяти — у д. Любаново. Указанные группы с явным преобладанием данной ритуальной особенности локализуются на левобережье Волги, к востоку от р. Колдома.

2. В большинстве курганов с «заливкой» встречены женские захоронения. В 68 случаях это одиночные труположения, в двух — погребения мужчин и женщин, в трех — пол не определен из-за отсутствия вещевых находок (но, вероятно всего, это мужские захоронения)⁷, и лишь в четырех насыпях оказались бесспорно мужские труположения. Таким образом, женские захоронения встречены в 90% курганов с глиняными «сводами». Что касается немногочисленных мужских и неопределимых, но предположительно мужских, погребений, то все они, за единственным исключением, зафиксированы в отмеченных выше могильниках с явным преобладанием глиняных конструкций (Студенец, Любаново).

3. В 47 курганах найдены типичные финно-угорские украшения — зооморфные и шумящие подвески. Они входят в состав инвентаря 66,2% женских захоронений под «заливкой». Значительно в меньшей степени чудские формы изделий характерны для женских погребений, исследованных в тех же группах, но совершенных без «заливок» (24,6% захоронений).

4. В курганах с «заливкой» широко представлены труположения головой на запад (32 погребения), юго-запад (18) и северо-запад (8). Соотношение этих разновидностей ориентировки в целом находится в полном соответствии с характером положения умерших в центральном и восточном регионах курганной культуры. Не слыхком меняет эту картину и тот факт, что дважды под «сводом» были совершены захоронения с меридиональной (северной и южной) ориентировкой. Он может служить лишь дополнительным подтверждением чудского характера данной погребальной традиции. Наибольший интерес представляет концеп-

традия в курганах с «заливкой» захоронений с восточной и юго-восточной ориентировкой (15 комплексов). Они составляют свыше половины всех труположений, ориентированных головой на восток (с отклонениями к северу и югу), исследованных в Колдомо-Сунженском и Кинешемском регионах, т. е. в ареале «заливок». Добавим, что в группах с этой обрядовой особенностью сосредоточено 25 из 27 известных захоронений с восточной ориентировкой. Исчисляемый коэффициент связи между такой ориентировкой и «сводами» приближается к своему абсолютному значению и равен 0,95⁸. В двух группах, включающих погребения под «заливкой», встречены только положения на восток и юго-восток (Новлянское, Кошищева I). Наконец, в могильнике у д. Студенец, где все мужские и женские захоронения были совершены под «сводом», также представлена лишь однотипная восточная ориентировка. Такая взаимосвязь обоих признаков оказывается присущей памятникам, локализованным на левобережье Волги к востоку от Колдомы.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии двух территориальных групп погребений под «заливкой»: в первую входят памятники основной части Колдомо-Сунженского региона, во вторую — могильники между восточным берегом Колдомы и Кинешемским Поволжьем. В первой группе «своды» являются специфической особенностью только женских захоронений. Такие курганы или входят в состав групп, в котором все мужские и частично женские погребения не имеют «заливок», или же нередко занимают обособленное от основной группы положение. Последнее обстоятельство было отмечено Е. И. Горюновой, видевшей в выделении из семейно-родовых групп отдельных могил свидетельство того, что в них были похоронены «чужеродные» люди⁹.

Во второй группе, несмотря на относительную малочисленность исследованных памятников, наблюдается тенденция к более широкому использованию рассматриваемого погребального ритуала. Под «заливкой» совершаются погребения не только женщин, но и мужчин. Почти не встречаются курганы, занимающие обособленное положение в могильниках. Именно в этой группе получает распространение восточная ориентировка умерших. Можно допустить, что именно отсюда, из восточной части Костромского Поволжья, где пока известно лишь небольшое количество древнерусских погребальных памятников, происходило проникновение «чужеродных» людей (в данном случае — только женщин) в среду населения Колдомо-Сунженского региона, а само появление женских погребений под «заливкой» в центральном ареале курганной культуры обусловлено брачными связями между двумя территориальными группировками.

Является ли рассматриваемая погребальная традиция сутобо местной, локальной особенностью костромских курганов? По свидетельству Ф. Д. Нефедова, «заливка» из смеси глины, извести и песка была им встречена еще в курганах Самарской и Уфимской губерний, в землях оренбургских казаков и в могильниках на Каме¹⁰. Исходя из этих данных, Е. И. Горюнова считает вполне вероятным предположение, что эта деталь погребального обряда была принесена с востока и усвоена какой-то частью приволжской группы мери. Вместе с тем исследовательница признает, что «прямых аналогий отмеченной особенности погребального ритуала мы пока не знаем»¹¹. По мнению В. Ф. Генинга, оснований для гипотезы о восточном происхождении «заливок» не имеется, так как «в Прикамье нет ни сводов, ни восточной ориентировки»¹².

Как выясняется, однако, аналогичная ритуальная особенность представлена в целом ряде курганных захоронений Северной Руси (рис. 2). Погребения под «заливкой» были исследованы Н. И. Бульчовым в двух могильниках, расположенных в бассейне Угры и верхнем течении Десны (Бочарово, курганы 9, 11, 13, 16, 17, 19; Коханы, 29)¹³. По описанию автора раскопок, в таких курганах «покойник был залит чем-то вроде извести, превратившейся в одну сплошную твердую массу». Из семи насыпей в двух ничего не было обнаружено, в пяти зафиксированы оди-

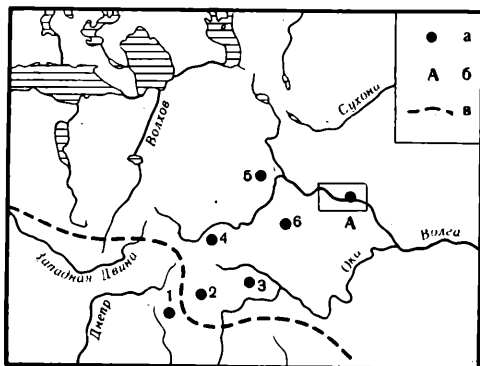

Рис. 2. Распространение древнерусских курганов с глиняными «сводами» («заливкой»)

а — курганы с глиняными конструкциями; б — курганные могильники Костромского Поволжья (врезка, см. рис. 1); в — южная граница ареала древней финно-угорской гидронимии (см.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, 163, с. 13, рис. 2)
1 — Коханы;
2 — Бочарово;
3 — Покров;
4 — Рождественно;
5 — Яковлево (Маковка);
6 — Чернолуково

ночные трупоположения с западной ориентировкой (четыре женских, одно, по-видимому, мужское), совершенные в основании кургана или в глубоких (до 1 м) могильных ямах.

Куполообразный свод «из слипшихся между собой довольно твердых кусков глины и песка, смешанных с мелким известняком», перекрывал захоронение с западной ориентировкой в огромной, более чем четырехметровой насыпи, исследованной к востоку от Угры, в бассейне Москвы-реки (Покров, курган 3); он располагался в западной части кургана на половине его высоты¹⁴. Еще один «свод» из обожженной глины встречен в «сопковидной» пятиметровой насыпи у д. Рождественно на верхней Волге (Зубцовский уезд Тверской губернии); под ним находилось трупоположение, полностью обернутое берестой, имевшее, судя по отмеченному направлению глиняной «заливки», юго-восточную ориентировку¹⁵.

В бассейне нижнего течения Мологи «заливка» была встречена при исследовании двух курганов с остатками сожжения в могильнике Маковка у д. Яковлево¹⁶. По описанию автора раскопок, остатки пережженных костей лежали в неглубоких могильных ямах «вперемешку с углем, золой (в небольшом количестве), пережженной известью с камешками, образуя плотный слой различной толщины, иногда имеющий характер цементированной массы». Примечательно, что в двух из трех насыпей этой же группы, содержащих трупоположения в подкурганных могильных ямах, отмечена восточная и юго-восточная ориентировка погребенных. Скопление «пережженной извести» зафиксировано и в кургане с биритуальным обрядом захоронения в могильнике Себельское, исследованном в том же районе¹⁷.

Наконец, в самое последнее время получены интересные данные о сходной ритуальной традиции и в области расселения летописной мери. При исследовании курганной группы у с. Чернолуково (верхнее течение Нерли Клязьменской) в четырех из десяти раскопанных курганов также были отмечены следы глиняных «сводов», перекрывавших захоронения в могильных ямах с западной ориентировкой¹⁸.

Ареал перечисленных погребений под «сводами» и «заливкой» охватывает широкую полосу Волго-Окского междуречья от водораздела Волги и Днепра на западе до Костромского Поволжья на востоке. Куполообразные глиняные «своды», кроме костромских могильников, встречены в бассейнах Москвы-реки, Нерли Клязьменской и на верхней Волге. Примечательно, что в верхневолжских курганах зафиксирована замена «сводов» из цементированной глины каменными «сводами», вероятно, связанными с той же погребальной обрядностью (Каменка, Никольское)¹⁹.

Лишь в Костромском Поволжье наблюдается значительное скопление насыпей с «заливкой», однако и отдельные их находки на других территориях заслуживают самого пристального внимания. Особенно показательно открытие «сводов» в бассейне Нерли. Этот район входил в зону грандиозных по размаху раскопок владимирских курганов, проведенных в 1851—1854 гг. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым. По заключению

А. А. Спицына, в результате разрытия свыше 7 тыс. насыпей «Суздальская область была так основательно очищена от курганов», что в целом ряде районов почти не сохранилось нетронутых могильников²⁰. Сами же раскопки проводились на низком методическом уровне и сопровождались крайне скудной документацией. И вот на новом, современном уровне раскопок в том же регионе владимирских курганов выясняется, что и здесь бытовала традиция захоронения умерших под глиняными «сводами». Можно почти с уверенностью предполагать, что аналогичные конструкции имелись и в могильниках, исследованных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, но не были замечены ими или не получили отражения в дневниковых отчетах.

Костромские курганы с глиняными конструкциями датируются XII—первой половиной XIII в., к этому же времени относятся и остальные погребальные комплексы, содержащие вещевые находки. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что только в низовьях Мологи зафиксирована «заливка» в курганах с трупосожжениями. Это может служить косвенным указанием на более раннее появление рассматриваемой обрядовой традиции именно на Мологе, хотя такое предположение не может быть подкреплено анализом вещевого материала.

Финно-угорский характер основной части погребений под «заливкой» («сводом») не вызывает сомнений. Следует отметить, правда, отчетливую связь глиняных конструкций с восточной ориентировкой умерших, не характерной для чудского населения Северной Руси. Такая корреляция выявляется не только в Костромском Поволжье, но и на верхней Волге, а также в низовьях Мологи, где в одной группе наряду с сожжениями под «заливкой» встречены труположения с восточной и юго-восточной ориентировкой. Положения на восток широко представлены в курганах междуречья Днепра и Волги, в том числе и в упомянутых выше могильниках у деревень Бочарово и Коханы. Такая ориентировка в большинстве древнерусских курганов обусловлена воздействием восточнобалтийской погребальной обрядности²¹. Положения головой на восток и юго-восток известны и в мерянских грунтовых могильниках I тысячелетия н. э. (Хотимль)²². Немногочисленность известных погребений с глиняными конструкциями за пределами района их концентрации не позволяет пока решить вопрос об истоках этой традиции и установить, сложилась ли она на собственной чудской основе или обязана происхождением древним восточнобалтийско-финно-угорским контактам в землях Волго-Окского междуречья. Ясно лишь, что рассматриваемая погребальная обрядность не принесена с востока, а сформировалась именно здесь, превратившись в характерный элемент средневековой финно-угорской субстратной культуры восточной окраины Костромского Поволжья.

¹ Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг. — МАВГР, 1899, III, с. 161—232.

² Обабкова, группа I, курган I (Нефедов Ф. Д. Раскопки..., с. 208). Впрочем, именно в этой насыпи встречено не одно, а три захоронения. Поэтому трудно сказать, насколько указанные размеры типичны для остальных «заливок».

³ О региональном делении см.: Глазов В. П. О курганах Костромского Поволжья. — КСИА, 1977, 150, с. 37—41. Аналогичный вывод о наличии в зоне костромских курганов локальных подразделений памятников, характеризующихся не только определенной территориальной обособленностью, но и ярко выраженными «этнографическими» различиями в местном погребальном обряде и мате-

риальной культуре, был высказан нами в 1974 г. Правда, осталась не учтенной наиболее восточная группа могильников, изученная уже в послевоенный период в Кинешемском р-не Ивановской обл. См.: Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 12, 13.

⁴ Трегьяков П. Н. Костромские курганы. — ИГАИМК, 1931, X, 6—7, с. 13, 14.

⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, 94, с. 227, 233—235.

⁶ Седов В. В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 250; Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности). — В кн.: Происхождение ма-

- рийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 63—65; Глазов В. П. О курганах Костромского Поволжья, с. 41; Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы... , с. 13.
- ⁷ Такое предположение основано прежде всего на характере инвентаря женских захоронений под «сводами». Для них настолько типичен богатый и разнообразный набор находок, что полное отсутствие вещей в комплексе или наличие в нем лишь неопределимых железных предметов уже свидетельствует в пользу иной половой принадлежности погребенных.
- ⁸ Коэффициент связи признаков определен на основе математических разработок, применяемых в археологии. См., например: Лебедев Г. С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 182—185.
- ⁹ Горюнова Е. И. Этническая история... , с. 234.
- ¹⁰ Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. — МАВР, 1899, III, с. 241, 242.
- ¹¹ Горюнова Е. И. Этническая история... , с. 234, 235.
- ¹² Генинг В. Ф. Некоторые проблемы... , с. 64, 65.
- ¹³ Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, с. 73; Он же. Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока). М., 1913, с. 67, 72—74.
- ¹⁴ Керцелли Н. Г. Отчет о произведенной раскопке курганов Рузского и Подольского уездов Московской губ. — ИОЛЕАЭ, 1879, XXXI, Приложение, с. 11.
- ¹⁵ Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, с. 124.
- ¹⁶ Коробков Н. М. Прозоровские могильники (Мологский уезд Ярославской губ.). Молога, 1928, 1, с. 34—38.
- ¹⁷ Там же, с. 29, 30.
- ¹⁸ Глазов В. П. Исследования во Владимире и Владимирской обл. — АО 1973 г. М., 1974, с. 45, 46.
- ¹⁹ Плетнев В. А. Об остатках древности... , с. 221, 225—227.
- ²⁰ Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, 15, с. 88.
- ²¹ Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — СА, 1961, 2, с. 103—121.
- ²² Горюнова Е. И. Этническая история... , с. 120.

В. Я. КОНЕЦКИЙ, Е. Н. НОСОВ

ЮРЬЕВСКИЙ ЖАЛЬНИК И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Одной из важнейших задач, стоящих перед исследователями древней истории Новгородской земли, является выяснение вопросов культурно-исторического соотношения погребальных памятников древнерусского времени и предшествующего периода. В зависимости от того или иного их решения по-разному рассматриваются и более общие вопросы всей этнической истории Северной Руси.

Впервые линия развития погребальных памятников Новгородской земли была намечена А. А. Спицыным в конце XIX в. По его мнению, сопки, наиболее древние памятники этого региона, сменились небольшими курганами с сожжениями и с трупоположениями, а последние в свою очередь переросли в жальники¹. Однако новые полевые исследования сразу же показали, что дело обстоит значительно сложнее.

В 1899 г. Н. К. Рерих, обследуя южное Приильменье, заметил отсутствие здесь курганов как с трупосожжением, так и с трупоположением при наличии лишь сопок и небольшого числа жальников, т. е. начального и конечного звеньев по схеме А. А. Спицына. На основании этого Н. К. Рерих заключил, что «на северной возвышенности Старорусского уезда погребения типа сопок сразу сменились жальничными погребениями, без переходных типов невысоких насыпей, — быть может, вследствие раннего распространения в этой местности христианства»². В статье «Сопки и жальники» А. А. Спицын также указал на этот при-

мечательный факт. «Весьма любопытно то, — писал он, — что в Старорусском уезде, в одном из центров Новгородской области, наблюдается крутой и прямой переход от сопок к жальникам. Курганов средней величины с сожжением и погребением здесь, кажется, вовсе нет. В других местностях древних новгородских земель такие курганы есть, и местами они доходят даже до XII—XIV вв., после чего совершенно исчезают, уступая место жальникам»³.

Дальнейшие полевые изыскания показали крайнюю малочисленность древнерусских курганов в центральных районах Новгородской земли⁴. Это положение достаточно четко прозвучало уже в выступлении А. А. Спицына на II Областном тверском археологическом съезде в 1903 г.⁵ Казалось бы, что такое отсутствие курганов косвенно подтверждало замечания Н. К. Рериха и А. А. Спицына относительно древностей южного Приильменя, хотя, с другой стороны, конкретных данных о «крутом и прямом» переходе от сопок к жальникам так и не было получено. Открытие А. А. Ширинским-Шихматовым в 1903 г. грунтового могильника при сопках у д. Федово на верхней Мсте⁶ еще более осложнило вопрос о памятниках, сменивших сопки⁷.

В советский период были проведены широкие обследования и новые раскопки погребальных памятников Новгородской земли, составлены общие своды сопок и жальников, но вопрос об их соотношении так и остался не разработанным в деталях⁸. Следует лишь особо отметить работу В. С. Пономарева, к сожалению, так и не опубликованную, где были собраны все сведения о погребениях XI—XII вв. по обряду трупоположения, связанных с сопками⁹.

Только в последнее время Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин в статье «Сопки и жальники» вновь затронули вопрос о возможной непосредственной связи этих типов погребальных памятников¹⁰. Эти же вопросы в общем плане были рассмотрены Г. С. Лебедевым и в разделе коллективной работы, посвященной анализу археологических памятников древней Руси IX—XI вв.¹¹

Развивая наблюдения Н. К. Рериха и А. А. Спицына, Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин заключили, что «слабым звеном в гипотезе Рериха—Спицына о „крутом переходе от сопок к жальникам“ в центральном регионе было отсутствие памятников переходного типа, т. е. комплексов, в которых сочетались бы черты и сопочного и жальничного обряда». Авторы попытались выделить такие памятники и сделали общий вывод, что «в сопочно-жальничном регионе предполагается переход от сопок через „каменные круги“ и некоторые другие формы погребальных сооружений к жальникам»¹².

Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин указали только один памятник, в котором, по их мнению, сочетаются черты сопок, каменных кругов и жальников — так называемый Юрьевский жальник в бассейне верхней Мсты, раскопанный в конце XIX в. новгородским краеведом В. С. Передольским. По описанию В. С. Передольского авторы реконструировали Юрьевский жальник «как круглую каменную вымостку (диаметр 10,5 м), перекрывающую каменные ящики с захоронениями. Погребения совершены на уровне древней дневной поверхности. Таким образом, ингумации в каменных ящиках Юрьевского жальника занимают переходное положение между „каменными кругами“ с сожжениями и грунтовыми жальничными трупоположениями. Вещей в Юрьевском жальнике не найдено, но, судя по сожжению, его можно отнести ко времени не позднее XI в.

Некоторые детали обряда (черепя близ центрального погребения, „огневище“ — очаг в одном из ящиков) сближают Юрьевский жальник с культурой приладожских курганов. В то же время ряд признаков — круговой ровик, ритуальное кострище „с недогоревшими сосновыми поленьями“ — связывает его с близлежащей сопкой у д. Горки»¹³. Здесь же Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин привели графическую реконструкцию Юрьевского жальника и сопки у д. Горки.

Археологические наблюдения В. С. Передольского требуют очень осторожного обращения, особенно при решении общих вопросов. Хотя В. С. Передольский и высказал ряд интересных мыслей о древностях Новгорода и его окрестностей, он зачастую сопровождал их весьма сомнительными фактами и домыслами. Отнюдь не случайно А. В. Арциховский, приводя сведения В. С. Передольского о толщине культурного слоя в Новгороде, в частности, заметил, что «небрежность его наблюдений превосходит всякое вероятие»¹⁴.

К сожалению, относительно Юрьевского жальника В. С. Передольский оставил весьма путанное описание результатов раскопок¹⁵. Неотчетливость этих сведений рельефно проявилась уже в дореволюционное время в двоякой интерпретации Юрьевского жальника А. А. Спицыным. В 1897 г. в опубликованном обзоре археологических древностей Новгородской губернии А. А. Спицын вслед за В. С. Передольским пересказал основные наблюдения, полученные при раскопках, и заключил, что «из приведенного не вполне ясного описания все же следует, что в первое время по принятии христианства, или же перед этим временем, новгородцы уже не сжигали своих покойников, а погребали, хотя еще не в ямах; погребения сопровождали тризной и сохраняли обычай укреплять место погребения камнями; для могилы выбиралась площадка сравнительно большого размера, почти как для сопки»¹⁶. В статье «Сопки и жальники» А. А. Спицын отнес Юрьевский жальник ко второму выделенному им типу возможных древних жальничных погребений, представляющих собой «широкий круг больших валунов, замыкающий по нескольку грунтовых могил», внутри которого имеется «невысокая насыпь, иногда покрытая малыми валунами, плитняком или же тем и другим». А. А. Спицын допускал, что этот тип жальничных погребений древнейший, «так как довольно естественно в широком круге крупных валунов видеть остаток обычая укреплять такими кругами основание попок», хотя и отмечал, что еще «не раскопано ни одного жальника этого типа, который можно было бы отнести к XI в.»¹⁷. Приведенные суждения А. А. Спицына в некоторой степени перекликаются с реконструкцией Юрьевского жальника, предложенной Г. С. Лебедевым и Е. А. Рябиным.

В дальнейшем А. А. Спицын пересмотрел свою точку зрения. В его архиве сохранилась неопубликованная сводка сведений о древностях Новгородской губернии, в которой дано отличное от первоначального понимание Юрьевского жальника. Дата составления сводки в рукописи отсутствует, но, судя по использованным источникам, она относится ко времени между 1905 и 1910—1911 гг. А. А. Спицын пришел к выводу, что В. С. Передольский раскопал курган, содержащий слой угля и золы и пережженные кости, который был занят «поздним жальником с каменными кладками, что чрезвычайно мешало раскопке и сделало ее весьма не точною». «Жальничные погребения, — писал А. А. Спицын, — иногда располагаются на широких плоских древних курганах, и это нередко вводило исследователей в заблуждение, если они предполагали, что имеют дело с одним цельным памятником древности. В такую ошибку между прочим впал В. С. Передольский со своим „Юрьевским жальником“»¹⁸.

Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин, всецело опираясь в своих построениях на публикацию В. С. Передольского, не упомянули о различных оценках материалов раскопок Юрьевского жальника А. А. Спицыным, так же как и о ясной характеристике памятника, данной В. С. Адриановым, обследовавшим жальник в 1928 г. и снявшим тогда же его план¹⁹.

Рассмотрение всей совокупности сведений и суждений о Юрьевском жальнике не позволяет согласиться с его реконструкцией, предложенной Г. С. Лебедевым и Е. А. Рябиным. Новгородская областная экспедиция ЛОИА совместно с Новгородским музеем провела в 1979 г. новые раскопки памятника, где, как это следовало из материалов разведки

В. С. Адрианова, курган, который исследовал В. С. Передольский, был раскопан далеко не полностью.

Юрьевский жальник находится в 1 км к юго-западу от д. Румянцева Горка, на поле, справа от дороги к р. Верегжа, в 300 м от последней. Он расположен на всхолмлении, возвышающемся над окружающими его низкими, частично заболоченными участками на 2—2,5 м. Общее описание местности, сделанное В. С. Передольским, было чрезмерно приукрашено и неточно. В настоящее время площадь жальника 15—20×40 м. На его поверхности из земли выступают крупные валуны (в поперечнике до 0,4—0,5 м). Отчетливые внешние признаки отдельных могил не прослеживаются, хотя по данным В. С. Адрианова на жальнике имелись обкладки различных форм: овальные, круглые и прямоугольные с одним закругленным концом²⁰. Во времена В. С. Передольского на жальнике встречались «грубо обработанные из местного песчаника крупные четырехконечные кресты»²¹.

В. С. Передольский отмечал, что на жальнике, «почти на середине площади его несколько приподнимается над поверхностью какое-то совершенно плоское, круглое сооружение, обложенное с боков и сверху валуном» и окруженное ровиком (диаметр сооружения пять сажен, высота — около аршина; ширина ровика около двух аршин, глубина — до аршина)²². Считая открытое им сооружение необычным курганом, В. С. Передольский предпринял его раскопки. Одиночный курган, попорченный ямами, зафиксировал на площади жальника в 1928 г. и В. С. Адрианов²³.

В настоящее время высота этого кургана 0,7—0,8 м, диаметр 9,6—10,6 м (рис. 1). Насыпь окружена ровиком шириной около 1 м, глубиной 0,2—0,3 м (с северной стороны ровик не прослеживается). Курган нарушен несколькими ямами. На его поверхности выступают камни. Насыпь кургана представляет собой желтый песок с гравием, среди которого встречаются необработанные осколки и желваки кремня. Естественно, ни о каких кремневых орудиях, на находки которых в насыпи указывал В. С. Передольский, говорить не приходится. Это ошибка исследователя. Местами под насыпью сохранились участки погребенной почвы — прослойка гумусированного серого песка толщиной 5—8 см. Ниже тонким слоем идет белесый лесной подзол.

Сразу под дерновым слоем во всех секторах кургана расчищены скопления камней, залегающих без всякого порядка. Реже камни встречались и в остальной части насыпи. Диаметр большинства из них 0,2—0,3 м (рис. 1, I). Среди камней в юго-восточном секторе найден небольшой крест из песчаника с частично утраченным основанием (размеры креста 0,3×0,3 м). На лицевой стороне креста тонкой углубленной линией изображен крест, на концах перекрестья которого имеются вертикальные линии. Крест сверху оканчивается кругом, внутри которого также изображен маленький равноконечный крестик. В толще насыпи и при разборке камней встречались фрагменты гончарной, преимущественно белоглиняной керамики и обломки лепных сосудов.

В юго-восточном секторе кургана обнаружены остатки трупосожжения на стороне (рис. 1, II). Кальцинированные кости залегают вперемежку с песком (толщина прослойки до 12 см) на середине высоты насыпи на площади 0,6×1,1 м. Кроме того, отдельные косточки разрозненно встречались по всей южной половине кургана.

На уровне основания насыпи открыто 12 погребений по обряду трупоположения, часть из которых перерезала погребенную почву (рис. 1, II). В восьми случаях костяки сохранились удовлетворительно, в трех — фрагментарно, в одном — на дне могильной ямы — костяк истлел полностью. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, головами на юго-запад, руки сложены на животе или груди. Из погребений 11 были безынвентарными, и лишь одно захоронение, нарушенное более поздними могильными ямами, содержало погребальный инвентарь (браслет, перстни, височные кольца).

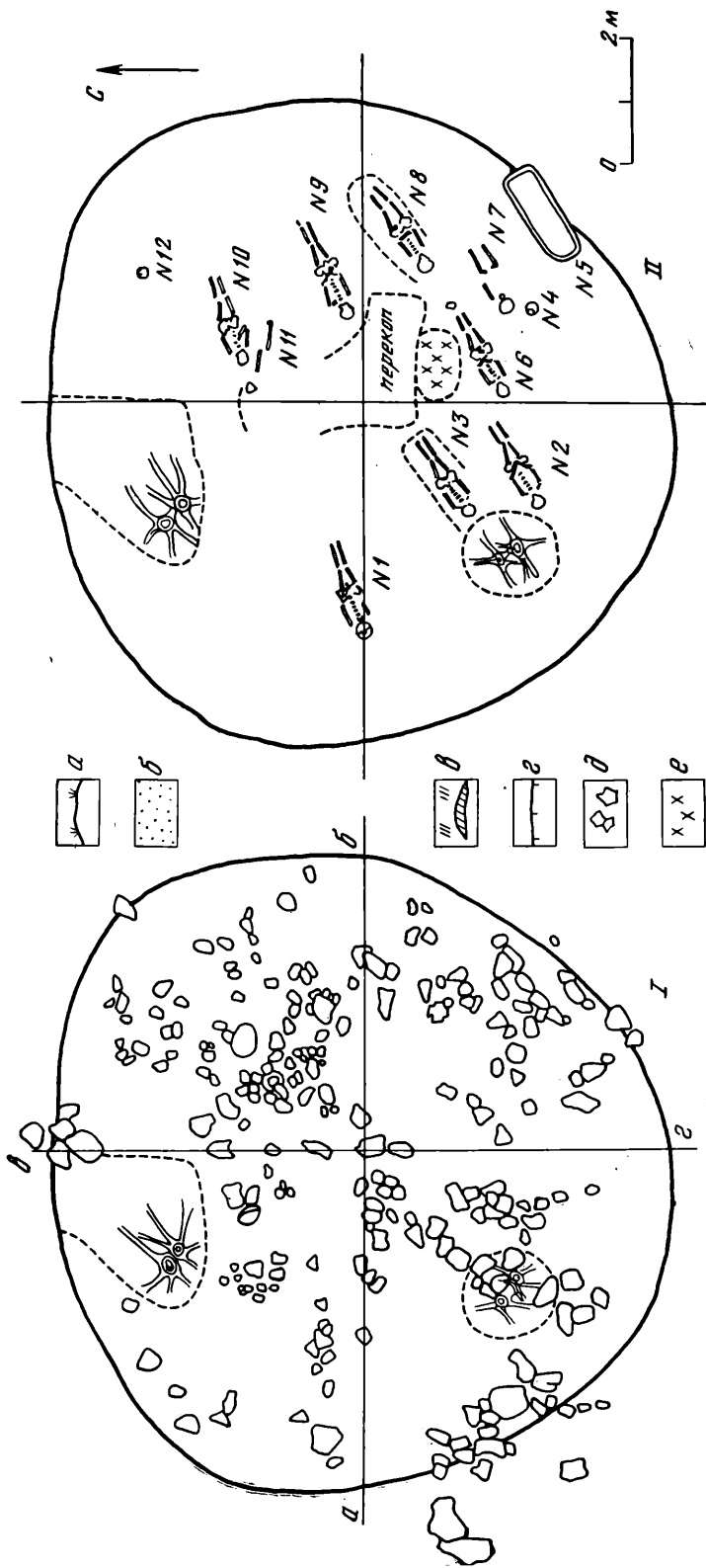
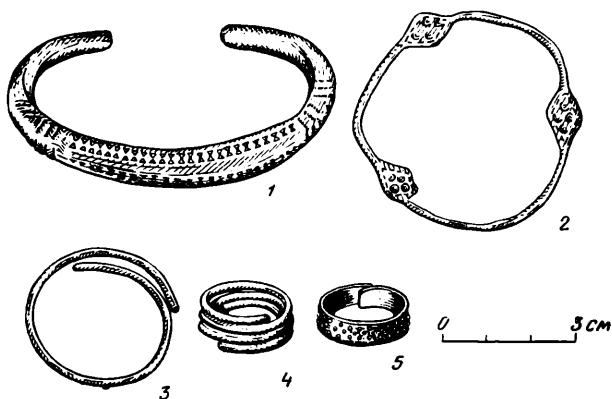

Рис. 1. Курган на Юрьевском жаль-
нишке

- I — план камней в насыпи;
- II — план погребений;
- III — разрезы
- а — дерновый слой;
- б — песок;
- в — серый песчаный гумус;
- г — материк;
- д — камни;
- е — кальцированные кости

Рис. 2. Курган на Юрьевском жальнике. Инвентарь погребения 11

- 1 — литой браслет;
- 2 — ромбоцитковое височное кольцо;
- 3 — проволочное височное кольцо;
- 4 — спиральный перстень;
- 5 — пластинчатый перстень

Таким образом, раскопки показали, что первоначально на всхолмлении у дороги был сооружен небольшой полусферический курган, который содержал погребения по обряду трупосожжения на стороне (В. С. Передольский обнаружил небольшую ямку с кальцинированными костями, среди которых были кости черепа человека²⁴, а в 1979 г. было открыто скопление кальцинированных костей). Судя по погребальному обряду (трупосожжение на стороне) и находкам в насыпи неорнаментированной лепной керамики, курган следует датировать второй половиной I тысячелетия н. э. Необходимо добавить, что в 100 м от этого кургана, также у дороги, на поле, В. С. Передольский раскопал «два небольших плоско-выпуклых и несколько удлинённых холмика, почти рядом», в которых были найдены слои угля и золы, обломки глиняной посуды, пережженные кости²⁵. Расположение курганной группы на всхолмлении вдоль дороги (типично для топографии насыпей культуры длинных курганов, ближайшие из которых известны в 5 км от рассматриваемого памятника у с. Кончанское на берегу оз. Шерегородо²⁶. Возможно, первоначально в группе было не три, а больше курганов, но сейчас вся эта местность полностью распаханна. (Остатки курганов, исследованных В. С. Передольским, к 1979 г. также уже не сохранились.)

Впоследствии территория, где располагались курганы, была занята жальником. Захоронения совершались за пределами кургана или впускались в саму насыпь. При раскопках 1979 г. вскрыто 12 погребений. Кроме того, В. С. Передольский нашел четыре целых костяка и четыре детских черепа, при трех из которых зафиксированы остатки шейных позвонков и ребер. Остальные кости, видимо, не сохранились, что весьма свойственно детским погребениям. Расположение костяков в насыпи показывает, что В. С. Передольский копал в основном в центре кургана и в его северо-западной части и почти не затронул южную и западную части насыпи (рис. 1, II). Таким образом, на небольшой площади было совершено не менее 20 погребений.

Судя по находкам среди камней и в насыпи белоглиняной керамики и каменного креста, отсутствию почти при всех погребенных инвентаря, большинство захоронений было совершено в позднем средневековье (фрагменты венчиков гончарных горшков, позволяющие уверенно судить о форме сосудов, относятся, по определению В. И. Кильдюшевского, к концу XIV—XV в.). Наиболее древнее погребение (11) по находкам массивного бронзового литого браслета с орнаментом, двух спиральных и пластинчатого перстней, ромбоциткового и трех проволочных с заходящими концами височных колец датируется концом XI—первой половиной XII в. (рис. 2, 1—5)²⁷. В дальнейшем оно было нарушено при совершении новых захоронений. В начальный период существования жальника, как и в более позднее время, погребения совершались и за пределами кургана, о чем свидетельствуют зафиксированные В. С. Адриановым на жальнике обкладки могил круглой формы, обычно считающиеся типологически наиболее ранними среди прочих типов жальнич-

ных обкладок²⁸. Камни, которые В. С. Передольский принял за каменную обкладку поверхности насыпи, на самом деле были связаны с отдельными захоронениями, но поскольку погребения совершались на одном и том же месте многократно, то обкладки отдельных могил в настоящее время выявить практически невозможно. В 1979 г. при раскопках удалось четко проследить лишь одну обкладку вытянутой формы в юго-восточном секторе насыпи (рис. 1, I).

Итак, Юрьевский жальник, безусловно, можно рассматривать как интереснейший памятник археологии и пример сочетания погребений разного времени в одном могильнике. Но он, конечно, не является каким-то уникальным сооружением, как это пытался представить В. С. Передольский. Известно немало примеров, когда жальничные погребения, чаще всего, как это можно видеть по форме обкладок, относящиеся ко времени позднего средневековья, располагаются не только рядом с длинными и полусферическими курганами второй половины I тысячелетия н. э., но и впускаются в их насыпи. Наиболее близкие территориально к Юрьевскому жальнику пункты с таким сочетанием памятников есть у д. Молодишно между озерами Молодишно и Ореховно; у озер Дубно и Беленькое в районе д. Опарино; у д. Забродье близ озера Заозерье²⁹. Эти факты безусловно заслуживают внимания, но как к проблеме эволюции погребального обряда курганов с сожжениями, с одной стороны, так и к проблеме возникновения жальников — с другой, прямого отношения не имеют. Учитывая результаты новых раскопок Юрьевского жальника, очевидно, что его оценка А. А. Спицыным как кургана с сожжениями, занятого впоследствии жальничными могилами и не понятого В. С. Передольским, была правильна. В то же время нет оснований рассматривать Юрьевский жальник в качестве особого типа древних жальничных погребений, как полагал А. А. Спицын первоначально, равным образом нельзя считать его «переходным памятником», сочетающим черты сопок, «каменных кругов» и жальников, на чем настаивают Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин в предложенной ими реконструкции³⁰.

В число «памятников переходного типа» Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин включают также «каменные круги» — загадочные сооружения, достоверно зафиксированные лишь в нескольких пунктах Приильменя. До сих пор было раскопано только два «каменных круга» у деревень Подгощи и Солоницко³¹. Большинство исследователей считают эти памятники близкими к эстонским каменным могильникам и датируют их в пределах III—VIII вв.³² Если эта датировка правильна, то получается, что «каменные круги» предшествуют или частично синхронны сопкам, но отнюдь не сменяют их, а поэтому, на наш взгляд, нет оснований рассматривать их в качестве памятников переходного типа, даже если они и имеют какое-либо отношение к формированию сопок.

Не соглашаясь с предложением Г. С. Лебедева и Е. А. Рябинина выделять Юрьевский жальник и «каменные круги» в качестве «памятников переходного типа» от сопок к жальникам³³, нельзя отрицать историческую преемственность населения, соорудившего эти памятники. Единичность курганных групп древнерусского времени в центральных районах Новгородской земли по сравнению с окружающими территориями при массовом распространении здесь сопок и жальников явно свидетельствует в пользу этого.

Становится все более очевидным, что вопрос о переходе от сопок к жальникам не может быть решен в отрыве от решения вопроса о грунтовых могильниках при сопках. Об этом как об одном из возможных путей перехода упоминают и Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин, указывая на могильник с трупоположениями при сопке у с. Михаил-Архангел в нижнем течении Волхова и сопку с сожжениями вокруг основания насыпи в урочище Победище близ Старой Ладogi, исследованную В. П. Петренко³⁴.

Пласт грунтовых могильников при сопках в последнее время опре-

деляется все более отчетливо. Это не только уже упомянутый могильник у с. Михаил-Архангел, но и известный могильник у д. Федово на верхней Мсте, Нередицкий и Деревяницкий могильники под Новгородом, Шелгуновский могильник в низовьях Ловати³⁵. Конкретное соотношение древнерусских погребений и сопок на этих памятниках несколько различно. В могильниках Нередицком и Михаилоархангельском погребения располагались у основания насыпей, в Федове наиболее ранние захоронения совершались у основания сопок, а по мере роста могильника занимали и сами насыпи, разрушая их. В Деревяницах могильник был устроен на предварительно сnivelированной сопке. Однако повсюду были представлены погребения XI—XII вв. с богатым сопровождающим инвентарем, вполне сопоставимым с инвентарем древнерусских курганов. Немногочисленные ранние жальники при сопках фактически отличаются от рассмотрения грунтовых могил лишь наличием каменной обкладки.

Наиболее поздние захоронения по обряду трупосожжения в сопках несомненно относятся не только к IX в., как нередко предполагается в литературе³⁶, но и к X и даже к XI в.³⁷ Таким образом, хронологический разрыв между трупосожжениями в сопках и трупоположениями XI—XII вв., топографически непосредственно связанными с сопками, по существу отсутствует.

Следует проводить четкие различия между грунтовыми могилами XI—XII вв., а также ранними жальниками при сопках и безынвентарными трупоположениями в их насыпях. Последние известны сейчас более чем в 50 пунктах. Они, как правило, безынвентарны и в подавляющем большинстве относятся к позднему средневековью. Эти трупоположения хронологически гораздо моложе трупосожжений в сопках и прямого отношения к вопросу об эволюции погребального обряда населения, соорудившего сопки, не имеют.

Вопрос о непосредственной связи сопок и жальников до сих пор еще чрезвычайно слабо разобран. Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин своевременно привлекли внимание исследователей к этой проблеме, но вместе с тем в их работе особенно ясно проступили недостатки источниковедческой базы, которой мы располагаем, необходимость новых целенаправленных раскопок ключевых памятников.

¹ Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Новгородская губ. — ЗРАО, 1897, IX, 1-2, с. 239 и сл.

² Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, 1899, XI, 1-2, с. 352.

³ Спицын А. А. Сопки и жальники. — ЗРАО, 1899, XI, 1-2, с. 154.

⁴ Рерих Н. К. Некоторые древности пяти Деревской и Бежецкой. — ЗОРСА, 1903, V, с. 14, 15; Тихомиров И. А. Поездка на р. Мсту. — ЗОРСА, 1903, V, с. 3—11; Глазов В. Н. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губ. — ИАК, 1904, 6, с. 50—60; Репников Н. И. Отчет о раскопках в Бежецком, Вельегонском и Демянском уездах в 1902 г. — ИАК, 1904, 6, с. 12—20.

⁵ Спицын А. А. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими. — Труды II Областного тверского АС. Тверь, 1906, с. 3.

⁶ Ширинский-Шихмагов А. А. Федовский могильник. — Труды II Областного тверского АС. Тверь, 1906, с. 53—62.

⁷ Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской обл. — ИАК, 1905, 15, с. 1.

⁸ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. — МИА, 1941, 6; Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-8; Репников Н. И. Жальники Новгородской земли. — ИГАИМК, 1931, IX, 3.

⁹ Пономарев В. С. Новгородские сопки. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 155.

¹⁰ Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, 2, с. 152—163.

¹¹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 71—75.

¹² Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники, с. 158, 160.

¹³ Там же, с. 159.

¹⁴ Арицховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 8.

¹⁵ Передольский В. С. Бытовые остатки насельников ильменско-волховского побережья и земель великоновгородского державства каменного века. СПб., 1893, с. 44—52 и др. Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин не упоминают еще одной опубликованной работы В. С. Передольского, где дается описание Юрьевского жальника, которое, впрочем, хотя и содержит ряд

- дополнительных деталей, отсутствующих в публикации 1893 г., в целом также не вносит должной ясности в общее понимание раскопанного памятника. См.: *Peredolsky V. Le «Jalnik» (nécropole) de Iuriévo dans le district de Borowitchi (gouv. de Novgorod)*. — In: *Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. II-ème Session. Moscou, 1892, I, p. 145—150.*
- ¹⁸ *Спицын А. А. Обзорение...*, с. 243.
- ¹⁷ *Спицын А. А. Сопки и жальники...*, с. 153, 154.
- ¹⁸ *Спицын А. А. Сводки сведений о древностях Новгородской губ. Архив ЛОИА, ф. 5, д. 171, л. 9 об., 18.*
- ¹⁹ Отчет о палеоэтнологическом маршрутном обследовании в Боровичском округе, произведенном сотрудником этнографического отдела Русского музея В. С. Адриановым в 1928 г. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1931, д. 66, л. 1, 2.
- ²⁰ Там же, л. 1.
- ²¹ *Передольский В. С. Бытовые остатки...*, с. 47.
- ²² Там же.
- ²³ Отчет о палеоэтнологическом маршрутном обследовании..., л. 1, 2.
- ²⁴ *Передольский В. С. Бытовые остатки...*, с. 50.
- ²⁵ Там же, с. 50, 51. По мнению В. С. Передольского, среди пережженных костей не найдено принадлежащих человеку. К этому утверждению следует относиться весьма скептически, поскольку квалифицированного определения костей исследователь явно не производил.
- ²⁶ *Рерих Н. К. Некоторые древности пяти...*, с. 34, 35; *Орлов С. Н. Отчет о работе совместной археологической экспедиции Новгородского педин-та и Новгородского музея в 1973 г. Архив ИА, Р-1, № 5162, 5162а; Верхорубова Т. Л. Отчет о раскопках курганов у с. Кончанское в 1978 г. — Архив ИА.*
- ²⁷ *Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, 29, табл. XXII, 19, с. 50; Он же. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, 20, табл. XIII, 28; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 223, 224, рис. 9, 26; Левашева В. П. Височные кольца. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 42; Она же. Браслеты. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 242, 243; Selstrand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974, tahv. XXXIX, 3, 5, lk. 342, 343.*
- ²⁸ *Спицын А. А. Сопки и жальники...*, с. 154.
- ²⁹ Обследование Г. И. Ивановского 1969 г. — Картотека памятников. Архив Новгородского историко-архитектурного музея; *Милюков В. В. Отчет об археологических работах в Окуловском р-не в 1979 г. Архив Новгородского историко-архитектурного музея.*
- ³⁰ Попутно заметим, что на графической реконструкции Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин показали все костяки ориентированными головами на северо-запад, в то время как по указанию В. С. Передольского в центральном погребении покойник был обращен ногами к северо-востоку, т. е. головой — к юго-западу (*Передольский В. С. Бытовые остатки...*, с. 49), что соответствует и наблюдениям 1979 г.
- Нельзя согласиться с характером использования Г. С. Лебедевым и Е. А. Рябинин сведений В. С. Передольского и в отношении сопки, расположенной у д. Румянцева Горка в 0,5 км от Юрьевского жальника. Авторы широко оперируют наблюдениями В. С. Передольского и включают их в различного рода подсчеты и таблицы, сравнивают сопку с другими подобными памятниками, а также дают ее графическую реконструкцию, размещая угли и кальцинированные кости по всему объему насыпи. На самом деле, основной объем сопки остался не исследованным. Насыпь, возвышавшаяся во времена В. С. Передольского на высоту около 8 м, осталась такой же и в 1928 г. (при ее осмотре В. С. Адриановым), и только в сравнительно недавнее время она была значительно повреждена при устройстве картофельных ям. Сейчас высота сопки достигает 4—4,5 м при диаметре 26 м.
- ³¹ *Alexandrov V. V., Tallgren A. M. Funde aus der römischen Eiszeit in Gouv. Novgorod. — ESA, 1930, V, S. 100—108.*
- ³² *Ibid.*, S. 107; *Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, с. 220; Седов В. В. Новгородские сопки, с. 17.*
- ³³ Неубедительность выделения Г. С. Лебедевым и Е. А. Рябининим «каменных кругов» и Юрьевского жальника в качестве «памятников переходного типа» от сопки к жальникам справедливо отметили С. В. Белецкий и Г. Н. Пронин в своем обзоре последних работ по археологии Северо-Запада (см.: *Белецкий С. В., Пронин Г. Н. Проблемы этнической истории Северной Руси. — СА, 1980, 1, с. 332*).
- ³⁴ *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники, с. 159, 160.*
- ³⁵ *Ширинский-Шихматов А. А. Федовский могильник; Конецкий В. Я. Хронология и этапы формирования Федовского могильника. — КСИА, 1981, 166; Он же. Нередицкий могильник. — КСИА, 1980, 164; Он же. Исследования грунтовых могильников и сопки в Приильменье. — АО 1979 г. М., 1980; Конецкий В. Я., Верхорубова Т. Л. Работы Новгородского музея. — АО 1978 г. М., 1979, с. 16, 17.*
- ³⁶ *Седов В. В. Новгородские сопки, с. 27, 28.*
- ³⁷ *Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье. — СА, 1981, 1.*

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ ПОНЕМАНЬЯ

Ремесло городов Понеманья, как и других древнерусских городов, развивалось преимущественно на местном сырье. Гончары, косторезы, древоделы и другие ремесленники были им обеспечены в изобилии. Однако труд бронзолитейщиков и ювелиров целиком зависел от привозного сырья. Даже самое нехитрое украшение из цветных металлов или серебра, сделанное ремесленником Понеманья, служит неоспоримым свидетельством того, что сырье для его изготовления было импортным.

Не имея возможности указать территорию, где добывались цветные металлы для Понеманья, мы вынуждены ограничиться заключением о том, что первые жители городов этой земли были издавна связаны с поставщиками сырья.

Импорт начальной поры существования городов Понеманья (конец X—XI в.)¹, за исключением цветных металлов и некоторых типов стеклянных бус, представлен единичными находками. Привозные вещи были дороги и малодоступны горожанам. Среди них были предметы как древнерусского, так и иноземного происхождения.

Можно предположить, что какие-то торговые связи существовали между отдельными городами Понеманья. Так, новгородские односторонние роговые гребни не могли быть изделиями местных ремесленников, поскольку косторезное дело этого города в то время находилось на уровне домашнего производства. Возможно, они были изготовлены искусными в своем деле волковыжскими косторезами².

Отдельные украшения попадают в Понеманье из Верхнего Поднепровья. Таковы бронзовые трехпетельчатые подвески, производившиеся в Смоленской земле. На Гнездовском поселении И. И. Ляпушкин нашел серию не законченных обработкой украшений такой формы³. На Смоленщине изготовлялись и привески-ложечки⁴, одна из которых найдена в Новогрудке. Звездчатая пряжка из белого металла, встреченная в Новогрудке, имеет многочисленные параллели в русских древностях⁵.

Центрами, в которых выделялись металлические бусы с зернью, характерные для дреговичей и встречающиеся в Понеманье, считаются южная Белоруссия (Туров) или Волынь. Зерновые бусы в курганах Новогрудка относятся ко времени с XI в.⁶

Из других древнерусских земель в Понеманье до конца XI в. были привезены единичные шиферные пряслица — продукция овручских мастерских — и отдельные стеклянные сосуды, изготовленные из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, характерного для ремесленников Киева. Немногочисленные стеклянные перстни также были киевского происхождения⁷.

По импорту выделяются следующие регионы, имевшие связи с Понеманьем в X—XI вв. Это область финских племен, откуда происходят гребни с высокой спинкой⁸. Из Эстонии была привезена бронзовая крестовидная булавка, покрытая серебром и чернью⁹. Литовскими и латышскими ювелирами изготовлена группа украшений, найденных в городах Понеманья. Это в первую очередь некоторые подковообразные пряжки. Впрочем, неясно, попали ли эти вещи в Понеманье в порядке торговли или были остатками костюма прибывшего в Понеманье жителя Прибалтики.

Среди вещей из ранних слоев Новогрудка есть футляр для одностороннего гребня с орнаментом в форме флажков. Совершенно такие же предметы встречены на городище Асоте в Латвии, где они рассматриваются в качестве импорта из южной Прибалтики¹⁰.

В Новогрудке найдена так называемая романская чаша — открытый бронзовый сосуд с отогнутыми краями. На чаше сохранились следы

многочисленных починков. Чаши, подобные новгородской, датируются XI в. и происходят из Поморья и юго-восточной Прибалтики¹¹. Оттуда же привозили янтарь, находки которого в Новгороде немногочисленны. В 1885 г. в окрестностях Волковыска был найден наконечник железного копья, втулка которого украшена серебром и гравировкой. Параллели этой находке известны среди находок в Польше, Швеции и на Готланде¹².

Изделия из стран Востока представлены стеклянными, а также единичными сердоликовыми и хрустальными бусами. Каменные бусы, по мнению М. В. Фехнер, являются среднеазиатским импортом¹³. К XI в. относится стеклянный коричневый перстень с желтой инкрустацией, предположительно вывезенный из Закавказья¹⁴.

В XII и XIII вв. количество привозных вещей в городах Понеманья резко возрастает. Главными поставщиками их становятся Киев и южнорусские земли. Города Понеманья наводнены стеклянными браслетами, стеклянными сосудами, предметами, связанными с культом, производившимися в Киеве, овручскими шиферными пряслицами и другими вещами¹⁵. Из Киевской земли происходит и белоглиняная поливная керамика¹⁶.

О связях Понеманья с другими древнерусскими землями можно сказать очень немного. В Гродно, Волковыске и Новгороде найдены керамические поделки-писанки с полихромной росписью. Новгородскую писанку Т. И. Макарова относит к вещам, которые могли быть сделаны в Новгороде¹⁷.

В городских слоях Понеманья XII в. встречаются отдельные зерновые металлические бусы, которые, как указывалось выше, изготовлялись в южнорусских и юго-западных землях.

Русской по происхождению является сланцевая иконка, с вырезанной погрудно мужской фигурой и надписью **НИКОЛАЕ ЯГНОУЪ**. По заключению Н. Г. Порфиридова, Никола стоит на первом месте по количеству посвященных ему каменных иконок¹⁸. В Волковыске найдены вещи, входящие в серию древнерусских культовых изделий. Это иконка из известняка с изображением Христа в образе Спаса Эммануила. Аналогии ей известны по находкам в Пинске и Поднепровье. На металлической иконке-привеске изображен Георгий Победоносец, поражающий копьём дракона. Подобные иконки найдены на севере Руси, а также в Прибалтике, куда их привозили из русских земель¹⁹. Вероятно, привозной является волковысская каменная иконка с надписью **ГВРНА**.

Прослеживаются связи Понеманья с Прибалтикой в XII в. Наиболее популярной формой прибалтийских украшений в это время становятся подковообразные фибулы с утолщенными концами. Они встречаются в Понеманье не только в городах, но и в сельских поселениях (Сулятичи, Навры, Засвирь). З. М. Сергеева, картографировавшая эти украшения, полагает, что одним из путей, по которому фибулы с утолщенными концами попадали из Прибалтики на Русь, был Неман²⁰.

Количество янтаря, вывезенного из юго-восточной Прибалтики, в XII—XIII вв. несколько увеличивается. В городах Понеманья он встречается в виде необработанных кусков, из которых местные ремесленники изготовляли бусы, перстни и крестики. Наиболее выразительно обработка представлена в материалах Волковыска²¹.

Богатые горожане пользовались привозным оружием, сделанным в Прибалтике. В земле куршей был сделан новгородский меч, бронзовое перекрестье которого оформлено стилизованными головками птиц и драконов. Оттуда же происходит бронзовый наконечник ножен меча²². При раскопках древнего Слонима найден своеобразный шлем с наносником. Он не похож на русские шлемы. Подобный шлем с округлым верхом найден в Литве, но и там он представляет исключение. По-видимому, словимский и литовский шлемы были изготовлены в каком-то третьем месте. Наиболее близкие аналогии известны в Скандинавии²³. Таковы

материалы и изделия, которые попали в Понеманье в XII и XIII вв. из Прибалтики.

Отдельные богатые вещи были привезены из стран Западной Европы. Так, костяное навершие из Волковыска в виде скульптурной головы льва, стремящегося проглотить человека, является частью богато убранного сидения и, вероятно, было изготовлено в южной Германии²⁴.

Среди утвари Коложской церкви в Гродно был бронзовый умывальник-водолей в виде конного рыцаря. В. П. Даркевич усматривает в нем вещь, сделанную в северной Германии (Нижняя Саксония)²⁵.

Одна из богатых горожанок Новогрудка владела золотым перстнем, украшенным красным камнем. Его ободок был разделен на равные части, и в каждой из них была начертана латинская буква. Удалось прочитать буквы i, u, s, d, v, n, a. Остальные стерты. По-видимому, на перстне были начертаны слова молитвы. Одно из них могло означать сокращенное имя Иисус. Группа средневековых перстней с начертанными на них изречениями или молитвами хранится в Британском музее²⁶.

Привозным было в Понеманье и оконное стекло. В Новогрудок его доставляли из Киева, а в Волковыск — из стран Западной Европы²⁷.

Среди привозных изделий Понеманья многие происходят из стран христианского и мусульманского Востока. Первое место среди вещей восточного происхождения принадлежит амфорам. Амфоры служили тарой для вина и масла, которые были привезены на территорию Понеманья из Северного и Западного Причерноморья. В Новогрудке встречено около 2500 фрагментов (более 70 сосудов), амфор, в Волковыске — 1600 фрагментов. Обломки амфор найдены и в других городах Понеманья — в Гродно, Слониме и Турийске. Наиболее распространенной формой амфор были грушевидные сосуды с широким туловом, низким горлом и поднятыми над ним дуговидными ручками. Амфоры подобной формы встречены и в других древнерусских городах²⁸. Амфоры являются наиболее массовым археологическим материалом, отражающим прочные и глубокие связи Неманской земли со странами, подвластными Византии.

Особую группу импорта составляют византийские стеклянные сосуды. Численно они намного уступают амфорам, но это прекрасные вещи из красного, синего, белого и зеленого стекла, расписанные золотом и эмалью. Византийское происхождение группы стеклянных сосудов устанавливается по химическому составу стекла (натриево-кальциево-кремнеземное) и декору. Различия в стиле и орнаменте дают возможность предположить, что в Понеманье привозили сосуды из различных византийских центров стеклоделия²⁹. В 1960 г. в одной из богатых построек Новогрудка был найден толстостенный резной кубок. В литературе подобные сосуды называются «кубками Ядвиги» — по имени жены силезского герцога XII в., которая владела подобным кубком. Как установила Ю. Л. Шапова, новогрудский резной кубок изготовлен в византийской, вернее всего в константинопольской, мастерской³⁰.

В Понеманье попадали и сирийские изделия. В Новогрудке и Слониме найдены фрагменты стеклянных сосудов, украшенных арабскими надписями. Их выделкой славился город Ракка. В городе Алеппо был сделан еще один стеклянный сосуд из Новогрудка, расписанный золотом и красной эмалью³¹.

Отметим некоторые другие восточные изделия в Понеманье. Характерный цвет стекла и особая форма браслетов (плоско-выпуклая простая и сложная, квадратная и треугольная) позволили Ю. Л. Шаповой отнести к византийскому импорту 13% волковысских и 15% новогрудских стеклянных браслетов³². Добавим к этому отдельные византийские бусы, перстни и вставки.

Если бы в почве Понеманья лучше сохранялись органические остатки, можно было бы с большей уверенностью судить о ввозе византийских шелковых тканей. Пока же мы располагаем данными об об-

рывках шелковой ткани, найденной в Гродно³³, и тонком шелковом поясе из Новогрудка.

В ассортимент византийских изделий Понеманья входит новогрудская резная костяная пластинка от ларца с характерным орнаментом в виде звездочек, вписанных в круг³⁴.

В 1965 г. в Волковыске была найдена резная костяная пластинка, видимо, использовавшаяся как иконка. На ее лицевой стороне вырезаны три погрудных изображения святых, расположенных по вертикали. На обратной стороне пластинки — крест. Я. Г. Зверуго полагает, что эта вещь могла быть изготовлена в Византии или же местным косторезом по византийскому образцу³⁵. Изделием византийской мелкой пластики является обломок новогрудского образца, выполненного в стеатите. На нем с необыкновенным искусством изображены богоматерь с младенцем³⁶.

В быту богатых горожан Новогрудка, как в детинце, так и в околном городе, применялась иранская фаянсовая посуда с люстровой росписью. В Рее, Кашане, Султанабаде и других средневековых городах Ирана ремесленники украшали фаянсовые сосуды росписью, применяя восстановительный обжиг состава, в который входили медь, серебро и золото. Среди находок этого рода особенно интересна 12-лопастная чаша, покрытая красно-коричневой росписью. Аналогии этой чаше известны в музейных собраниях³⁷.

Интересная находка встречена при раскопках Слонима. Это изящный медный кувшин с округлым туловом, узким горлом и расширяющимся венчиком. Шейка, тулово и придонная часть сосуда украшены параллельными линиями. Сходный по форме бронзовый кувшин найден при раскопках в Новгороде, в слое конца XI в. По определению М. Е. Массона и М. М. Дьяконова, новгородский кувшин происходит из Средней Азии³⁸.

Своеобразным отображением связей Понеманья с мусульманским Востоком может служить проникновение в города Понеманья восточных абстрактных шахматных фигур (конь в Новогрудке и ладья в Волковыске), которые аналогичны шахматным фигурам из других древнерусских, а также западноевропейских городов³⁹.

С иным миром связана находка в новогрудском детинце в 1974 г. Это литой овальный образец из стекловидной красно-коричневой массы с изображением сцены Рождества Христова. На образке видны возлежащая на скамье Мария, стоящий и опирающийся на посох Иосиф и лежащий в яслях младенец, за которым изображены головы осла и тельца. В верхней части образка имеются буквы ПГЪМЪ ЮЪ. Новогрудский образец отлит в одной форме с двумя другими, один из которых хранится в Ватикане, а другой — в Оксфорде (привезен из Александрии). По мнению Х. Венцеля, изделия, подобные образку, выделывались в XIII в. в Венеции⁴⁰.

Такова картина внешних связей городов Понеманья, которая воссоздается по археологическим материалам. Несколько десятилетий тому назад вряд ли кто-либо поверил, что здесь в земле хранятся изделия русских и иноземных средневековых мастеров, причем среди них есть и шедевры. В наше время это положение не может быть оспорено. В Понеманье посылали свои товары Киев и другие русские земли. Там оседали изделия, вышедшие из мастерских прибалтийских, западноевропейских, ближневосточных и других ремесленников.

Главенствующая роль поставщика товаров принадлежала Киеву и Киевской земле. Помимо собственно киевской продукции, видимо, через Поднепровье попадали в Понеманье причерноморские амфоры и другие изделия. Не исключено, что днепровский путь использовался для транспортировки византийских товаров. Тесные политические связи Понеманья с Киевом, отмеченные летописцем для Гродно XII в.⁴¹, определенное воздействие киевского художественного ремесла на ювелирное дело Черной Руси⁴² дополнялись широкими торговыми и иными свя-

зьями этих областей древней Руси, как о том свидетельствуют обильные археологические материалы.

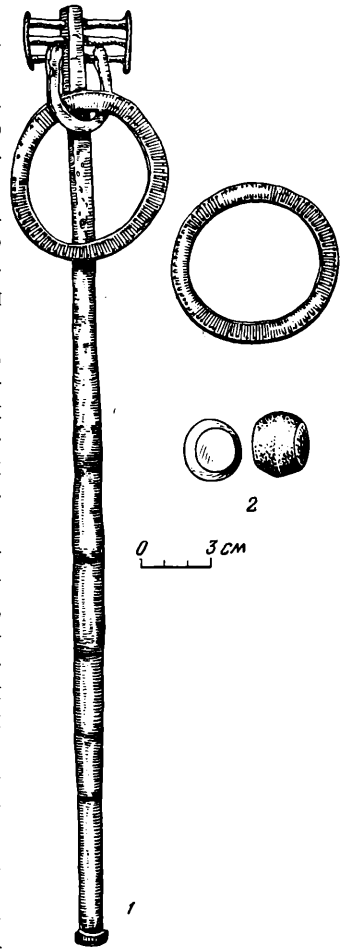
По численности и разнообразию привозных русских и иноземных изделий первое место принадлежит Новогрудку. Это вполне объяснимо, так как основные материалы здесь получены при исследовании богатого квартала окольного города и детинца, где жил князь со своим окружением. Поражает при этом следующее обстоятельство. Другие города Понеманья стояли на речных путях: Гродно и Турыйск — на Немане, Слоним — на его притоке Щаре, Волковыск был связан с другим притоком Немана — Россью. Новогрудок же лишен водной артерии, и можно себе представить, каких трудов стоила доставка сухопутными дорогами огромных амфор с их содержимым или хрупких стеклянных сосудов.

Непонятны формы, в которых осуществлялись внешние связи. Часть товаров южнорусского происхождения (шиферные пряслица, стеклянные браслеты, бусы, эмалевые крестики), как считает Б. А. Рыбаков, могли доставлять бродячие торговцы⁴³. Мы располагаем некоторыми данными о том, что среди горожан Понеманья также были торговцы. Торговые операции засвидетельствованы находками безменов (рис.), обломков чашечных весов и гирек-разновесок. Б. А. Колчину удалось установить, что на безмене из Старой Рязани, длина стержня которого достигала 36 см, взвешивали груз до 7—8 пудов⁴⁴. Длина стержня новогрудского безмена составляет 41 см. Он, следовательно, мог выдержать большую тяжесть. Что взвешивали на этом безмене? Может быть, зерно?

Находки безменов, частей весов и гирек — этих несомненных атрибутов торговли — не могут, однако, ответить на вопрос, жили ли в городах Понеманья купцы-профессионалы. Сложно также представить себе реальную организацию связей с дальними землями. Известно, что наиболее богатые ремесленники Западной Европы, в первую очередь золотых дел мастера, сочетали производственную деятельность с торговой, разъезжая по городам и ярмаркам⁴⁵. Может быть, в роли купцов выступали отдельные богатые ремесленники Понеманья, что не исключает возможности появления на его территории иноземных купцов.

Неясен вопрос, какой эквивалент могли предлагать жители городов Понеманья за дорогие заморские товары. Серии охотничьих стрел, найденных при раскопках этих городов, дают возможность предположить, что эквивалентом служили шкуры пушных зверей, которыми изобиловали пущи Понеманья.

Внешние связи городов Понеманья могли быть не только торговыми. Часть импортных вещей, вероятно, представляла собой военную добычу из тех стран, куда войны Черной Руси отправлялись походами. Находки исключительно дорогих восточных изделий дают возможность предположить, что социальная верхушка городов Понеманья имела какие-то контакты с крестоносцами, опустошавшими земли Ближнего Востока.

Вещи из Новогрудка

- 1 — безмен;
2 — гирька

- ¹ Гуревич Ф. Д. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья. — КСИА, 1976, 146, с. 25, 26.
- ² Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Минск, 1975, с. 49—53.
- ³ Любезно сообщено В. А. Булкиным.
- ⁴ Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. — Труды ГИМ, 1967, 43, рис. 15.
- ⁵ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 171, 172.
- ⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло. — В кн.: История культуры древней Руси. М., 1951, I, с. 99; Павлова К. В. Раскопки курганов у д. Городиловка. — КСИА, 1973, 135, с. 61, рис. 16, I.
- ⁷ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 29, 30.
- ⁸ Давидан О. И. Гребни Старой Ладуги. — АСГЭ, 1969, 4, рис. 4, 1—3; Тараканова С. А. Раскопки древнего Пскова. — КСИИМК, 1949, 27, рис. 39, в.
- ⁹ Гуревич Ф. Д. Прибалтийский импорт в Понеманье в X—XIII вв. — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, с. 56.
- ¹⁰ Шноре Э. Д. Асотское городище. — В кн.: Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига, 1961, табл. IX, 15, 19, с. 124.
- ¹¹ Гуревич Ф. Д. Об околном городе летописного Новогрудка. — СА, 1962, 1, рис. 4; 5.
- ¹² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 13.
- ¹³ Фелнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Труды ГИМ, 1959, 33, с. 154, 155.
- ¹⁴ Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. — КСИА, 1965, 104, с. 89.
- ¹⁵ Гуревич Ф. Д. Древние города Понеманья и южнорусские земли в конце X—XIII вв. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 25—29.
- ¹⁶ Малевская М. В. Поливная керамика древнего Новогрудка. — СА, 1969, 3, с. 202; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск, с. 79.
- ¹⁷ Макарова Т. И. Поливная посуда. — САИ, 1967, вып. Е1-38, с. 43, 44.
- ¹⁸ Порфиридов Н. Г. Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты. — СА, 1972, 3, с. 202—204.
- ¹⁹ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск, с. 128, 129; Лысенко П. Ф. Каменная иконка из Пинска. — СА, 1968, 2, с. 295—297; Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 71.
- ²⁰ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы, с. 157—159; Сергеева З. М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории древней Руси. — КСИА, 1977, 150, с. 34—36.
- ²¹ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск, с. 60, 61.
- ²² Мугуревич Э. С. Восточная Латвия... с. 50; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 53; Paulsen P. Schwer-
- totrbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, S. 124.
- ²³ Зверуго Я. Г. Археологические работы в Слониме. — В кн.: Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972, с. 270, 273, рис. 22; Волкайтэ-Куликаўскае Р. К. К вопросу о древнейших шлемах в Литве. — Труды АН ЛитССР, 1965, сер. А, 2 (19), с. 74.
- ²⁴ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск, с. 81, рис. 29; Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ, 1966, вып. Е1-57, с. 29.
- ²⁵ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, 41, с. 99, 100, рис. 51; Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла... с. 27, 28.
- ²⁶ Dalton M. A. Franks bequest catalogue of the fingerrings. London, 1912, N 863, 889, p. 135.
- ²⁷ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск, с. 79.
- ²⁸ Малевская М. В. Амфоры Новогрудка XII—XIII вв. — В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 185—191.
- ²⁹ Гуревич Ф. Д., Жанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в древней Руси. Л., 1968, с. 10—13.
- ³⁰ Гуревич Ф. Д. Стекланный резной бокал из Новогрудка. — СА, 1963, 2, с. 243—246; Шапова Ю. Л. О резном бокале из Новогрудка. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 209—215.
- ³¹ Гуревич Ф. Д., Жанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло... с. 12—14.
- ³² Шапова Ю. Л. Стекланные браслеты Волковыска. — В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 166—170; Она же. Стекло Киевской Руси, с. 109, 168.
- ³³ Воронин Н. Н. Древнее Гродно, с. 66.
- ³⁴ Diel C. Manuel d'art Bizantine. Paris, 1926, fig. 317.
- ³⁵ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск, с. 127, 128.
- ³⁶ Гуревич Ф. Д., Назаренко В. А., Плоткин К. М., Пономарева Т. С. Раскопки новогрудского детинца. — АО 1971 г. М., 1972, с. 30.
- ³⁷ Гуревич Ф. Д. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 34—36; Она же. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка. — КСИА, 1974, 139, с. 95, 96, рис. 33, 5.
- ³⁸ Зверуго Я. Г. Археологические работы в Слониме, с. 269, рис. 21; Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976, с. 51, рис. 46, I; Арциховский А. В. Раскопки 1951 г. в Новгороде. — СА, 1953, XVIII, с. 368, рис. 21.
- ³⁹ Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975, с. 77, 79.
- ⁴⁰ Гуревич Ф. Д., Ковальская К. Т., Николасов Н. В., Пономарева Т. С. Новогрудская экспедиция. — АО 1974 г. М., 1975, с. 384, 385; Vickers M. A note

- on glass medallions in Oxford. — *Journal of glass studies*, 1974, XVI, p. 18—21. Благодарю А. В. Банк за указание аналогий новгородскому образку.
- ⁴¹ ПСРЛ, 1962, II, стб. 284, 290, 294, 315, 318.
- ⁴² *Гуревич Ф. Д.* К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей (по материалам ювелирного ремесла). — В кн.: *Культура средневековой Руси*. Л., 1974, с. 22—25.
- ⁴³ *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 469.
- ⁴⁴ *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. — МИА, 1956, 32, с. 164.
- ⁴⁵ *Столцицкая-Терешкович В. В.* Основные проблемы средневекового города. М., 1960, с. 198, 199.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Изучение русского лицевого летописания — явления, в котором ярко отразились культура и быт средневековой Руси, национальное самосознание русского народа, — тема, заслуженно привлекавшая самое пристальное внимание ряда видных историков, искусствоведов и археологов¹. Вместе с тем далеко не все аспекты этой проблемы получили к настоящему моменту однозначную и убедительную трактовку специалистов. В новейшем из фундаментальных исследований по данной теме — работе О. И. Подобедовой — основные вопросы истории русского лицевого летописания решаются следующим образом: 1. Лицевое летописание трактуется как особый светский жанр, принципиально отличный от изображений духовного содержания, в том числе и житийных миниатюр²; 2. Рукописи тверского Амартола, Радзивилловской летописи и Лицевой летописный свод рассматриваются как звенья единого процесса, отражающие преемственное развитие русских лицевых хроник³.

Оба положения имеют, очевидно, важнейшее значение для понимания характера русского лицевого летописания и его истории. Однако они не могут считаться окончательно установленными, бесспорными истинами.

Решение вопроса о возникновении и развитии традиций русского лицевого летописания во многом зависит от правильного понимания того, какое место в этой эволюции занимает Радзивилловская летопись. Эта рукопись часто рассматривается как близко повторяющая более ранний оригинал и позволяющая судить о лицевом летописании еще домонгольского времени⁴. Высказывались также предположения о непосредственном влиянии этой рукописи на позднейшее лицевое летописание⁵. Ряд наблюдений и гипотез вносит в эту картину существенные коррективы.

То, что Радзивилловская летопись даже в плане порядка и набора сюжетов миниатюр не является точным повторением более ранней рукописи, доказывается уже давно замеченным фактом замены по ходу оформления рукописи ряда композиций совсем иными на наклейках (л. 38, 88—89, 95 об.). Наличие наряду с архаичными реалиями новейших, современных эпохе создания рукописи, в том числе навеянных западноевропейским искусством⁶, также показывает степень самостоятельности миниатюристов. При этом введение новейших реалий не может быть объяснено лишь модернизацией старых композиций — в ряде случаев фигуры и реалии новейшего происхождения врисованы одним из мастеров дополнительно по отношению к первоначальному рисунку. В отдельных случаях вообще следует говорить не о модернизации, а о совершенно самостоятельной новой композиции (например, два трубачих герольда в двцветных одеждах на л. 207 об.). Напомню, что западные реалии имеются не только в конце рукописи, но присутствуют, хотя и в меньшей степени, на миниатюрах ее начальной части, сохраняющей в целом более архаичный облик (л. 9—10).

В этой же начальной части рукописи миниатюры, связанные с убийством Бориса и Глеба, отражают не прилегающий летописный текст, а иную житийную версию: Бориса на миниатюре добивают два варяга, а не один (л. 75 об.); над трупом Глеба изображены чудесно загоревшиеся свечи, также из другой версии жития (л. 77 об.). Таким образом, миниатюры этой части Радзивилловской летописи обнаруживают связь с более ранними житийными миниатюрами, а влияние более раннего лицевого летописания остается под вопросом.

О. И. Подобедова на основании композиционных особенностей ряда миниатюр высказывает предположение, что оригинал начальной части Радзивилловской летописи имел двухколоночный текст и соответствующее расположение миниатюр⁷. Такое допущение заставляет предполагать полную перестройку общего вида большей части композиций, причем перестройку такого рода, которая по существу лишает нас возможности составить сколько-нибудь реальное представление об этом оригинале. Эта перестройка должна была кардинально изменить число миниатюр, слить часть из них по две и по три в одну, «растянуть» другие. Перестройки такого рода наряду с уже упоминавшимися отступлениями от предполагаемого оригинала практически не оставляют места для иной преемственности, чем сохранение отдельных архаичных реалий.

Сравнивая серии миниатюр Радзивилловской летописи и других средневековых исторических рукописей, в частности русского списка Хроники Амартола, а также болгарского списка византийской Хроники Манассии⁸, можно отметить, что Радзивилловская летопись выделяется отсутствием миниатюр, иллюстрирующих сотворение мира и другие библейские эпизоды, хотя в тексте рукописи они есть. В ряде других случаев миниатюры также упускают возможность изобразить события священной истории (например, не иллюстрирована «речь философа»). Необычно малоцерковный характер миниатюр Радзивилловской летописи отмечался исследователями⁹. Весьма показательным в этом плане представляется последовательное изображение «философа», склонившего Владимира к принятию христианства, в одеждах светского лица. Эти особенности миниатюр Радзивилловской летописи едва ли могли находиться в оригинале домонгольского времени.

Предположение О. И. Подобедовой о возможности влияния Радзивилловской летописи на позднейшее лицевое летописание Московской Руси представляется маловероятным. Дело в том, что наиболее обоснована гипотеза о западнорусском происхождении рукописи¹⁰, причем в этом случае очевидно, что в Северо-Восточную Русь рукопись не попадала. Кроме того, небрежно оформленная рукопись Радзивилловской летописи, отразившая значительную неустойчивость вкусов как мастеров, так и заказчиков, едва ли могла использоваться в качестве образца, тем более для такого произведения придворного искусства, как Лицевой летописный свод.

Все указанные моменты, существенно снижающие значение рукописи Радзивилловской летописи как источника эволюции лицевого летописания, в то же время не только не умаляют, но даже увеличивают ее значение как чрезвычайно своеобразного памятника по истории культуры.

Вернемся к вопросу о предполагаемом двухколоночном оригинале начальной части Радзивилловской летописи. Думается, что основания, предложенные О. И. Подобедовой для подтверждения его существования, недостаточны. Распадение «строчной» композиции на отдельные сцены известно на многих византийских и русских миниатюрах, о которых нет никаких оснований предполагать, что они собраны из нескольких. Само расположение и общая композиция миниатюр Радзивилловской летописи типична для многих византийских рукописей повествовательного и светского содержания¹¹, в частности для мадридской рукописи Хроники Скилицы и ватиканской — Манассии. Подобную композицию имеют и все миниатюры Сильвестровского списка Сказания

о Борисе и Глебе¹². Думается, что пропорции миниатюр и их соотношение с текстом в Радзивилловской летописи не случайны, и по принципу оформления эта летопись восходит к византийскому лицевому летописанию. Вместе с тем более ранняя русская лицевая рукопись Хроника Амартола стоит в этом плане особняком (размещение квадратных миниатюр на листе с двухколоночным текстом может быть сближено с Псковской Палеей 1477 г.)¹³. Сближает Радзивилловскую летопись с более ранними памятниками и такая деталь, как наличие пояснительных надписей рядом с миниатюрами (правда, только в начальной части; однако известно, что оформление рукописи не было закончено). Таким образом, следует полагать, что по принципу оформления Радзивилловская летопись все же связана с длительной византийской и древнерусской традицией оформления лицевых хроник.

Отметив «строчную» композицию как характерную особенность византийских и славянских лицевых хроник, обратимся к известной рукописи с подобной же композицией миниатюр. Речь идет о Сильвестровском списке Сказания о Борисе и Глебе, неоднократно привлекавшемся для приведения аналогий миниатюрам Радзивилловской летописи.

Серия миниатюр Сильвестровского списка распадается на две части — собственно житие, а также посмертные чудеса и судьба мощей. При этом житийные миниатюры отражают основной текст памятника, а последующие миниатюры — позднейшие дополнения. Уже замечено, что в миниатюрах отсутствует важнейшая часть всех разновидностей жития — история войны Ярослава со Святополком и возмездие — гибель убийцы. Создается впечатление, что отсутствие этой части миниатюр связано не с особой редакцией жития, а с причинами «технического» характера. Итак, завершение житийной части смертью Глеба дает одну «шивку» в серии миниатюр. В то же время эта серия миниатюр имеет и еще один, более явный след своего сложного происхождения — в самом начале она как бы разбита находящейся на первый взгляд не на месте «выходной» миниатюрой — Христос коронует Бориса и Глеба¹⁴. Вопрос, почему эта миниатюра идет не первой, а третьей, уже давно занимает исследователей. Помещенные перед «выходной» миниатюрой послание Бориса на печенегов и смерть Владимира — неотъемлемая часть всех версий жития, так что нет оснований предполагать, что эти миниатюры дополняют эпизоды, отсутствовавшие в какой-то версии текста. Предположение Д. В. Айналова о том, что существовал единый лицевой памятник — житие Владимира — житие Бориса и Глеба¹⁵, вызывает сомнения, так как никаких следов существования такого литературного памятника не сохранилось.

Вместе с тем оба шва — после смерти Владимира и после смерти (точнее — обретения тела) Глеба — находят четкое соответствие в том, как сведения о Борисе и Глебе вкомпонованы в текст Повести временных лет. Особый заголовок «Убьенье Борисово» идет сразу после описания погребения Владимира и панегирика ему. Точно так же повесть о Борисе и Глебе в летописи обрывается на нахождении в лесу брошенного тела Глеба. После этого в летописи идет панегирик обоим святым, и отрывок, специально им посвященный, с особым заголовком, на этом кончается. События, связанные с возмездием, постигшим Святополка, излагаются далее, наряду с другими событиями, согласно принятому в летописи хронологическому принципу. Соответствие двух швов, разделяющих серию миниатюр, фиксированным границам летописных статей указывает на то, что часть миниатюр, заключенных между ними, восходит к лицевой летописи. С этим согласуются и некоторые подробности отдельных сцен (убийство Бориса одним варягом). Вполне вероятно, что летописная серия подверглась дополнениям как в деталях, так и в самом числе миниатюр. Сходство ряда миниатюр, возможно, свидетельствует о том, что исходная миниатюра летописи в некоторых случаях повторялась с небольшими вариациями два раза, чтобы сделать серию более представительной. Это касается, например; молитвы Бориса.

Дата лицевой летописи, к которой восходят миниатюры Сильвестровского списка, может быть определена с значительной долей вероятности. Поскольку на миниатюрах очень подробно освещаются просмертные чудеса, перенесение мощей и т. п., очевидно, что серия в целом была создана в пределах столетия после последнего из них. Усечение возмездия над Святополком (т. е. события, вследствие которого стали необходимыми написания апологии Ярослава — Жития Бориса и Глеба — и само возникновение культа этих святых) могло произойти только по прошествии значительного времени после смерти Ярослава, не ранее, чем при его внуках, когда державные права Ярослава и его потомков уже не нуждались в обосновании. Иными словами, руководствуясь как первым, так и вторым соображением, мы должны будем остановиться на времени Святополка или Владимира Мономаха. Таким образом, есть основания полагать, что парадный лицевой список Повести временных лет появился вскоре по созданию текста этого памятника.

Характерной особенностью Сильвестровского списка Сказания о Борисе и Глебе является расположение миниатюр. Они располагаются друг над другом на отдельных листах без текста (но с подписями) и не соответствуют прилегающему тексту рукописи. Такой порядок — несомненно искусственный, вторичный. Следует полагать, что в исходном оригинале миниатюры располагались между строками текста, так же как в Радзивилловской летописи и хрониках Манассии и Скилицы. Отметим, что в хронике Манассии встречается слияние миниатюр со «строчной» композицией по две и по три. Возможность компоновки подобных миниатюр друг над другом позволяет проследивать влияние рукописной миниатюры на другие виды древнерусского изобразительного искусства.

Так, именно влиянием книжной миниатюры, очевидно, объясняется совершенно уникальная композиция новгородской иконы «Чудо от иконы Знамение» (Битва новгородцев с суздальцами)¹⁶. То, что эта икона распадается на три равноправные «строчные» композиции, свидетельствует, что источником для создания этой композиции послужили соединенные вместе миниатюры. Таким образом, эта икона не только по содержанию, но, очевидно, и по самому своему происхождению тесно связана с исторической миниатюрой.

Предложенные построения в значительной степени разрушают искусственную границу, которая проводится в ряде работ между древнерусскими изображениями исторического и церковного характера. Но такой границы в действительности не существовало. Древнерусские художники различали собственно икону, «образ» и «деяния». К этому последнему роду изображений и относятся все древнерусские исторические композиции, но также и множество житийных и библейских сцен.

Действительно, среди миниатюр Лицевого летописного свода мы находим множество библейских сцен¹⁷, значительные житийные серии (в частности, Житие Сергия Радонежского), различные чудеса и видения, символические композиции богословского характера (в связи с полемикой на Ферраро-Флорентийском соборе)¹⁸. Известно внимание миниатюр свода к церковным обрядам. Церковный характер миниатюр лицевого свода отразился и в том, что на них князья изображаются на молитве без шапок (а в житийных миниатюрах Сильвестровского сборника — в шапках!), и в том, что видение Александра Невского на коне изображено в виде всадника-монаха, а не князя (т. е. феодальная символика последовательно уступает церковной)¹⁹. Очень силен элемент церковной иконографии и в миниатюрах тверского Амартола. Не лишена его и Радзивилловская летопись при всем ее в целом малоцерковном характере.

Миниатюры Лицевого летописного свода по композиции не имеют ничего общего ни с Радзивилловской летописью, ни с Сильвестровским списком. По-другому они соотносятся и с текстом (в более ранних рукописях миниатюра идет после иллюстрируемого текста, в своде текст следует за миниатюрой). На миниатюрах свода виден полный отход от изокефалии, довольно последовательно проводящейся на миниатюрах со «строчной»

композицией, расположение фигур по вертикали нарочито свободно. Общая пропорция композиций и характер расположения фигур приближаются к иконам (например, праздничным чинам). В поисках прототипов миниатюр Лицевого свода нельзя пройти мимо лицевого Жития Бориса и Глеба рубежа XV—XVI вв.²⁰ Такая миниатюра, как победа Ярослава над Святополком, с участием в битве святых, и по композиции и по содержанию предвосхищает ряд батальных композиций свода и Жития Сергия Радонежского. В отдельных случаях, по-видимому, прослеживаются влияния миниатюр, имевших «строчную» композицию. Это, например, расположенные «гуськом» лады в сцене убийства Глеба (что не согласуется с общей пропорцией миниатюр, вытянутых по вертикали).

Вместе с тем традиция летописной миниатюры со «строчной» композицией еще ощущается в таком известном памятнике середины XVI в., как царское место Ивана Грозного²¹. Здесь почти все композиции сохраняют одноуровневость изображений фигур; они принципиально отличаются от миниатюр Лицевого летописного свода, среди которых есть иллюстрирующие тот же самый сюжет.

- ¹ См., например: *Щепкин В. Н.* Два лицевых сборника Исторического музея. — АИЗ, 1897, V, 4; *Кондаков Н. П.* Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи. — В кн.: Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902, т. II; *Сизов В. И.* Миниатюры Кенигсбергской летописи. — ИОРЯС, 1905, X, 1; *Айналов Д. В.* О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи. — ИОРЯС, 1909, XIII, 9; *Артамонов М. И.* Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. — ИГАИМК, 1931, X, 1; *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; *Рыбаков Б. А.* «Окна в исчезнувший мир». — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1946, 4; *Он же.* Георгий Русский и его мать по миниатюрам Радзивилловской летописи. — В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, 1974, 2; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1964.
- ² *Подобедова О. И.* Миниатюры..., с. 10.
- ³ Там же, с. 91, 99, 195, 319.
- ⁴ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры..., с. 12—18.
- ⁵ *Подобедова О. И.* Миниатюры..., с. 99, 195.
- ⁶ *Сизов В. И.* Миниатюры Кенигсбергской летописи; *Чернецов А. В.* К изучению Радзивилловской летописи. — ТОДРЛ, 1982, XXXVI.
- ⁷ *Подобедова О. И.* Миниатюры..., с. 95, 96.
- ⁸ *Дуйчев И.* Миниатюры на Манасиевата летопис. София, 1962.
- ⁹ *Подобедова О. И.* Миниатюры..., с. 95, 96.
- ¹⁰ *Шахматов А. А.* Заметка о месте составления Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи. — В кн.: Сборник в честь семидесятилетия профессора Д. Н. Анучина, М., 1913; *Ганцов В. М.* Особенности языка Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи. — ИОРЯС, 1927, XXXII; *Артамонов М. И.* Миниатюры Кенигсбергского списка летописи; *Чернецов А. В.* К изучению...
- ¹¹ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1948, II, табл. 18—20, 83, 94 и др.
- ¹² *Срезневский И. И.* Сказание о Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860; *Айналов Д. В.* Миниатюры Сказания о Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, 1910, XV, 3.
- ¹³ *Протасьева Т. Н.* Псковская Палая 1477 г. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968.
- ¹⁴ См.: *Айналов Д. В.* О некоторых сериях...; *Он же.* Миниатюры...; *Поппа А. В.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, 1966, XXII. О других сериях житийных изображений Бориса и Глеба см. также: *Смирнова Э. С.* Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРЛ, 1958, XV.
- ¹⁵ *Айналов Д. В.* О некоторых сериях...
- ¹⁶ *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. М.; Л., 1947, с. 112, 120.
- ¹⁷ См., например: *Щепкин В. Н.* Два лицевых сборника...; Хронографический том — БАН, 17.17.9, л. 150 об., 464 об., 880 об., 881, 883 об., 890, 891, 904, 905, 907, 907 об., 909, 917 об.; Хронографический том — ГПБ, F. IV, 151, л. 153 об., 161, 662 об. и др. В ряде случаев миниатюры точно следуют канонической иконографии.
- ¹⁸ Голицынский том — ГПБ, F. 225, л. 614 об.
- ¹⁹ Шумиловский том — ГПБ, F. IV, 232, л. 449.
- ²⁰ *Лихачев Н. П.* Лицевое житие святых благоверных князей Бориса и Глеба по рукописи XV в. СПб., 1907.
- ²¹ *Забелин И. Е., Щепкин В. Н.* Трон или царское место Грозного в московском Успенском соборе. — В кн.: Отчет Исторического музея за 1907 г. М., 1908.

О ФОРМИРОВАНИИ ДРЕВНЕГО АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА СОБОРА АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ В НОВГОРОДЕ

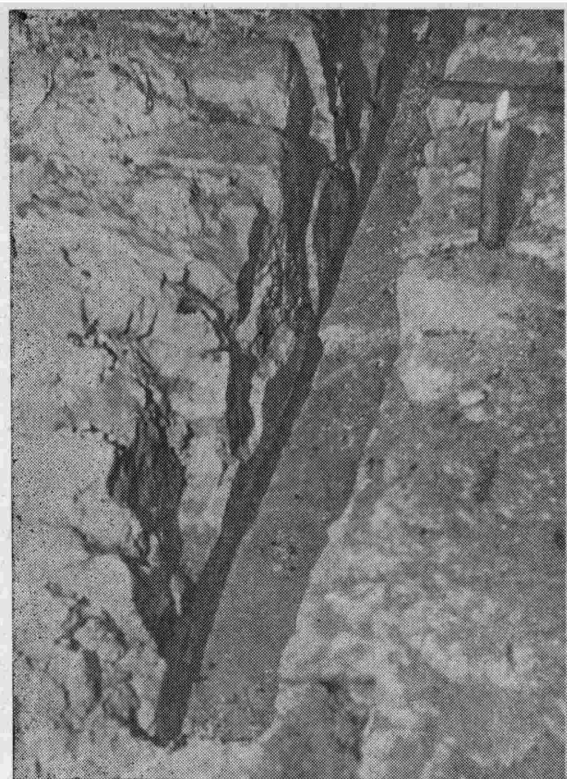
Многие вопросы истории и культуры древнего Новгорода связаны со знаменитым памятником новгородского зодчества — церковью Рождества Богородицы Антониева монастыря 1117—1119 гг. Не удивительно поэтому, что памятник часто упоминается на страницах научных изданий. Хрестоматийная формула структуры храма — «крестовокупольный шестистолпный с асимметричным трехглавием» — создала в литературе иллюзию изученности. И если не считать сомнений некоторых авторов о форме его столбов в древности, ни у кого из историков русской культуры не возникало мысли об ином архитектурно-композиционном решении, хотя до сих пор памятник почти не изучен.

Частичное, но целенаправленное обследование¹ показало, что в действительности древний объем составлен из двух структур, а привычная литературная характеристика вовсе не раскрывает его сущность. Здесь речь пойдет о первоначальном композиционном ядре памятника и его ранней объемно-пространственной трансформации².

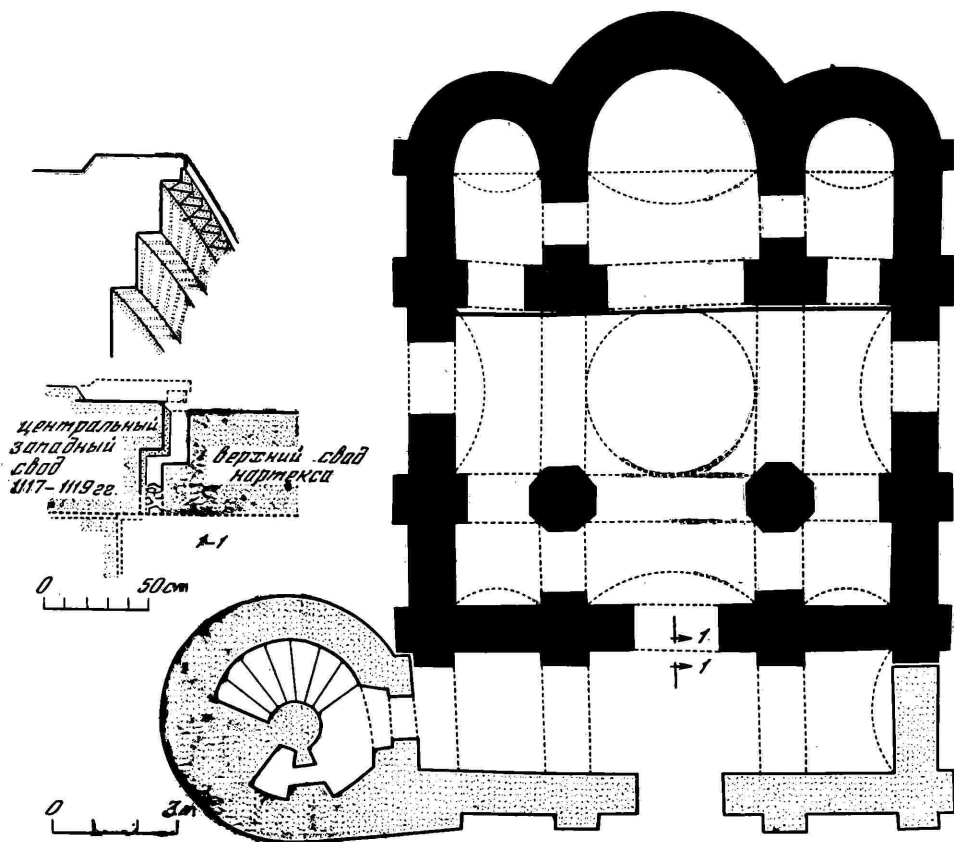
Обследование памятника сконцентрировалось главным образом в западной части. Вначале зондажами внизу западной пары столбов и соседних участков боковых стен удалось установить, что существующая прямоугольная форма столбов не первоначальна. Ее изменения свелись к уничтожению каких-то примыкавших к ним с боков вертикальных элементов. Остатки их вначале были приняты за следы срубленных боковых лопаток крещатых столбов и соответствующих им лопаток на боковых стенах, так как границы срубленной и целой кладок на столбах и боковых стенах проходят по вертикали. Позднее это предположение было отклонено, о чем будет сказано ниже. На западной стене нартекса против столбов поверхность кладки не нарушена, и лопаток здесь никогда не было — форма стены не изменилась. По боковым стенам внизу и на полатах в 32—35 см к западу от восточной стены хор ясно видны вертикальные трещины, прослеженные почти по всей высоте здания и на сводах³. Внимательное изучение их показало, что здесь находится стык древних, но разновременных кладок.

Более полную информацию дало изучение трещины в своде сверху, со стороны современного чердака. Это — борозда, стык двух кладок, пересекающая с севера на юг западные своды (рис. 1). Результат ее исследования нами предполагался заранее, тем не менее то, что удалось увидеть в глубине, оказалось неожиданным по исчерпывающей полноте и убедительности информации. Исчезли сомнения, касающиеся стыка кладок вертикальных участков стен. Стало ясно, что стыкующиеся части здания — главный объем и нартекс — разновременны. Дело в том, что восточный край «трещины» сводов оказался хорошо сохранившимся оштукатуренным карнизом закомар первоначального объема (рис. 2, деталь). Карниз имеет двуступчатый профиль прямоугольного сечения, характерный для южнорусских построек второй половины XI—XII в. и новгородских — XII—первой трети XIII в. Высота верхнего уступа 22 см, ширина (выступ) — 12 см. Вероятно, таков же и нижний уступ, хотя размеры его пока не установлены. Но главным сюрпризом оказалась прекрасно сохранившаяся на карнизе штукатурка толщиной до 2 см. Состав: известь, толченая керамика (цемянка), органические добавки в виде древесных волокон. Поверхность очень гладкая, расписана по сырому красной охрой, имитирующей кладку арок с «утопленным» рядом. Этот декоративный прием отделки теперь известен на всех памятниках

Рис. 1. Трещина-стык (зондаж) в своде западного рукава центрального пространственного креста — месте присоединения свода нартекса

Рис. 2. Реконструкция плана собора Рождества Богородицы Антониева монастыря на 1117—1119 гг. (стены залиты тушью) и с достроенной западной частью второго строительного периода (стены заштрихованы). Реконструкция Г. М. Штендера. Слева показаны характер стыкования сводов и реконструкция карниза закомар

архитектуры Новгорода XI—первой четверти XII в. и других городов Руси⁴. В соборе Антониева монастыря подобная отделка наблюдалась еще в 60-х годах нашего столетия, на фрагменте ныне исчезнувшего карнизного зубчатого обрамления закомар восточного фасада. Аналогичное зубчатое венчание карниза как унифицированная форма было, вероятно, и на западных карнизах, но разобрано при достройке нартекса. Уступы карниза под расписной штукатуркой выложены в технике кирпичной кладки арок с «утопленным» рядом, подобно изображению на штукатурке. Правда, вместо аккуратной скошенной подрезки раствора у плинф, как в памятниках XI в., где не предполагалось закрывать кладку штукатуркой, здесь затирка швов небрежна.

Итак, вся западная четверть храма — нартекс с полатыми, юго-западной главой и примыкающая с севера лестничная башня, увенчанная третьей главой, пристроены позднее к одноглавому кубическому объему (рис. 2).

Отметим подтверждающие наблюдения в других местах. Тимпан под восточной подпружной аркой юго-западного барана на существующих хорах четкой полуциркульной формой явно отличается от «мятой» формы остальных. Несомненно, это тимпан южной закомары первоначального западного фасада. На северной части хор сохранился и виден аналогичный тимпан северной закомары. Южное и северное окна в стене, отделяющей хоры от наоса, прежде были верхними окнами в тимпанах закомар крайних прясел наружной стены, а после пристройки к ней нартекса с полатыми оказались в интерьере (рис. 3)⁵. Доказательством этому являются остатки древней росписи на боковых притолоках окон (исследовано южное). Стилизованный растительный зеленый орнамент на белом фоне, с двух сторон обрамленный вертикальной красной опушкой, скомпонован в пределах внутренней половины боковой грани окна. В ее средней части по опушке находится стык двух разных штукатурных грунтов. Грунт восточной (внутренней) половины с орнаментом — известковый с органическим наполнителем и мельчайшими частицами молотой керамики. Штукатурка западной (внешней) половины окна — с крупными фракциями цемьянки. В средней части боковых граней окна на месте стыка грунтов находилась деревянная окончина, подобная сохранившимся окончинам XII в. южной апсиды⁶. Здесь виден нахлест наружной штукатурки на грунт внутренней стенописи 1125 г.⁷ Это свидетельствует о весьма важном факте: так как храм оштукатурен после стенописи 1125 г., а нартекс выстроен после нанесения наружной штукатурки, следовательно, он появился после стенописи, т. е. не раньше, чем через шесть-семь лет, когда полностью была закончена его декоративная отделка и храм изнутри и снаружи представлял уже заверченный художественный образ.

Разновременность строительства объясняется разная система кладок стен и сводов, в стенах главной части, выполненной в смешанной каменно-кирпичной технике, оказалось большое количество плинф, в том числе толстых (8—9 см)⁸, тогда как в стенах и сводах западной, более поздней части, сложенных из серого плитняка, плинфы встречаются крайне редко и лишь тонкие. В кладке сводов, наоборот, восточные выложены без кирпича из плиты, а западные — почти целиком кирпичные (тонкая плинфа). Как обошлись с древней западной стеной наоса во время пристройки нартекса и полатей, пока неизвестно. Возможно, она сохранилась в целости. В настоящее время средняя треть стены отсутствует на всю высоту до свода. Ниже хор растесаны и боковые трети. На всю высоту сохранились лишь два участка с внешними и внутренними лопатками и забутовкой между ними, преобразованные в западные столбы. Они-то и создают впечатление шестистолпного храма. Нижние арки в боковых третях над растесанной частью стены и облицовка с запада нижней части подтесанных столбов сделаны в позднейшее время. Нет определенных оснований отнести растеску всей центральной трети к позднему времени, хотя это вполне возможно.

Подтверждением дифференцированности замысла в построении основ-

Рис. 3. Интерьер нартекса

ного объема и нартекса послужило исследование приема укладки выступающих известняковых плит в месте перехода от вертикалей лопаток и столбов к подпружным аркам. На оштукатуренных плоскостях фасадов плит не видно. В интерьере плиты оказались на всех лопатках и столбах, в том числе западных прямоугольных, являющихся частью растесанной западной стены раннего объема. Здесь плиты выступают по всему периметру, а следовательно, и на запад в нартекс. Значит, они были видны на фасаде основного куба до пристройки нартекса. Если бы они оказались на лопатках только западного фасада начального объема, то стало бы ясно, что они рассчитаны исключительно на будущее обозрение из интерьера и на западный фасад выпущены в расчете на последующую пристройку нартекса. В этом случае это был бы единый замысел строительства трехглавого шестистолпного храма, расчлененный на две очереди. Однако снаружи на лопатках бокового северного фасада найдены прежде выступавшие плиты — такие же, как на западном. Наоборот, в интерьере у более поздней западной стены нартекса отсутствуют как выступавшие плиты, так и лопатки. Это свидетельствует об ином подходе

не только к архитектурным формам, но и к конструкциям, поскольку плиты выполняют не только архитектурно-декоративную функцию, но имеют конструктивный смысл как усиленная, наиболее ответственная опора для подпружных арок.

Можно ли установить, когда пристроена западная часть храма? Нескольким попавшимся здесь плинф подобны тонким плинфам восточной части и равны кирпичам точно датированных зданий новгородской архитектуры до середины XII в.: церкви Успения Богородицы на Торгу 1135—1144 гг. и церкви Климента в Ладоге 1154 г.⁹ Поэтому мы относим строительство западной части ко времени до середины XII в., что подтверждается хорошо сохранившейся поверхностью расписной штукатурки карниза, которая ко времени его закладки еще не успела выветриться.

Зондажи в верхней части западных восьмигранных столбов дают убедительное основание считать, что первоначально каменных хор в западной трети храма не было, хотя, как и сейчас, восьмигранная форма доходила до крещатых плит, и, возможно, существовал деревянный настил по балкам, следы которого пока не найдены. Отсутствие полатей-хор — редкая для домонгольского зодчества особенность — несомненно, была обусловлена спецификой заказа, социальным положением и взглядами заказчика-монаха¹⁰. Поэтому можно предполагать, что пристройка нартекса с широкими, хорошо освещенными полами на мощном своде и парадной лестницей произошла, когда изменилось отношение к монастырскому укладу главы монастыря. Это могло произойти либо после 1131 г., времени поставления Антония игуменом, или после его смерти в 1147 г. Таким образом, дата достройки отодвигается на 30—40-е годы XII в., что не противоречит строительной технике и архитектурным формам.

Итак, в итоге предварительного исследования храма установлено, что вначале, в 1117—1119 гг., он был выстроен не «трехглавым шестистолпным», а одноглавым четырехстолпным с тремя апсидами и законченной внешней декоративной отделкой. Храм имел столбы уникальной Т-образной формы с высокой алтарной преградой. Западные восьмигранные столбы-колонны свободно стояли в пространстве наоса. Характерна его поперечная ориентация параллельно алтарной преграде. Скромная трактовка фасадов без торжественного ритма чередования горизонтальных рядов окон и декоративных ниш, заполненных яркими пятнами живописи, уже на подходе к храму способствовала настроению созерцания. В таком виде храм простоял недолго. Не позднее, чем через семь лет, вернее в 30—40-х годах, были пристроены с запада нартекс с полами на своде, юго-западная глава и лестничная башня. Западная стена первоначального здания стала восточной стеной полатей.

В результате второго строительного периода храм приобрел обычную для первой половины XII в. структуру «шестистолпного храма», вернее, четырехстолпного с нартексом. Его композиция асимметричного трехглавия к этому времени уже существовала в княжеских храмах: Благовещения на Городище и Георгия Юрьева монастыря под Новгородом¹¹. Поэтому для истории русского зодчества Антониев собор имеет значение не в окончательном варианте, который, как мы видим, в то время был уже известен, а в первоначальном — одноглавом, четырехстолпном, трехапсидном. Именно в этом виде его можно рассматривать как знаменательную веху на пути развития архитектуры и не только как начальный тип массового новгородского храма, а, по-видимому, русского храмоздательства вообще.

Из сохранившихся русских памятников этого типа все восходят к начальному варианту антониевской постройки. Малый храм на четырех столбах типа вписанного креста с тремя апсидами уже во второй половине XII в. займет главенствующее положение как канон почти во всех русских городах, независимо от социального положения заказчиков, будь то князь, боярин или горожане. Необходимо подчеркнуть, что в научной литературе давно дискутируется вопрос, где и когда на Руси появился

этот тип храма, получивший повсеместное распространение. Но поиски пока были бесплодны, так как самые ранние сохранившиеся в разных землях постройки относятся примерно к одному времени — 50—70-м годам XII в., а открытые археологами не имеют точной летописной даты (церковь Минского детинца). По этому поводу Н. Н. Воронин писал, что «поиски его прототипа и определение, где именно прежде всего на Руси появился данный тип культового здания... представляются бессмысленной в научном отношении задачей. Под воздействием одинаковых условий исторического развития и сходства определенных потребностей этот тип храма мог появиться одновременно и независимо во многих городах Руси»¹². Но существование в Пскове небольшого квадратного в плане одноглавого собора Спасо-Мирожского монастыря 1137—1138 гг. (хотя вместо столбов здесь внутренние стены, формирующие пространственную крестообразность)¹³, четырехстолпная, а по фундаментам двухстолпная церковь Дмитрия в Довмонтовом городе (30-е годы XII в.)¹⁴ и недавние исследования Федоровских церквей в Новгороде (на Торговой и Софийской сторонах) дают основание полагать, что постройки этого типа на Руси раньше всего появились в Новгородской земле. Теперь, в связи с изучением собора Антониева монастыря, это предположение стало фактом¹⁵.

Н. Н. Воронин отмечал, что во Владимирской земле малые четырехстолпные храмы возникли в княжеских городах-крепостях, удовлетворяя «одновременно задачам двора княжеского наместника или воеводы — двора, с которым храм был связан в единый комплекс — приходской церкви города»¹⁶.

В приведенной выдержке речь идет о середине XII в. Причина появления массового типа малого храма вначале на Новгородской земле, столь далеко от Малой Азии, Крыма и Кавказа, где в несколько иных формах он существовал значительно раньше, обусловлена более демократическим характером общественного уклада. Наряду с аристократией княжеского двора, которая чувствовала себя в Новгороде не очень уверенно, в тот период активную роль в экономической, политической и духовной жизни начинают играть различные городские слои, не имевшие еще значительной экономической базы. Способствовало этому и отсутствие необходимости в больших помещениях приходских церквей или не княжеских (городских) монастырей. Немалое значение имела техническая простота осуществления «сокращенной редакции» крестовокупольного храма, и, наконец, к тому времени отпала необходимость в баптистериях, которые устраивались в нартексах для крещения в городских церквях или монастырях.

Мы и прежде сомневались в принадлежности собора Рождества мастеру Петру¹⁷. А после проведенных исследований, изучения архитектурных форм с большей долей достоверности, чем прежде, можно полагать, что мастер Петр, строитель Георгиевского собора, а до того — собора Николы на Дворище и церкви Благовещения на Городище, вряд ли был создателем антониевского храма, как до сих пор считали большинство исследователей древнерусской архитектуры. Об этом говорят различная объемно-пространственная композиция и строительная техника, форма интерьера и фасадов. Теперь видно, что эти постройки связаны между собой лишь общим принципом крестовокупольной системы, характерным почти для всего русского зодчества той поры, и такими стереотипными деталями, как форма окон и карнизов, широко распространенными не только в Новгороде, но и в Киеве.

¹ Обследование проведено в сентябре 1975 г. в плане работ Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в связи с подготовкой свода памятников культуры СССР. Вопросы монументальной живописи в связи с рассматриваемой

проблемой разработаны В. М. Ковалевой.

² Сходное, но не изученное явление обнаружено в Киеве. См.: Мовчан І. І. Археологічні дослідження на Видубичах. — В кн.: Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 100—102.

- ³ Ниже 1,7 м от пола ясно видно более позднее приштробление к восточной части. Незначительная высота приштробления исключает возможность существования первоначального одноэтажного нартекса.
- ⁴ В Новгородской Софии «кирпичная» роспись по цементной затирке вместе с подлинной кирпичной декорацией обнаружена на апсидах и барабанах (*Штендер Г. М.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 202); в Никольском соборе — на подпружных арках юго-западного барабана (в интерьере); в Георгиевском соборе — на северном портале (снаружи). В самой ранней каменной культовой постройке на Руси — Десятинной церкви в Киеве — уже была полихромная роспись, изображающая кладку и растительный орнамент (*Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1961, II, с. 50, 54). Прием использовался и в последующих постройках (*Тоцкая И. Ф.* Наружные росписи Софии Киевской. — В кн.: София Киевская. Киев, 1973, с. 52). В Спас-Черниговском и Успенском соборе Киево-Печерской лавры отделка сохранилась в натуре и доступна для обозрения. Тот же прием применен в соборе Апостолов в Белгороде (*Асеев Ю. С.* Киевская София и древнерусское зодчество. — В кн.: Киевская София. Киев, 1973, с. 16), в постройках полоцкой школы (*Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1965, с. 193—218).
- ⁵ Нижняя часть окон более чем на $\frac{1}{3}$ высоты заложена поздней кирпичной кладкой.
- ⁶ Имеются следы в виде вертикальной вмятины в штукатурке на толщину доски.
- ⁷ Аналогичную картину можно видеть в обоих окнах диаконника, о чем нам сообщил Л. Е. Красноretchев.
- ⁸ Размеры плиньф главной части 34—35×22—23×5 и 8—9 см. Встречаются и «половинные», с тычками 15×5,5 см.
- ⁹ Три домонгольских храма Пскова — соборы Мирожского и Ивановского монастырей, церковь Дмитрия в Довмонтовом городе, судя по размеру кирпичей, также относятся к первой половине XII в.
- ¹⁰ Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина. — В кн.: Православный собеседник, 1853, с. 319, 320.
- ¹¹ *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества (новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде). — Вестник АН СССР, 1970, 9, с. 82, 83.
- ¹² *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961, I, с. 103.
- ¹³ *Алферова Г.* Собор Спасо-Мироожского монастыря. — Архитектурное наследство, 1958, 10, с. 5.
- ¹⁴ *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки на кирпичях XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове. — СА, 1971, 2, с. 272.
- ¹⁵ Когда речь идет о массовом типе одноглавого храма с четырьмя столбами и тремя апсидами, то не имеют в виду малые храмы раннего времени, отличавшиеся по функциям (надвратные, крещальни-баптистерии) или по пространственной структуре (бесстолпные или двустолпные храмы Переяславля южного, Чернигова и др.).
- ¹⁶ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, I, с. 103.
- ¹⁷ *Штендер Г. М.* Новгородское зодчество. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1968, с. 351.

ПУБЛИКАЦИИ

Е. А. ГОРЮНОВ

СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. У С. ПЕСЧАНОЕ
БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

До недавнего времени в археологической литературе господствовала версия об особой исторической ситуации, сложившейся в послегуннское время в пределах лесостепи к востоку от Днепра и определявшейся отсутствием прочной оседлости¹. Эта версия казалась убедительной прежде всего потому, что в лесостепном левобережье для V—VII вв. не были известны массовые памятники — поселения и связанные с ними могильники. В настоящее время их наличие здесь доказано. Однако памятники V—VII вв., хотя и обнаружены ныне в немалом числе, изучены пока далеко не достаточно. Главное же то, что в большинстве они остаются аморфными, поскольку известны лишь по материалам разведок, не всегда раскрывающим их отличительные черты и бесспорную связь с определенной культурой.

Существует мнение, которое поддерживал и автор этой статьи, что памятники V—VII вв. в лесостепном левобережье принадлежат двум основным группам: северной, выступающей в культурном единстве с синхронными древностями Верхнего Поднепровья, в первую очередь из числа аналогов городища Колочин I на Гомельщине, и южную, которая относится к пеньковской культуре². Это заключение, как выяснилось в ходе работ Днепровской левобережной экспедиции ЛОИА в 1971—1978 гг., нуждается в уточнении. Дело в том, что среди памятников V—VII вв., выявленных этой экспедицией на Суле и Псле, в верхнем их течении, имеются и такие, которые, судя по керамическому комплексу, не могут быть отнесены ни к одной из упомянутых групп. Скорее всего они представляют еще одну локальную группу, в которой следует видеть ответвление славянской культуры междуречья Днепра и Буга, именуемой в литературе корчакской.

К числу памятников с керамикой корчакского типа и относится поселение на правом берегу р. Псел, в 1 км к северу от с. Песчаное Ивнянского р-на Белгородской обл. Оно находится на первой террасе, возвышающейся над поймой р. Псел на 4—7 м. Терраса сложена из песка, поверхность ее неровная из-за длительных размывов и выветривания, в отдельных местах лишена почвенного покрова. В настоящее время она сплошь покрыта молодым сосновым лесом. Пойма, открывающаяся с террасы, изрезана старицами и имеет ширину до 0,5 км. Современное русло реки проходит у противоположного берега. В песчаных обнажениях, тянущихся по краю террасы, встречается измельченная лепная керамика, которая в общей массе принадлежит середине I тысячелетия н. э. Судя по находкам последней, поселение вытянуто вдоль террасы не менее чем на 0,5 км. Культурный слой толщиной 0,2—0,3 м сохранился лишь в северной части поселения. Он нарушен плантажной вспашкой и изрыт окопами времени Великой Отечественной войны. На остальной площади культурный слой размыв и выветрен, но прослеживается в местах жилищ.

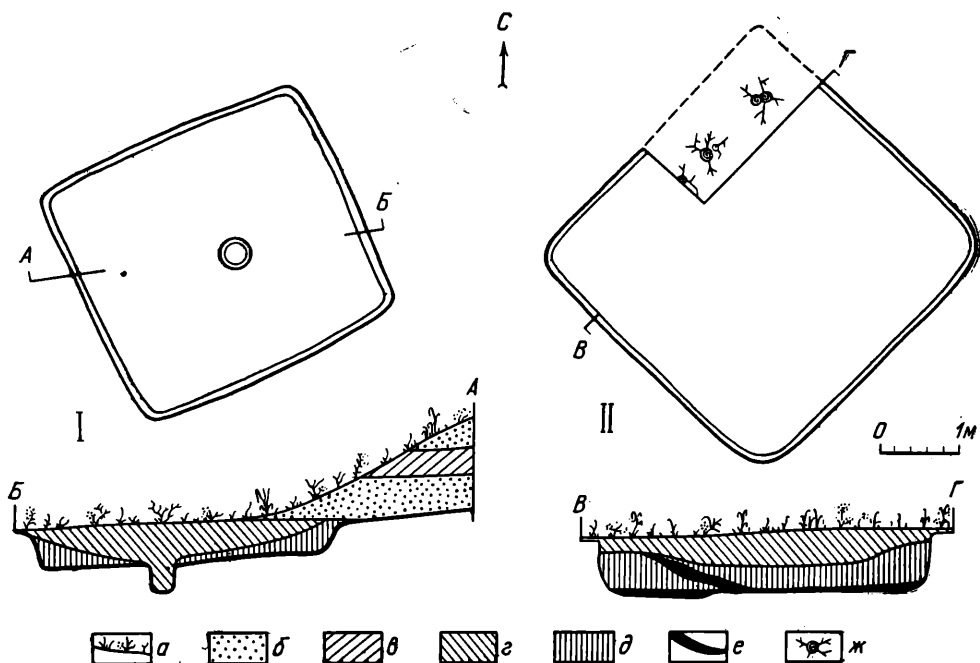

Рис. 1. Жилища поселения Песчаное

I — жилище 1; II — жилище 2

a — современная дневная поверхность; *b* — желтый песок; *e* — погребенная почва; *г* — гумусированный песок темно-серого цвета; *д* — серо-желтый песок; *e* — углистая прослойка; *ж* — деревья

Близ южной границы поселения в пределах небольших участков, свободных от деревьев, исследованы остатки двух полуземлячных жилищ, расстояние между которыми 33 м. Гумусированные пятна жилищ выступили после снятия тонкого (0,03—0,05 м) почвенного слоя. Пятно жилища 1 в западной своей части уходило под склон песчаного бугра естественного происхождения, который вытянут с юго-востока на северо-запад и достигает в длину 25 м, в ширину — 12 м при высоте около 1,5 м. Бугор имеет довольно крутые склоны с четко выделяющейся на фоне обнаженного песка темной полоской погребенной почвы. Толщина слоя погребенной почвы 0,3 м.

Жилище 1 в плане почти квадратной формы, ориентировано углами по сторонам света. Длина его материковых стенок 3,5 и 3,6 м, высота — 0,3—0,37 м. Пол жилища песчаный материковый, без следов подмазки глиной. В центральной его части прослежена округлая яма от опорного столба, поддерживавшего кровлю. Диаметр ее 0,4 м, глубина — 0,36 м. Следы открытого очага или печи не были выявлены (рис. 1, I). Заполнение жилища состояло в верхней части (на глубину 0,1—0,25 м) из гумусного слоя темного, почти черного цвета, в нижней — из желтого песка с серым оттенком. Находки связаны главным образом с гумусным слоем. В жилище найдено до 100 обломков грубой лепной керамики с примесью шамота и песка в тесте, неорнаментированной. В основной массе они принадлежат однотипным горшкам, имеющим пологое плечо, чуть намеченную шейку и короткий венчик, вертикальный или слегка отогнутый наружу (рис. 2, 3—7, 9—13). Размеры сосудов преимущественно средние. Диаметр венчиков колеблется от 11 до 22 см и лишь изредка достигает 28—30 см, диаметр дниц 8—14 см. Венчики, как правило, имеют горизонтально срезанный край. Днища плоские, с закраиной и без нее.

По профилировке верхней части, а также, видимо, и по пропорциям сосуды жилища 1 не отличаются от вариантов 2 и 3 керамики типа Корчак, выделенных И. П. Русановой³. К этому типу не принадлежат всего

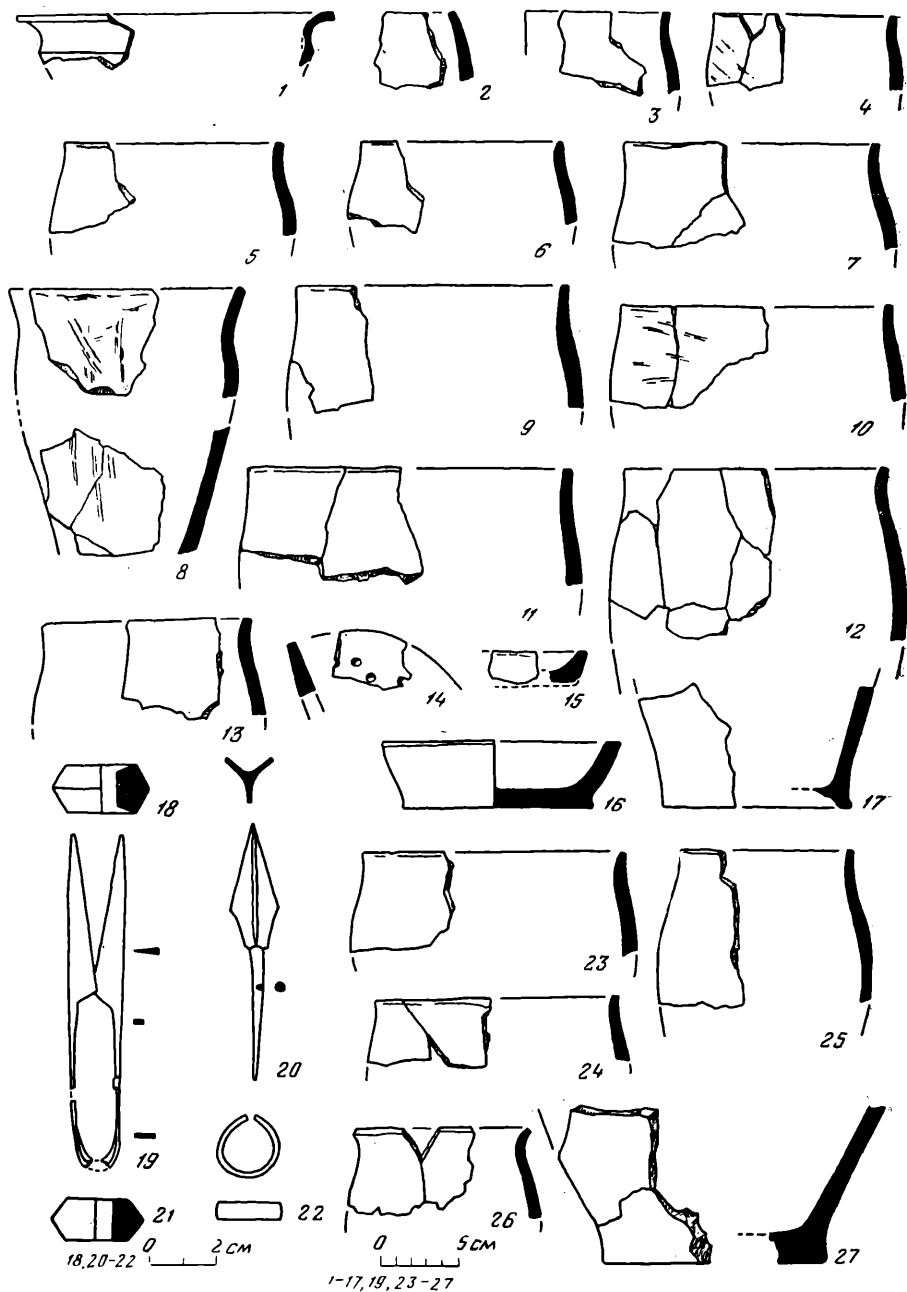

Рис. 2. Вещевой материал с поселения Печаное

1 — обломок гончарного сосуда черняховского типа; 2—17, 23—27 — лепная керамика; 18, 21 — глиняные пряслица; 19 — железные ножницы; 20 — железный наконечник стрелы; 22 — бронзовый перстень

1, 2, 14 — подъемный материал; 3—13, 15, 17, 20—22 — жилище 1; 18, 23—27 — жилище 2

два сосуда этого жилища: один — с высоким раскрытым горлом (рис. 2, 8), другой — баночной формы, с наибольшим расширением на середине высоты, а не в верхней части, как в остальных случаях. Кроме горшков, единичными фрагментами представлены сковородки с низким бортиком (рис. 2, 15). Из жилища происходит и один фрагмент гончарного сосуда черняховского типа с характерными щербинами на наружной поверхности, оставленными зернами примеси (песка) при формовке сосуда на круге. Наряду с посудой в жилище найдены железный трехлопастный наконечник стрелы длиной 7 см (рис. 2, 20), бронзовый пластинчатый

перстень (рис. 2, 22), а также два глиняных пряслица биконической формы.

Жилище 2 по форме, размерам и характеру заполнения почти не отличается от жилища 1. Оно в плане квадратное, ориентировано углами по сторонам света, длина стен около 4 м. Пол его песчаный материковый, прослежен на глубине 0,7—0,8 м от уровня современной дневной поверхности. Северный угол жилища не был вскрыт из-за деревьев, покрывавших его (рис. 1, II). Это жилище, в отличие от первого, не имело центрального столба. Следы открытого очага или печи отсутствовали.

Заполнение жилища в верхней части состояло из однородного гумусного темного слоя, толщина которого колебалась от 0,15 (возле стен) до 0,5 (в центральной части) м, в нижней — из серо-желтого песка с вкраплениями угольков. В серо-желтом песке прослеживалась углистая прослойка толщиной до 0,08 м, спускавшаяся от темного слоя к полу (рис. 1, II).

Керамика из жилища 2 (около 40 обломков) имеет тот же характер, что и обнаруженная в жилище 1 (рис. 2, 23—27). Она состоит в основном из обломков лепных горшков с пологим плечом и суженным горлом. Венчики в большинстве короткие, с чуть отогнутым наружу и утонченным краем. Диаметр их колеблется в пределах 10—20 см. Днища имеют с внутренней стороны более или менее плавный переход к стенкам. Толщина их примерно в два раза превышает толщину стенок. Как правило, они имеют закраину. Диаметр днищ составляет от 8 до 15 см. Гончарная керамика из жилища 2 — черняховского типа, она представлена всего двумя мелкими фрагментами. В жилище 2 найдены также два глиняных уплощенных пряслица и железные пружинные ножницы (рис. 2, 18, 19).

Обнаруженные на поселении жилища, несомненно, принадлежат одному времени. Совпадают их форма, ориентировка и размеры. Нет заметных отличий и в керамике, преимущественно лепной, типологически близкой к обычной для древностей корчакского типа в междуречье Днестра и Буга. Находки черняховской керамики не позволяют относить исследованные жилища, равно как и поселение в целом, ко времени более позднему, чем V в., с которым связывается гибель черняховской культуры⁴. Наиболее приемлемой датой поселения у с. Песчаное, видимо, следует считать V в. Именно для этого времени характерны трехлопастные наконечники стрел типа найденного в жилище 1⁵. В рамках V—начала VI в. определяет И. П. Русанова хронологию ранних вариантов керамики типа Корчак⁶.

Несомненно, что Песчаное — не единственное поселение корчакского или близкого к нему типа в лесостепном левобережье. На основании керамики с большей или меньшей долей вероятности к тому же кругу можно отнести поселения Шмырево и Картамышево на верхнем Псле, поселение на юго-восточной окраине с. Большие Будки на р. Терн, притоке Сулы⁷, и др. Намечающийся пласт древностей нуждается в самом серьезном изучении для уточнения и конкретизации исторического процесса, проходившего в Поднепровье в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.

¹ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, 104, с. 181—187; Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 60, 61.

² Горюнов Е. А. Некоторые вопросы истории днепровского лесостепного левобережья в V—начале VIII в. — СА, 1973, 4, с. 99—112; *Он же*. Памятники пеньковского типа в левобережном Поднепровье. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Те-

зисы конференции. Киев, 1975, III, с. 60, 61.

³ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днестром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25, с. 10—12, рис. 2; *Она же*. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 16—20, рис. 19.

⁴ Шукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура. — АСГЭ, 1977, 18, с. 86, рис. 5.

⁵ Чеботаренко Г. Б. К вопросу о классификации средневековых молдавских

наконечников стрел. — В кн.: Материали з археології Північного Причорномор'я. Одеса, 1959, III, с. 144; *Ianșová Libuše. Hradiště nad Závistí v období pozdně římském a v době stěhování národů.* — PA, 1971, LXII, 1, s. 173, obr. 22, 3; *Werner I. Beiträge*

zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, S. 49, Taf. 53, 3.

⁶ *Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. ...*, с. 27, 28.

⁷ Материалы разведок Днепровской левобережной экспедиции ЛОИА 1972 и 1978 гг. Керамика хранится в ЛОИА.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ДВА ГОРОДИЩА XI—XIII ВВ. НА Р. РОМЕН В ПОСУЛЬЕ

Вдоль течения р. Ромен (правый приток верхней Сулы) насчитывается семь древнерусских городищ, составлявших в XII—XIII вв. цепочку укреплений вдоль восточной границы черниговского Задесенья¹. Городища давно известны по отрывочным упоминаниям в литературе, но археологическое исследование их только начинается².

Спецификой рельефа берегов Ромена является его слабая расчлененность, незначительные перепады высот от поймы до водораздела и сильная заболоченность долины. Это обусловило высокий процент городищ, относимых к типу круглых болотных.

Закончено предварительное изучение еще двух подобных укреплений. Оба городища располагаются на незначительных по высоте всхолмлениях среди правобережной поймы, вдали от коренного берега. Совсем недавно на укреплениях сохранялись мощные валы, ныне распаханые. Среди местного населения памятники именуются «городками» (второе из них имеет дополнительно название «тарелка»).

Торговицкое городище. Волость Торговица в 1450 г. была закреплена королевской грамотой за Немирой Резановичем³. Заселена она была, видимо, при короле Александре (1492—1506 гг.)⁴, а с начала XVII и в XVIII в. один из ее населенных пунктов упоминается в источниках как «городище Пустая Торговица» в «пустой степи Торговице»⁵.

Конкретные данные о Торговицком городище, расположенном у с. Шевченково (б. Гиревка), появились в связи с публикацией материалов Центрального статистического комитета 1873 г.⁶ Первое описание, глазомерный план и упоминание о датирующих находках опубликованы В. Г. Лясковским в 1901 г.⁷ В 1961 г. И. И. Ляпушкин провел первый анализ сведений о городище⁸. Через десять лет памятник обследовали М. П. Кучера и О. В. Сухобоков⁹, а затем автор настоящей публикации¹⁰.

Ручей Торговица (правый приток р. Ромен) имеет заболоченную пойму шириной до 1,5 км. В 2 км от с. Шевченково по дороге в хут. Сарановка от невысокого и пологого правого берега ручья в пойму выступает длинный мыс первой надпойменной террасы, заселенный в XI—XIII вв. Размеры мыса 300 (запад—восток) × 200 м, высота над уровнем осушенного болота 0,5—1,0 м.

На северо-западной оконечности мыса, в 200 м от коренного берега, устроено городище. Площадка имеет форму вытянутого овала, размерами 190 (юго-запад—северо-восток) × 140 м, площадь ее 2,1 га, высота над уровнем поймы — 1—1,2 м. Поверхность городища до недавнего времени распахивалась, восточная треть площадки заметно понижена. Кольцевидный вал в конце XIX в. имел высоту (от дна рва) до 6 м¹¹, около 20 лет назад он был сnivelирован: остался небольшой отрезок вала в северной части, где его высота 2 м от уровня площадки, ширина основания 18 м (рис. 1).

Древний ров приспособлен для дренажа заболоченной поймы и периодически обновляется. В нынешнем виде он имеет треугольное сечение

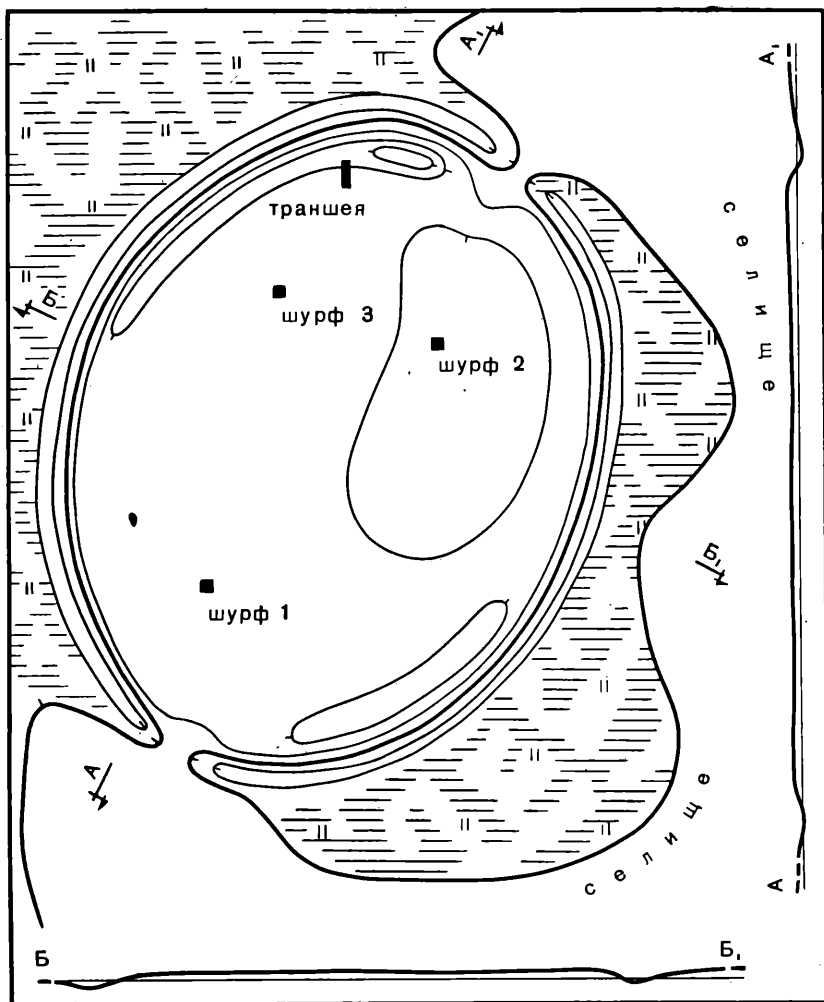

Рис. 1. План Торговицкого городища

(ширина 8—10 м) и заполнен водой. Вал и ров на севере и юге прерываются; в качестве древнего въезда наиболее вероятен южный проход с приподнятой тропинкой к селищу.

Распаханная поверхность западной части площадки обильно насыщена керамикой XI—первой половины XIII в. В конце XIX в. здесь находили «шиферные пряслица, большие и малые, синего и красного цветов»¹², а в 1972 г. найден узколезвийный боевой топорик весом 50 г, длиной 8,5 см, шириной лезвия 3,2 см. Ближайшие аналогии (тип III по А. Н. Кирпичникову) относятся к X—XII вв.¹³, но в данном случае особенности конструкции обуха и отсутствие в культурном слое ранней керамики суживают датировку до XI—XII вв. (рис. 2, 3).

Два шурфа (1 и 3; 2×2 м), заложенные в западной части площадки, вскрыли культурный слой мощностью 1,2 м, обильно насыщенный фрагментами стенок сосудов. В южной части площадки (шурф 1) в распаханном слое найдены медный топорик-амулет с циркульным орнаментом (рис. 2, 4), датированный по ближайшей аналогии с Княжей Горы XI—XII вв.¹⁴, и обломок другого такого же амулета. Ниже распаханного слоя прослежены остатки интенсивного пожара конца XII—первой половины XIII в. В шурфе 3 верхняя часть культурного слоя (темно-коричневая и черная супесь) переотложена поздним сооружением, но ниже отметки —50 см стратиграфия также не нарушена. Здесь найдены ши-

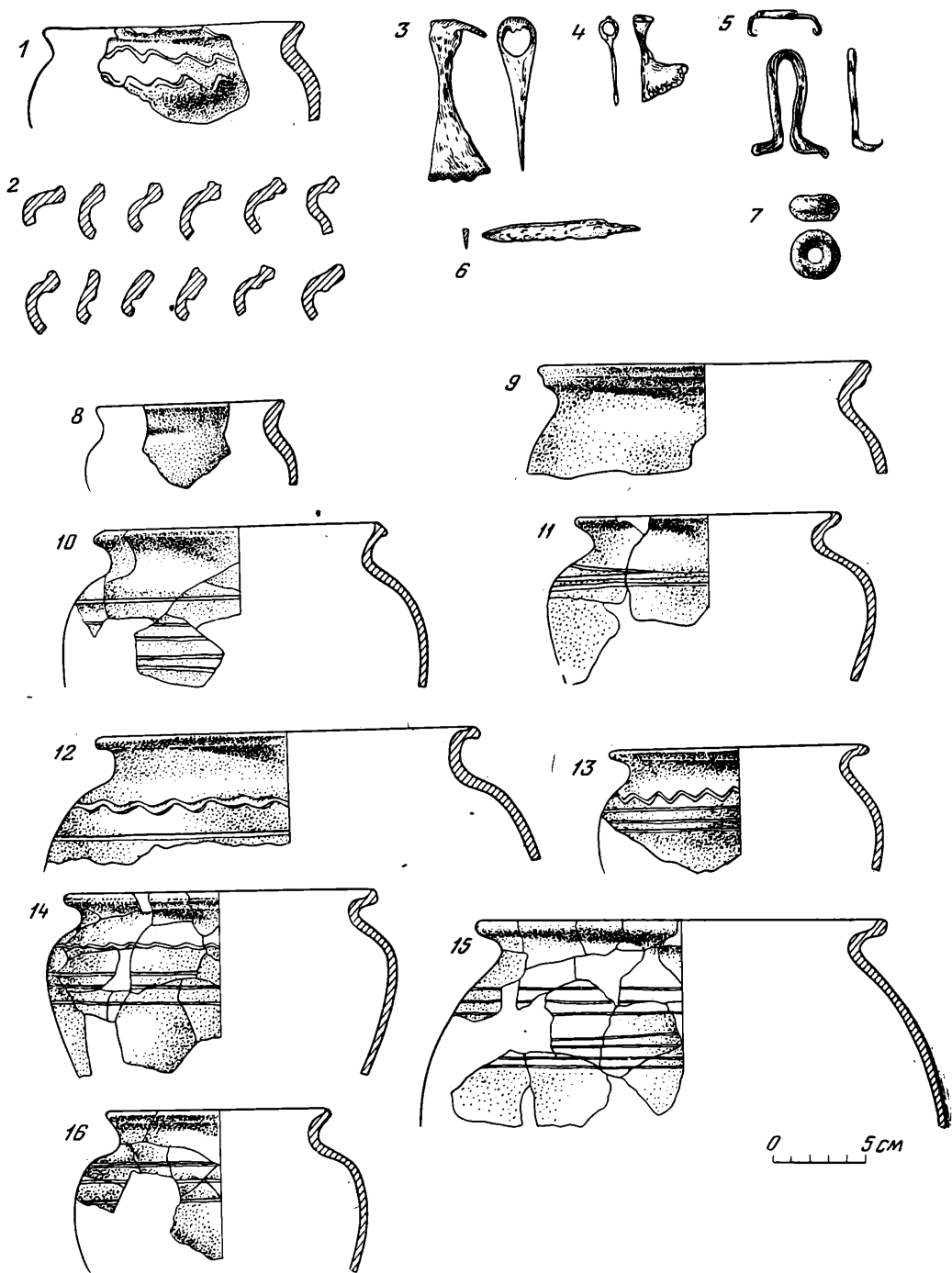

Рис. 2. Вещные находки и керамика

1—7 — Торговица; 8—16 — Грицевка

ферное пряслице, железная скоба, астрагал, железные и стекловидные шлаки.

Еще один шурф (на плане шурф 2) заложен в восточной, пониженной трети площадки. Слой здесь беден керамикой, мощность всего 0,5 м.

Керамика стратиграфически и по формам делится на три типа (рис. 2). Первый характеризуется резким изгибом венчика наружу и валикообразным утолщением на внешней стороне его края. Тесто рыхлое, с примесью крупных зерен кварцевого песка; черепок толстый, иногда

неравномерного обжига. Керамика первого типа залегает в нижней части культурного слоя, ее немного, и датируется она XI в.¹⁵ Выше залегает керамика второго типа, относящаяся к первой половине XII в.¹⁶ Она отличается более плавным изгибом шейки, наружное утолщение края венчика уменьшается. Черепок тонкий, звонкий, хорошо обожжен. Количественно этот тип преобладает. Керамика третьего типа представлена сильно измельченными распашкой тонкостенными венчиками хорошего обжига. Шейка сосудов значительно длиннее, иногда почти вертикальна; венчик отогнут плавно, наружное утолщение отсутствует; край тонкий и скошен внутрь, образуя валик и желобок. Керамика третьего типа на Посулье датируется второй половиной XII—первой половиной XIII в.¹⁷

В северной части площадки на внутреннем склоне вала заложена траншея 1×6 м. Профилировка разреза (рис. 3) показывает, что вал сооружен в два приема из двух слоев грунта. Нижний слой — черноземовидный суглинок с примесью мелких комьев глины — имеет в пределах траншеи толщину 0,8 м. Верхний — сложен из чернозема с включением извести, толщина его 0,9 м. Между ними есть нивелирующая прослойка чистого утрамбованного чернозема, а по гребню вала отмечен слой чернозема с большим количеством угля — след пожара. Тонкая лента обожженной глины (строительного мусора?) примыкает со стороны площадки к валу и стратиграфически расчленяет культурный слой на два пласта.

Нижний массивный слой насыпи вала уложен на материк. Древнерусская керамика в нем не обнаружена, найдено два фрагмента стенок сосудов эпохи бронзы. Прилегающий к этой основе вала культурный слой (нижний пласт) образовался после насыпки первого вала, в нем найдена керамика первого и второго типов, а также железный нож.

Верхний массивный слой насыпи (второй строительный период сооружения укреплений) содержал фрагменты круговых стенок и небольшой обломок венчика второй половины XII—первой половины XIII в. В верхнем пласте прилегающего культурного слоя найдена керамика третьего типа, т. е. усиление вала произошло в тот период, когда часть этой, пока нерасчлененной хронологически керамики уже попала в культурный слой.

Время возведения основы вала определяется керамикой первого типа, но поскольку венчиков первого типа в культурном слое городища относительно немного, вероятно, нижней датой существования городища следует считать вторую половину—конец XI в.

Городище у с. Грицевка. Впервые памятник упомянут в сведениях, собранных корреспондентами Филарета¹⁸, о результатах раскопок вала известно из сочинения коллекционера Т. В. Кибальчича¹⁹. Перед XI археологическим съездом памятник обследован В. Г. Ляскоронским²⁰. В 1902 г. А. М. Лазаревский опубликовал описание городища, сделанное местным жителем²¹. И. И. Ляпушкину принадлежит первый анализ всех сведений об остатках укрепления²². В 1971 г. городище обследовано М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым²³, а в 1972 и 1979 гг. — автором настоящей статьи²⁴.

В 0,6 км к северу от восточной окраины с. Грицевка в правобережную пойму р. Ромен выступает мыс первой надпойменной террасы (рис. 4). Высота мыса над заболоченной поймой 1—2,5 м, форма в плане прямоугольная, размеры 600 (север—юг)×400 м. Северо-восточный угол мыса отрезан дренажным рвом. Ров проведен от русла реки по пойме к заболоченному заливу, который ограничивает мыс с востока. Поверхность мыса распаивается.

Мыс был заселен с эпохи бронзы. Среди подъемного материала встречена также керамика скифского времени. Древнерусский период жизни на поселении представлен керамикой XI—XIII вв. и шиферными пряслицами.

Шурфовка выявила культурный слой мощностью 0,4 м слабой насыщенности. При зачистке обреза южного берега дренажного рва обнаружено скопление керамики XI—первой половины XIII в., перекрытое выбросом из русла рва (рис. 2, 8, 9). При зачистке северного берега

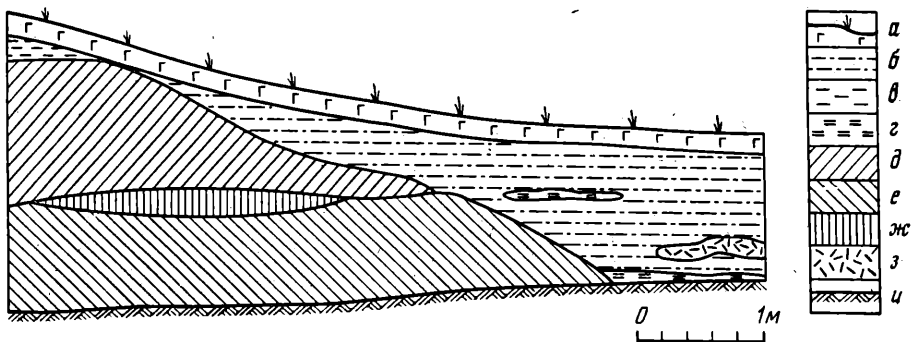

Рис. 3. Разрез вала на городище Торговица

а — дерн; б — темно-коричневая черноземовидная супесь; в — чернозем с углем; г — обожженная глина; д — чернозем с вкраплением извести; е — черноземовидный суглинок; ж — трамбованный чернозем; з — чернозем с включением глины, угля, печины; и — материк

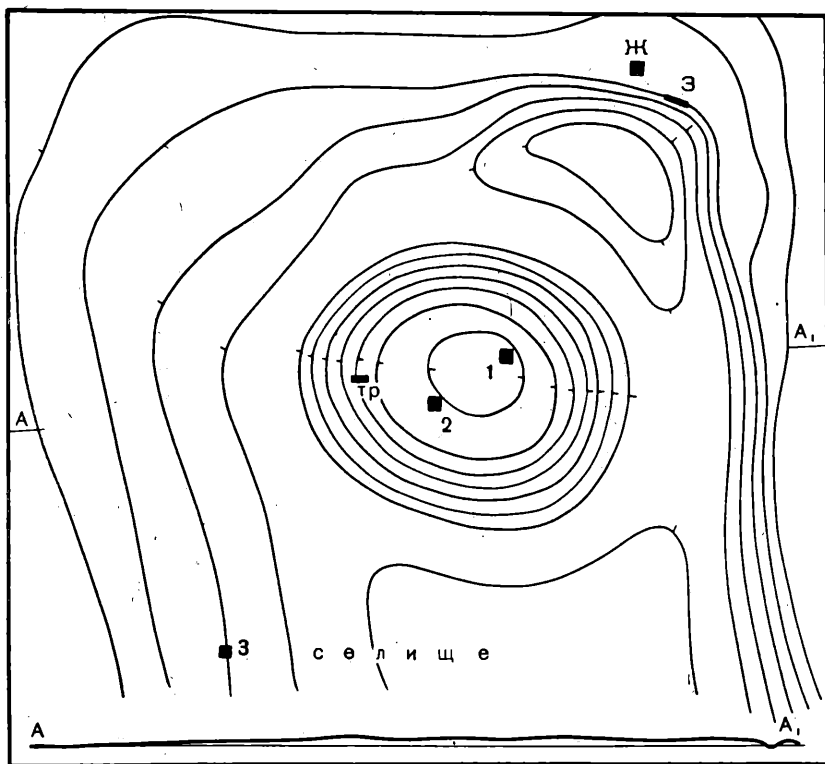

Рис. 4. План городища у с. Гричевка

зафиксирован профиль остатков древнерусского жилища, частично уничтоженного рвом.

Жилище полуземляночного типа имело прямоугольную форму. Длина одной из сторон 3,4 м. Ориентировано оно по оси северо-запад—юго-восток. Котлован опущен в материк на глубину 0,2—0,4 м, стенки покаты к дну. Дно ровное горизонтальное, на его поверхности и в ямах встречен уголь от сгоревших конструкций. Расчищены две ямы (глубина 0,6 и 0,7 м от уровня пола) и остатки полусферической глинобитной печи, примыкавшей к северному углу жилища. Наружный диаметр печи 1,1 м, внутренний — 0,96 м, свод срезан распашкой. Сохранившееся основание поднимается над полом на высоту 0,3 м. Оно состоит из двух перекрывающих друг друга слоев пода. В поверхность каждого пода вмазана

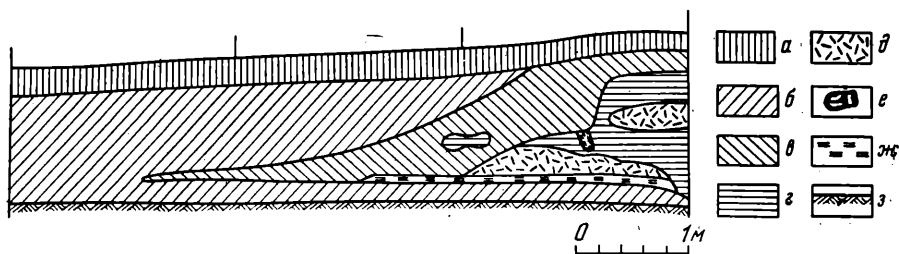

Рис. 5. Разрез вала на городище у с. Грицевка

а — перепаханный слой; б — чернозем; в — суглинок с включением комьев желтой глины; г — глина; д — суглинок с углем и комьями глины; е — уголь; ж — обожженная глина; з — материк

линзообразная вымостка из битой керамики толщиной от 3 (по краям) до 6 (в центре) см.

Керамика из заполнения жилища датируется временем от рубежа XI—XII вв. до первой половины XIII в. (рис. 2, 10—13). Наиболее ранняя измельчена, вероятно, она попала в жилище из окружающего культурного слоя. Реставрация керамики из подов печи показала, что обе вымостки одновременны. Из обломков склеены верхние части пяти сосудов и нижние придонные — четырех. Эта керамика (рис. 2, 14—16) датирует жилище первой половиной—серединой XII в.

Городище размещается на северной половине мыса. Площадка овальной в плане формы защищена остатками кольцевого вала и заплывшего рва. Распаханный 15—20 лет назад вал сейчас поднимается над уровнем площадки не более чем на 1 м. По его гребню отмечены следы угля и остатки глинистых субструкций. Еще сильнее снивелирован ров: его размеры, как и расположение древнего въезда, определить невозможно²⁵. Все это создает трудности при установлении размеров площадки, которая также распахивается и равномерно понижается к центру. Поэтому замеры сделаны по основанию вала, прослеженному в траншее: размеры площадки городища составляли 95 (запад—восток) × 75 м, площадь ее достигала 0,7 га.

Шурфовка выявила культурный слой мощностью 0,5—0,6 м, слабой насыщенности. Верхняя часть слоя аморфна и переотложена. Вероятно, это сброс с гребня вала, образовавшийся при распашке. В нижней части культурного слоя керамики очень мало.

Траншея (1 × 6 м) заложена на внутреннем склоне вала в западной части укрепления. Выяснено, что вал насыпан на культурном слое XI в. Первоначальная основа вала сооружена на тонкой (3—4 см) прослойке обожженной глины из серого суглинка с включением комьев желтой глины. Наибольшая толщина этого слоя 0,3 м. Ближе к современному гребню прослеживается край наиболее древнего рва (рис. 5). На втором этапе строительства вала ров был засыпан, и сверху уложена массивная подушка из плотной глины. Очень крутой внутренний склон подушки укреплен наклонным столбом диаметром 15 см. Формирование вала закончилось насыпкой мощного массива из чернозема с глиной, перекрывающего всю предыдущую конструкцию. Верхняя часть этого массива срезана распашкой. Керамики в траншее встречено очень мало. Ее анализ показывает, что основа вала возведена на селище не ранее середины XII в.

¹ Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 78—80.

² Моргунов Ю. Ю. Три древнерусских городища Верхнего Посулья. — КСИИ, 1977, 150, с. 74—79.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846, I, № 54, с. 68; Филарет. Исто-

рико-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874, кн. 6, с. 398.

⁴ Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Киев, 1902, III, с. 1.

⁵ Акты Московского государства. СПб., 1890, I, № 163, с. 186 (1623 г.); Переписка между Россией и Польшей по 1700 г. — ЧОИДР, 1862, 4, с. 88 (1637 г.); Дворцовые разряды. СПб.,

- 1851, II, с. 899 (1638 г.); *Ляскоронский В. Г.* Г. Л. де Бошлан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901, карта левобережной Украины (вторая четверть XVII в.); *Літопис Самовидця*. Київ, 1971, с. 80 (последняя четверть XVII в.); *Rirri Zannoni. Carte de la Pologne*, p. 16; *Carta granic Polckі у Russyi* (1772 г.). Центральная научная библиотека АН УССР, № С-3707.
- ⁶ *Уварова П. С.* Выборки из дел Черниговского статистического комитета, исторического общества Нестора-летописца и архива П. С. Уваровой. Городища и курганы. — Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. М., 1906, I, с. 78, 79; *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, с. 116.
- ⁷ *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевы) валы в бассейне р. Сулы. — Труды XI АС. М., 1901, I, с. 408, 409.
- ⁸ *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, 104, с. 326 (№ 289).
- ⁹ *Кучера М. П., Сухобоков О. В.* Звіт про роботу Лівобережного розвідзону ІА АН УРСР за 1971 р. — Архив ІА АН УССР, фонд експедицій, № 5994.
- ¹⁰ *Моргунов Ю. Ю.* Разведки на Сумщине. — АО 1972 г. М., 1973, с. 316.
- ¹¹ *Ляскоронский В. Г.* Городища..., с. 408.
- ¹² Там же, с. 409.
- ¹³ *Кирличников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 35, 36.
- ¹⁴ *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. — СА, 1961, 4, с. 92, 93; *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности Приднепровья. Киев, 1902, V, табл. XVII, 363, 364.
- ¹⁵ *Раппопорт П. А.* Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. — КСИИМК, 1954, 54, с. 185; *Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966, с. 82; *Кучера М. П.* Давньоруські городища в західній частині Переяславщини. — Археологія, 1978, 25, с. 25.
- ¹⁶ *Раппопорт П. А.* Археологические заметки...; *Пескова А. А.* Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле. — КСИА, 1958, 155, с. 89.
- ¹⁷ *Кучера М. П.* Давньоруське городище в х. Миклашевському. — Археологія, 1962, XIV, с. 105; *Он же.* Давньоруські городища біля хутора Кизивер. — Археологія, 1964, XVI, с. 114; *Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Давньоруське місто..., с. 82.
- ¹⁸ *Филарет.* Историко-статистическое описание..., с. 383.
- ¹⁹ *Кибальчич Т. В.* Древности (указатель к археологическим находкам 1875—76 гг.). Киев, 1876, с. 10, 11; Дело АК по предложению Т. Кибальчича приобрести у него несколько древних классических предметов. Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, № 229, л. 8.
- ²⁰ *Ляскоронский В. Г.* Городища..., с. 406, 407.
- ²¹ *Лазаревский А. М.* Описание..., с. 242.
- ²² *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье..., с. 329 (№ 295).
- ²³ *Кучера М. П., Сухобоков О. В.* Звіт про роботу..., с. 40, 41.
- ²⁴ *Моргунов Ю. Ю.* Разведки..., с. 316.
- ²⁵ В конце XIX в. ширина рва достигала 8 м, а везды были хорошо заметны в северной и южной частях (*Ляскоронский В. Г.* Городища..., с. 408). Слабые признаки вездов прослежены в тех же местах М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым в 1971 г. (*Кучера М. П., Сухобоков О. В.* Звіт про роботу..., с. 40).

В. П. ПЕТРЕНКО

ГОРОДИЩЕ НА РЕКЕ ЛАВЕ

Еще в начале XIX в., путешествуя по северо-западу России, известный исследователь славянских древностей Зориан Доленга-Ходаковский по дороге из Петербурга в Новую Ладогу обратил внимание на небольшую деревню под названием Городище, расположенную рядом со знаменитыми Путиловскими карьерами. Подобные названия интересовали ученого в связи с составлением словаря «славянских географических названий»¹. Спустя почти 60 лет указанный пункт посетил Н. Е. Бранденбург, отметив здесь остатки земляных укреплений.

В 1971 г. среднее течение Лавы обследовала экспедиция Староладожского музея. По ряду признаков городище (местное название «городок») было отнесено к древнерусскому времени². В 1976 г. на «городке» проведены разведочные раскопки. Удалось прорезать вал, а на площадке заложить раскопы площадью 16 кв. м (рис. 1, I)³.

Памятник занимает высокий правобережный мыс, образованный петлей Лавы, неподалеку от «глинта» — обрыва плато, тянущегося вдоль

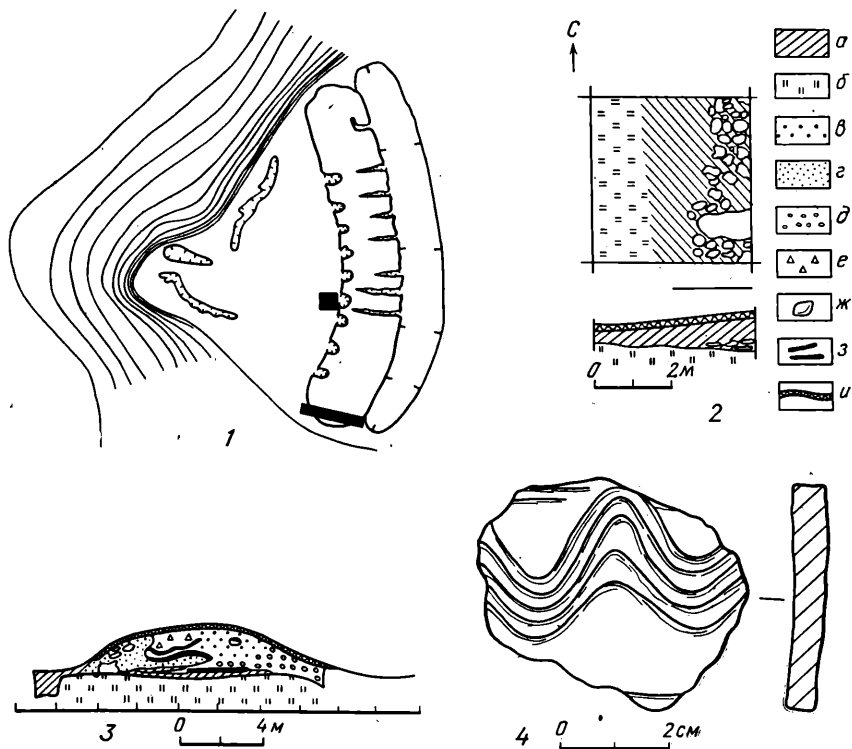

Рис. 1. Городище на р. Лава

1 — план городища (глазомерная съемка); 2 — разведочный раскоп на площадке городища (план, разрез); 3 — разрез вала; 4 — фрагмент гончарной керамики из насыпи вала
 а — гумус; б — материк; в — перекоп; г — песок; д — глина; е — прокаленная глина; ж — камни; з — обугленное дерево; и — дерн

южного берега Ладожского озера. С запада, юга и севера площадка городища защищена обрывистыми берегами высотой 15—20 м. С напольной стороны подступы прикрывают подковообразный, хорошо сохранившийся вал и заплывший ров шириной около 10 м. Высота вала, имеющего крутые склоны, достигает местами более 4 м при ширине 12—17 м.

Треугольная в плане площадка размерами 56×66 м хорошо задернована, лишь в северо-западной части заметно несколько заплывших траншей военного времени. Мощность культурного слоя, однородного светло-серого гумуса, составляет у края берега 0,3 м, а близ подножия вала — 1 м. В культурном слое на площадке собраны мелкие фрагменты стенок гончарных неорнаментированных сосудов, а также несколько металлических шариков — картечь. В пределах разведочного раскопа прослежена вымостка из плит, уложенных в один-два яруса, край которой ориентирован по линии север—юг, т. е. параллельно краю вала. Ширина вымостки, сооруженной непосредственно на материке (светло-коричневый суглинок), достигает 1 м (рис. 1, 2).

Вал был прорезан близ южного края траншеей шириной 2 м и длиной 14 м. Стратиграфия объекта свидетельствует по меньшей мере о двух этапах в строительстве этого сооружения. На первом этапе ширина насыпи, сложенной из желтого песка с включением плит и валунов, составляла около половины ширины вала в законченном виде при высоте до 1,2—1,4 м. На вершине сооружения, видимо, находились деревянные укрепления, остатки которых в виде отпечатков сторевших бревен и пятен прокаленной глины прослежены в разрезе вала. Характер деревянных укреплений установить не удалось, так как траншеей был прорезан окраинный, сильно оплывший участок вала и в плане зафиксированы лишь отдельные угольные пятна. Можно допустить и другое

объяснение: отпечатки обугленного дерева являются остатками каких-то внутривальных конструкций. На следующем этапе вал был досыпан с напольной стороны светло-коричневой глиной, а с внутренней — культурным слоем с площадки. Определить, какой хронологический период отделяет первый строительный этап от второго, не удалось. Мощность погребенной почвы в основании сооружения 0,1—0,15 м (рис. 1, 3). Среди единичных находок, обнаруженных при прорезке вала, отметим стеклянную продолговатую бусину желтого цвета и несколько фрагментов стенок гончарных сосудов. Реконструировать формы сосудов не удалось, однако, учитывая характер орнамента на некоторых фрагментах (многорядная, глубокая, резко ломаная волна), можно отметить присутствие в керамическом комплексе посуды, относящейся к XI—XII вв. (рис. 1, 4).

Полученные данные свидетельствуют, что поселение в районе д. Городище появилось не позднее XI—XII вв. Было ли оно изначально укрепленным, или незащищенное поселение укрепили позднее, сказать трудно. Судя по характеру оборонительных сооружений, вал был возведен в древнерусское время. Городище использовалось и позднее (керамика XVII—XVIII вв., картель и т. д.).

На позднем этапе существования рассматриваемый памятник можно связать с одной из лавуйских застав, известных по письменным источникам XVII—XVIII вв., — порубежных «острожков», расположенных вдоль границы Русского государства и шведских владений в южном Приладжье, которая, согласно Столбовскому договору, проходила «от устья Лавуи рекою Лавуей до раздвою реки... 12 верст, левой рукою Лавуею к Осиновому клочу»⁴.

Система застав, выдвинутых на опасных направлениях за десятки километров от Ладужской крепости, складывалась постепенно. Впервые подобный сторожевой пост — застава Пелгусия на Неве — упоминается под 1240 г. Возможно, необходимость организации такой заставы на дальних подступах к городу была подсказана событиями 1164 г., когда крупным силам шведов удалось внезапно появиться у стен Ладоги. Сторожевые посты находились также в устьях Волхова и Сяси, а после захвата шведами в начале XVII в. приневских земель появилась нужда в сторожевых постах на новом сухопутном рубеже. Тогда-то и были организованы лавуйские заставы.

О военном значении «острогов» на Лаве свидетельствуют различные документы XVII—XVIII вв. Согласно описям Ладоги 1665—1669 гг. на заставах несли постоянную караульную службу по 20 стрельцов и казаков под началом «заставного головы» из состава воинов ладожского гарнизона. Каждые две недели караулы менялись. Помимо стрельцов и казаков на одной из застав находились «пушкарей... у наряда по два человека». Иными словами, укрепление было снабжено также артиллерийским вооружением. В 1668 г. из «Лавуйского острожка» в арсенал ладожской крепости, помимо прочего военного снаряжения (в том числе и порченного), постуцили «три пушки медные в станках на колесах»⁵, возможно, оставшиеся на границе после русско-шведской войны 1656—1658 гг.⁶

Лавуйские заставы сохраняли свое значение вплоть до начала Северной войны. Им принадлежали также таможенные функции, о чем свидетельствуют многие документы XVII в.⁷

Через «Лавуйский острожек» в XVII в. проходила сухопутная дорога, которая вела с берегов Волхова в шведскую Ингрию (рис. 2). Тракт начинался в Ладоге⁸ и, минуя деревни Ахматова Гора, Кисельня, Пески и т. д., шел к Нотебургу (Орешку). Путь пролегал преимущественно близ края «глинта». В районе д. Городище сухопутная дорога пересекала Лаву, так как здесь находилось одно из немногих, начиная от края «глинта» и далее вверх по реке, мест, пригодных для переправы. То обстоятельство, что главная дорога из Ладоги в Нотебург (Орешек) пересекала Лаву не в низовье, как предполагал С. Н. Орлов⁹, а близ

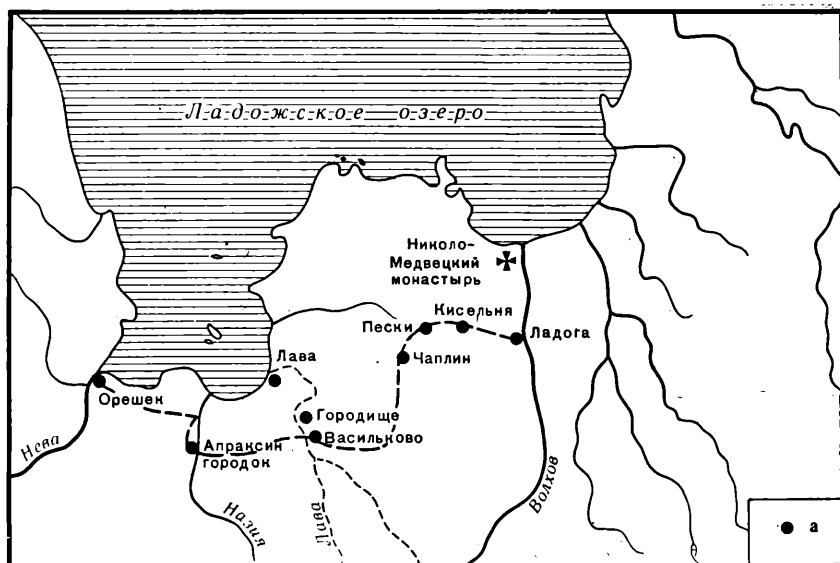

Рис. 2. Сухопутная дорога из Ладоги в Ингрию

а — поселения допетровского времени

д. Городище, подтверждают также письменные источники. Так, Б. П. Шереметьев, готовясь к военным действиям против шведов, сообщил Петру I из Новгорода в письме от 23 июня 1701 г.: «Я приехав сыскал таких людей, которые к Канцам знают две дороги: одна мимо Ладоги на село Васильково и к Шведскому рубежу и к Орешку, а другая на Ильинский погост к Канцам же, а Орешек будет в правую руку в двадцати верстах... На Ильинский погост дорога ближе, только сказывают, что худа и топка и лесна, а мимо Ладоги, далее да суше, и Шведским рубежом лучше»¹⁰. Село Васильково (ныне Васильево) находится рядом с д. Городище. Значит, вторая застава на Лаве, при основании которой были использованы укрепления древнего городища, контролировала главную сухопутную дорогу из Ладоги на рубеж. Помимо «Лавуйского острожка», письменные источники упоминают в этом районе еще один сторожевой пост — «Курыхановскую заставу»¹¹.

Документы XVII—начала XVIII в. свидетельствуют о весьма интенсивном использовании этой сухопутной дороги. Функционировал тракт и в XVI в., что на основе анализа новгородских изгонных и счетных книг, а также некоторых карт показал И. А. Голубцов¹². Несмотря на то что «ямская гоньба» по дороге к Орешку мимо Ладоги началась в 1585—1586 гг., сложение самого пути безусловно относится к более раннему времени. Появление у переправы через Лаву поселения в XI—XII вв., а также топография кладов XI—XII вв., расположенных вдоль упомянутой трассы¹³, дает основание отнести время сложения сухопутной дороги к периоду не позднее XI—XII вв. Трасса вела вдоль берегов Ладожского озера, Невы, Финского залива к границам современной территории Эстонской ССР (с ответвлением на Карельский перешеек) и дублировала водный путь из Ладоги в Балтийское море.

¹ Русский исторический сборник. М., 1838, III, 1, с. 133, 140.

² Кольчатов В. А., Лебедев Г. С., Петренко В. П. Разведки в Южном Приладожье. — АО 1971 г. М., 1972, с. 21, 22.

³ Петренко В. П., Смирнов В. Н., Кучер А. Л. Разведки и раскопки в Южном Приладожье. — АО 1976 г. М., 1977, с. 29, 30.

⁴ Лыжин Н. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857, с. 79, 80.

⁵ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896, с. 259, 260, 266.

⁶ Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1972, с. 49.

⁷ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. М.; Л., 1960, с. 115, 242, 243, 281.

- ⁸ На планах генерального межевания 1778 г. он назывался «прежде бывшая Староладожская дорога».
- ⁹ Орлов С. Н. Старая Ладога. Л., 1960, с. 66.
- ¹⁰ Письма государю императору Петру Великому от ... графа Бориса Петровича Шереметьева. М., 1778, I, с. 51—53.
- ¹¹ Н. И. Репников неверно называет укрепление в д. Городище «Апраксиным городком», связывая это название с деятельностью Ф. М. Апраксина (*Репников Н. И.* Памятники военной старины в низовьях р. Волхова. — В кн.: Записки разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества. Пг., 1914, III, с. 6). «Апраксин городок», представляющий остатки четырехугольных земляных укреплений, находится в другом месте, на берегу р. Назия. Это было одно из первых шведских укреплений, захваченных

в Приладожье русскими войсками под командованием ближнего окольного и воеводы Петра Матвеевича Апраксина в 1702 г. Некоторое время укрепления на Назии служили базой русских войск. См.: Журнал или подневная записка государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до Нейштадского мира. СПб., 1770, с. 38, 55, 56. Н. И. Репников приводит еще одно интересное свидетельство, согласно которому неподалеку от д. Городище существовала лесная «Карыгановская», или «Киргановская», дорога.

- ¹² Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Великого Новгорода в XVI—XVII вв. и отражения их на русской карте XVII в. — Вопросы географии, 1950, 20, с. 271 и сл.
- ¹³ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954, с. 101, 102, табл. XXVIII, карта 3.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

СЛАВЯНСКИЕ КУРГАНЫ У С. БОТВИНОВКА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Курганная группа у с. Ботвиновка Гомельской области расположена на юго-западной окраине села в 30 км к югу от г. Довск. Сохранилось 18 насыпей, большинство курганов распаханно, на поле видны следы разрушенных погребений. Насыпи имеют полусферическую форму высотой 1,5—3 м и диаметром от 6 до 12 м. Все погребения, кроме захоронения в кургане 8, совершены на горизонте, на пепельном слое. В основаниях насыпей имеются характерные для радимичей «огненные кольца».

Курган 1 (диаметр 12 м, высота 2,7 м) содержал два захоронения. На горизонте обнаружено погребение мужчины. Умерший лежал на спине головой на северо-восток, череп пробит острым предметом. При погребенном встречен богатый инвентарь (рис. 1, 3, 4, 8, 9; 2, 2, 5, 10). На поясе найдена лировидная пряжка, у левого бедра — нож, в ногах — железные обручи от ведра (диаметр 35 см). По сообщению местных жителей, такие деревянные ведерки до сих пор употребляют для хранения меда. На 70 см выше этого погребения в южной поле кургана находилось второе захоронение — женское. Умершая лежала на специально выровненной поверхности на спине головой на северо-восток. В области груди найдены массивная двускатно-пластинчатая гривна с заходящими концами и многогранником на них, ожерелье из пастовых и стеклянных бус и бисера, а также различных привесок — лунниц (11 экз.), петельчатых (15 экз.), биэллипсоидных (2 экз.), две малые подковообразные железные фибулы со спирально загнутыми концами. На пальцах рук находилось два проволочных перстня, а на запястьях — два пластинчатых браслета, у левой руки — нож с деревянной рукояткой, а у левого бедра — вероятно, сумочка, на месте которой сохранились сложенные вместе шиферное пряслице, бронзовый бубенчик грушевидной формы с крестовидной прорезью, гирька очень плохой сохранности и два человеческих зуба. В области таза обнаружена бронзовая пряжка с начертанными на ней знаками. В насыпи на уровне впускного погребения стоял горшок.

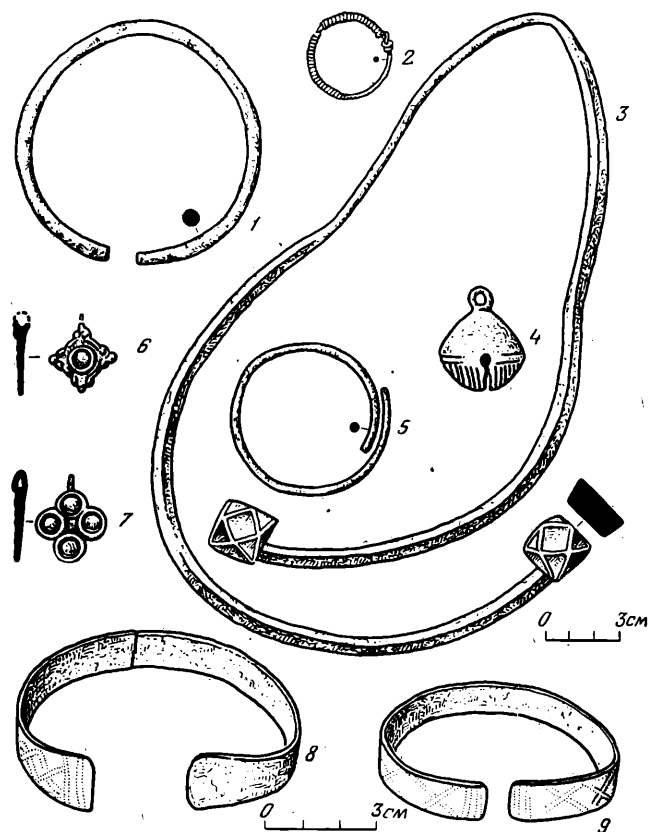

Рис. 1. Вещи из курганов у с. Ботвиновка

1 — курган 2; 2 — курган 15; 3, 4, 8, 9 — курган 1; 5 — курган 8; 6 — курган 18; 7 — курган 3

В кургане 2 (диаметр 9 м, высота 2,2 м) на горизонте сохранились следы деревянной камеры, слегка углубленной в материк, ориентированной по линии запад—восток. Ее размеры 2,65×2 м, высота 0,3 м. Вплотную к северной стенке камеры примыкала колода. Погребенная женщина обращена головой на запад. Найдены остатки ожерелья из бус и 29 лунниц, на правой руке — три бронзовых браслета: два проволочных с несомкнутыми концами (рис. 1, 1) и один пластинчатый очень плохой сохранности. В области таза находился проволочный перстень, перевитый другой, более тонкой проволокой, у головы — обломок семилучевого височного кольца, у левого бедра — нож.

В кургане 3 (диаметр 6,5 м, высота 1,5 м) сохранились остатки гробовища. Умершая обращена головой на запад. На висках найдены семилучевые височные кольца из биллона, на груди — ожерелье из бисера и привесок — лунниц (6 экз.), язычковых (6 экз.), петлистых (7 экз.), круглоконечных крестиков (4 экз.; рис. 1, 7).

Курган 4 (диаметр 9 м, высота 2,25 м) содержал погребение в гробовище (сохранились остатки крыши в виде древесного тлена, покрывавшего костяк). Умерший обращен головой на восток. В области таза найдены бронзовая лировидная пряжка (рис. 2, 8) и два поясных кольца, у правой ноги — обломок бронзовой подковообразной фибулы и нож, у левой ноги — второй нож. К северу от погребения на том же уровне обнаружен обломок дужки проволочного кольца, у головы — горшок.

Курган 5 (диаметр 6 м, высота 1,4 м) сильно разрушен. Умерший обращен головой на восток, вещей нет.

В кургане 7 (диаметр 8 м, высота 1 м) на горизонте обнаружены остатки домовины, сооруженной из досок и жердей и ориентированной

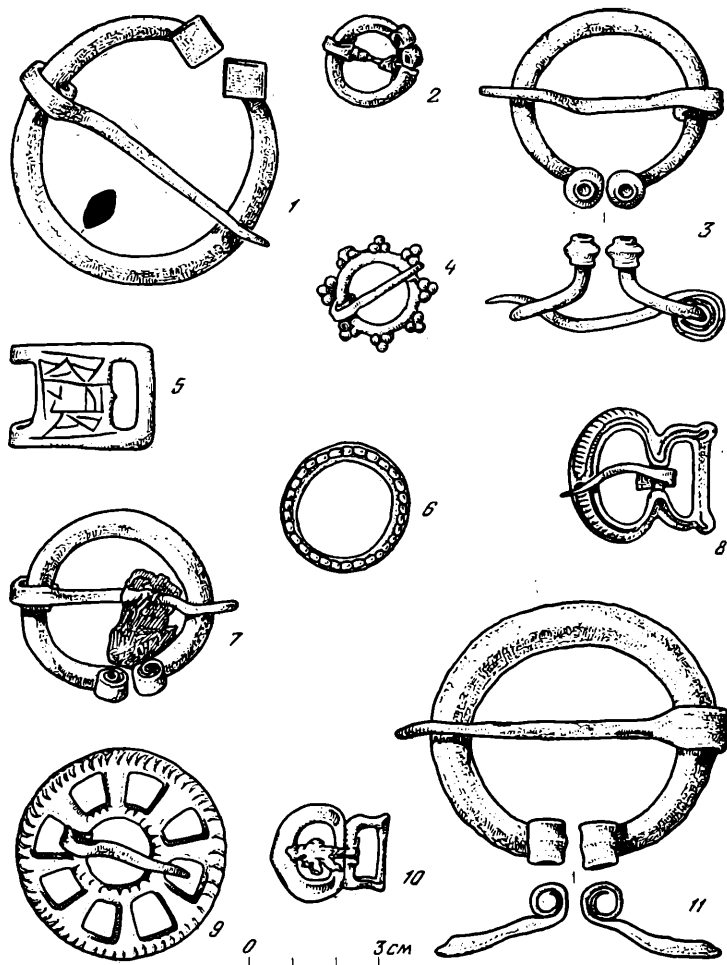

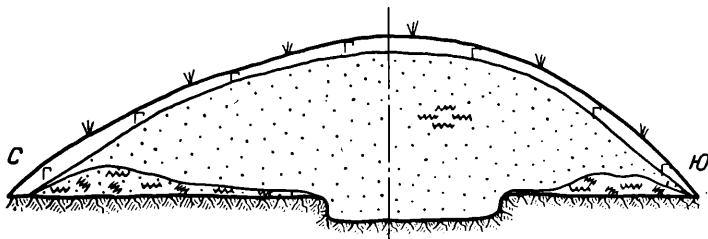
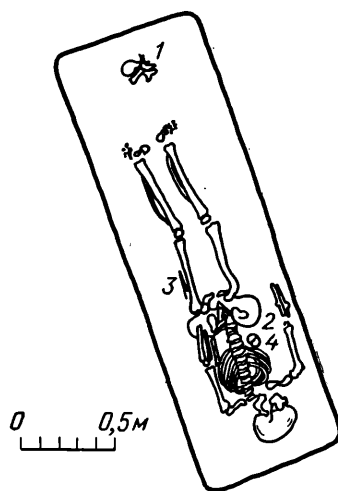
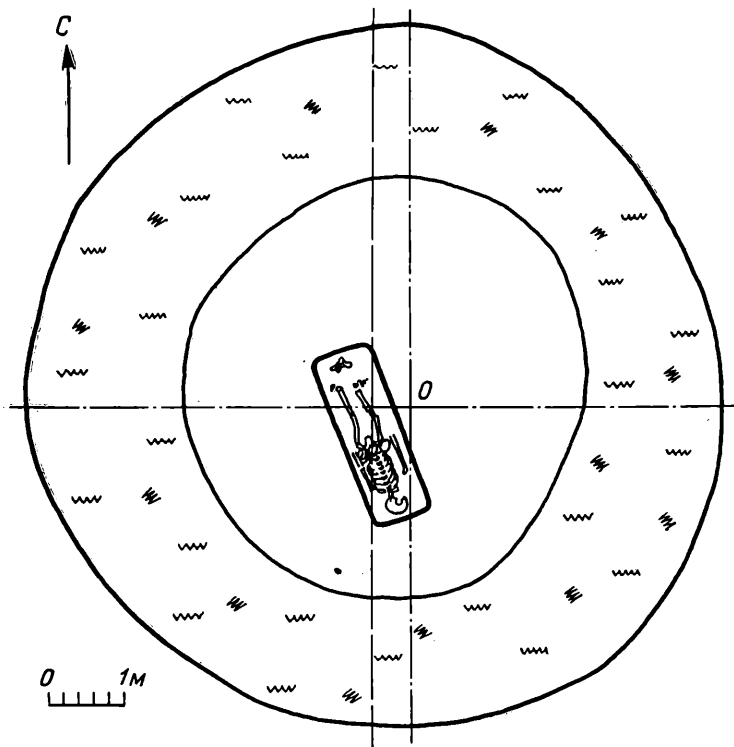
Рис. 2. Вещи из курганов у с. Ботвиновка

1, 6 — курган 13; 2, 5, 10 — курган 1; 3 — курган 11; 4, 9 — курган 15; 7 — курган 8; 8 — курган 4; 11 — курган 10

по линии запад—восток. Длина северной и южной сторон 3,1 м, западной и восточной — 1,6 м, высота 0,5 м. К северной стенке домовины примыкала колода с умершим, лежавшим головой на восток. На пальце правой руки обнаружен тонкий пластинчатый перстень (в обломках), на тазовых костях — два поясных кольца и между ними — бронзовая лировидная пряжка. И домовина, и колода несут следы горения, но на костях их нет. Видимо, сооружение было подожжено и затем засыпано.

В кургане 8 (диаметр 9 м, высота 2 м) на выжженном горизонте были четко видны следы могильной ямы, вырытой после того как костер уже прогорел и ориентированной по линии север—юг (рис. 3). Размеры ямы 2,4×0,8×0,3 м. Умерший лежал в колоде головой на юг с небольшим отклонением к востоку. На правой руке был проволоочный браслет с заходящими концами (рис. 1; 5), у левого бедра — нож, у левой руки — второй нож в кожаных ножнах с медными накладками и орнаментированной грубчатой рукоятью, с длинной бронзовой цепочкой из двойных восьмеркообразных проволоочных звеньев. В правой части груди найдена бронзовая подковообразная фибула со спирально загнутыми концами (рис. 2, 7), в ногах — кости коровы, перевязанные ремешком, от которого сохранилась обоймица из тонкой медной пластинки.

Курган 10 (диаметр 7 м, высота 1,4 м) разрушен вспашкой, южная и северная полы его срезаны. Умерший обращен головой на северо-вос-

Рис. 3. План и разрез кургана 8. Вещевые находки при скелете
 1 — бронзовая обойма; 2 — проволочный серебряный браслет; 3 — железный нож; 4 — бронзовая фибула; 5 — нож в бронзовых ножнах

ток. Найдены массивная бронзовая подковообразная фибула со спирально загнутыми концами (рис. 2, 11), лировидная пряжка, нож, железное поясное кольцо и обломки пластинчатого перстня. Все предметы находились слева от умершего.

Курган 11 (диаметр 13 м, высота 2,15 м) содержал парное погребение. Женщина обращена головой на восток. У правого виска лежало семилучевое височное кольцо, у левого плеча — звездчатая фибула, на груди — ожерелье из бус и привесок — лунниц (6 экз.), биэллипсоидных (4 экз.). Биэллипсоидные привески сделаны не как обычно — в виде креста, а в виде буквы Х. У правого бедра умершей лежал нож.

Мужчина был погребен к северу от женщины. Он лежал головой на восток. Между ног — бронзовая подковообразная фибула с маковидными головками (рис. 2, 3), на левой руке — бронзовый перстень, у левого бедра — нож.

В кургане 12 (диаметр 12 м, высота 1,9 м) открыто мужское погребение. Умерший обращен головой на восток. На поясе найдена бронзовая лировидная пряжка.

Курган 13 (диаметр 12,5 м, высота 2 м) содержал мужское погребение. Умерший обращен головой на восток. На поясе найдены ременные кольца (рис. 2, 6) и между ними — лировидная пряжка, у левого бока — нож. Между ног лежала бронзовая подковообразная фибула с воронковидными головками — в виде усеченной пирамиды основанием вверх (рис. 2, 1). Подобные фибулы встречаются только в мужских захоронениях.

В кургане 14 (диаметр 6 м, высота 0,5 м) открыто детское погребение (девочки). Умершая лежала головой на запад. Найдено ожерелье из стеклянных бус и привесок — петельчатых (2 экз.), двустворчатых бубенчиков (5 экз.).

Курган 15 (диаметр 7,5 м, высота 0,7 м) содержал женское захоронение. Умершая лежала в скорченном положении на левом боку головой на юго-запад. В области головы найдены семилучевое и проволочное височные кольца (рис. 1, 2), на левом плече — звездчатая фибула (рис. 2, 4), на правом — колесовидная (рис. 2, 9). В области груди находились три серебряных дирхема-подвески, датруемые началом X в., и пять серебряных брактеатов-подвесок, а также стеклянные бусы. У правого бока найдены поясное кольцо и шиферное пряслице, перед костяком — два бронзовых пластинчатых перстня.

Курган 16 распахан. Обнаружено захоронение мужчины, обращенного головой на запад. Найдены поясное кольцо и обломки гончарного сосуда.

Курган 18 также распахан. Сохранились остатки женского погребения. Умершая лежала головой на запад. Найдены подвески — гроздевидные (2 экз.; рис. 1, 6) и петельчатая.

В курганах 6, 9 и 17 погребения не сохранились.

Анализ погребального инвентаря позволяет датировать группу XI в. Подковообразные фибулы треугольного сечения со спирально изогнутыми концами и длинной изогнутой иглой датируются В. А. Мальм X—XI вв.¹ К тому же времени относится фибула с воронкообразными концами и ромбическим поперечным сечением, а также колесовидная фибула. Подковообразные фибулы с маковидными головками В. А. Мальм датирует XI в., звездчатые фибулы — XI—XII вв. Привески, найденные в ожерельях, имеют общую дату XI—XII вв. Находки вещей X—XI вв., дирхемов начала X в. и брактеатов, а также присутствие в насыпях пережитков обряда трупосожжения — «огненных колец» вокруг основания — позволяют датировать группу XI в.

Семилучевые височные кольца, двускатно-пластинчатая гривна с заходящими концами и многогранником на них, биэллипсоидные, язычковые, петлистые и гроздевидные привески позволяют отнести эти курганы к радимичам. Однако и в обряде, и в инвентаре имеется ряд осо-

бенностей, которые выделяют группу у с. Ботвиновка из других курганных могильников этого ареала.

Обращает на себя внимание довольно высокий процент погребений с восточной ориентировкой умершего. Головами на восток были обращены почти все мужчины (кроме двух), а в парных захоронениях — и женщины. Погребение, где умерший был ориентирован на юг (курган 8), по-видимому, принадлежало «чужаку». Такая ориентировка и обычай класть в ноги умершего часть туши животного не свойственны радимичам.

Необычно для радимичей и погребение в скорченном положении (курган 15). Вызывают интерес такие детали погребального ритуала, как погребения в колодах у северной стенки домовины. У радимичей известны и погребения в колодах, и погребения в домовинах, но такое сочетание встречается впервые.

Наряду с общеславянскими и типично радимичскими украшениями встречены предметы, имеющие ближайшие аналогии в Прибалтике: фибулы некоторых типов, ножи в кожаных ножнах, украшенных медью, и др. Вещи, свойственные только радимичам, находились в каждом женском захоронении, вещи прибалтийского круга — почти в каждом мужском погребении, причем почти все эти захоронения имели восточную ориентировку. Все это указывает на тесную связь с Западом (Литвой и Латвией). Несомненно, что курганы у с. Ботвиновка представляют особый интерес для изучения связей восточнославянских племен с их западными прибалтийскими соседями.

¹ *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 149—190.

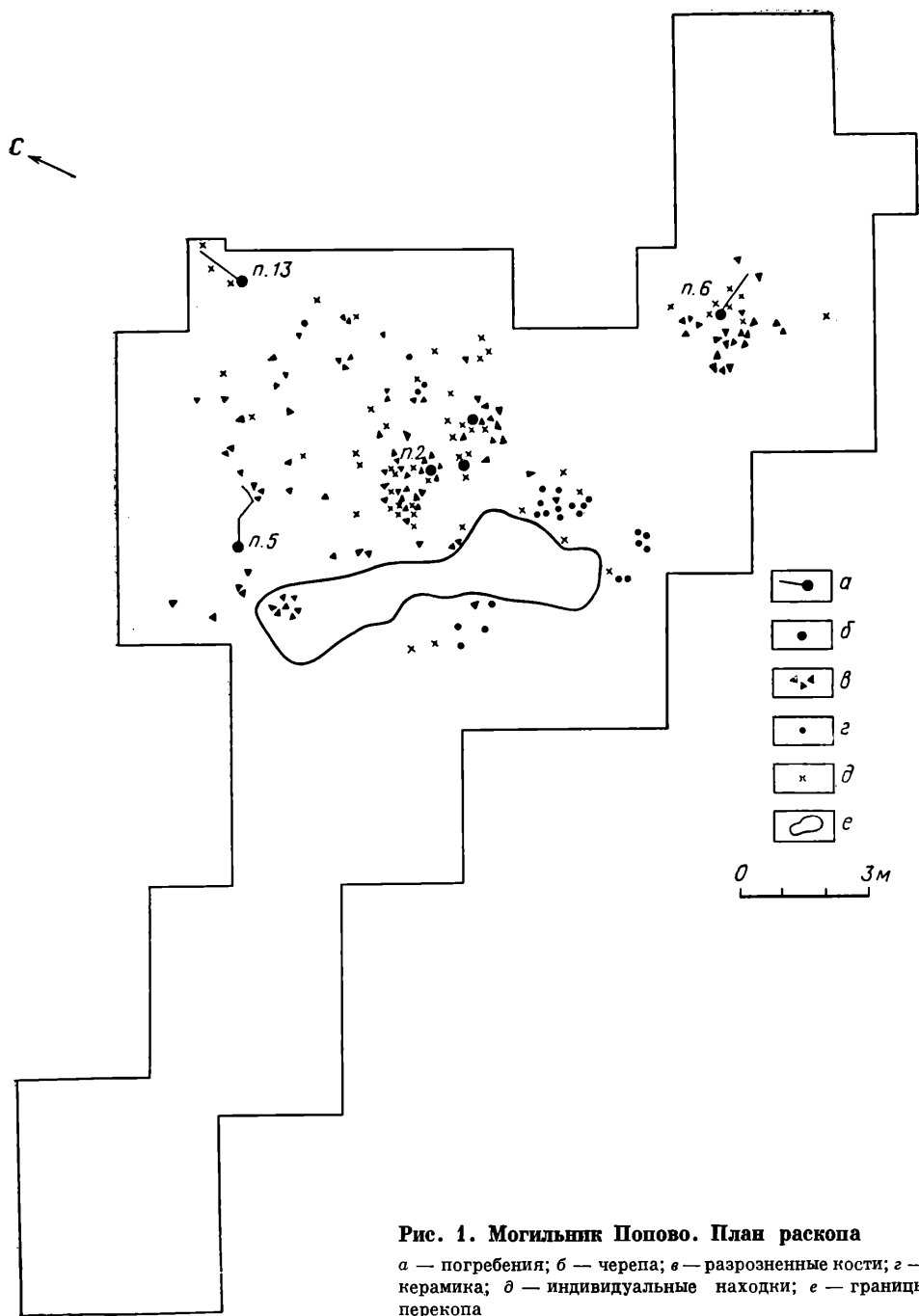
Н. А. МАКАРОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПОПОВО НА КАРГОПОЛЬЕ

В 1978—1979 гг. Северная экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая С. В. Ошибкиной, проводила разведки в зоне переброски стока северных рек в бассейн Волги. На Каргополье, в бассейне оз. Лача, были открыты средневековые могильники. Один из них — Попово — был исследован раскопками.

Могильник находится на правом берегу р. Кинема, впадающей в оз. Лача с востока, в 4 км от ее устья. Он занимает участок дюнного всхолмления размерами 100×30 м и высотой до 2 м, вытянутого приблизительно по направлению запад—восток. Всхолмление удалено от реки на 30 м и с трех сторон окружено заболоченной низиной. Местность эта называется Попово. Берега Кинемы болотисты и неудобны для поселения. Липь в Попове берег высокий и сухой. Здесь сохранились культурные остатки разных эпох.

В 1924 г. директор Каргопольского музея Г. П. Сергиевский произвел в Попове любительские раскопки, при которых были обнаружены человеческие кости и металлические предметы. Ни вещи, ни отчет о раскопках не сохранились. В краткой информации о работах Г. П. Сергиевский указал, что кости лежали в беспорядке на небольшой глубине, и дал описание найденных вещей¹. В 1928 г. М. Е. Фосс обнаружила в Попове стоянку эпохи неолита и раннего железа. Сообщение Г. П. Сергиевского осталось неизвестно археологам-профессионалам, и Попово вошло в литературу как стоянка с неолитическим и позднекаргопольским слоями².

Рис. 1. Могильник Попово. План раскопа

а — погребения; *б* — черепа; *в* — разрозненные кости; *г* — керамика; *д* — индивидуальные находки; *е* — границы перекопа

В ходе работ 1978—1979 гг. выяснилось, что памятник имеет сложную стратиграфию. В раскопе площадью 295 кв. м выявлены культурный слой и погребения эпохи мезолита, культурные напластования позднекаргопольской культуры и средневековые погребения. В центральной части раскопа зафиксированы следы работ Г. П. Сергиевского — перекоп, в заполнении которого находились человеческие кости.

Средневековые захоронения локализуются в центральной и восточной частях раскопа. Здесь встречены три целых костяка, лежащих в анатомическом порядке (погребения 5, 6 и 13), скопление человеческих костей (погребение 2), а также большое количество разрозненных чело-

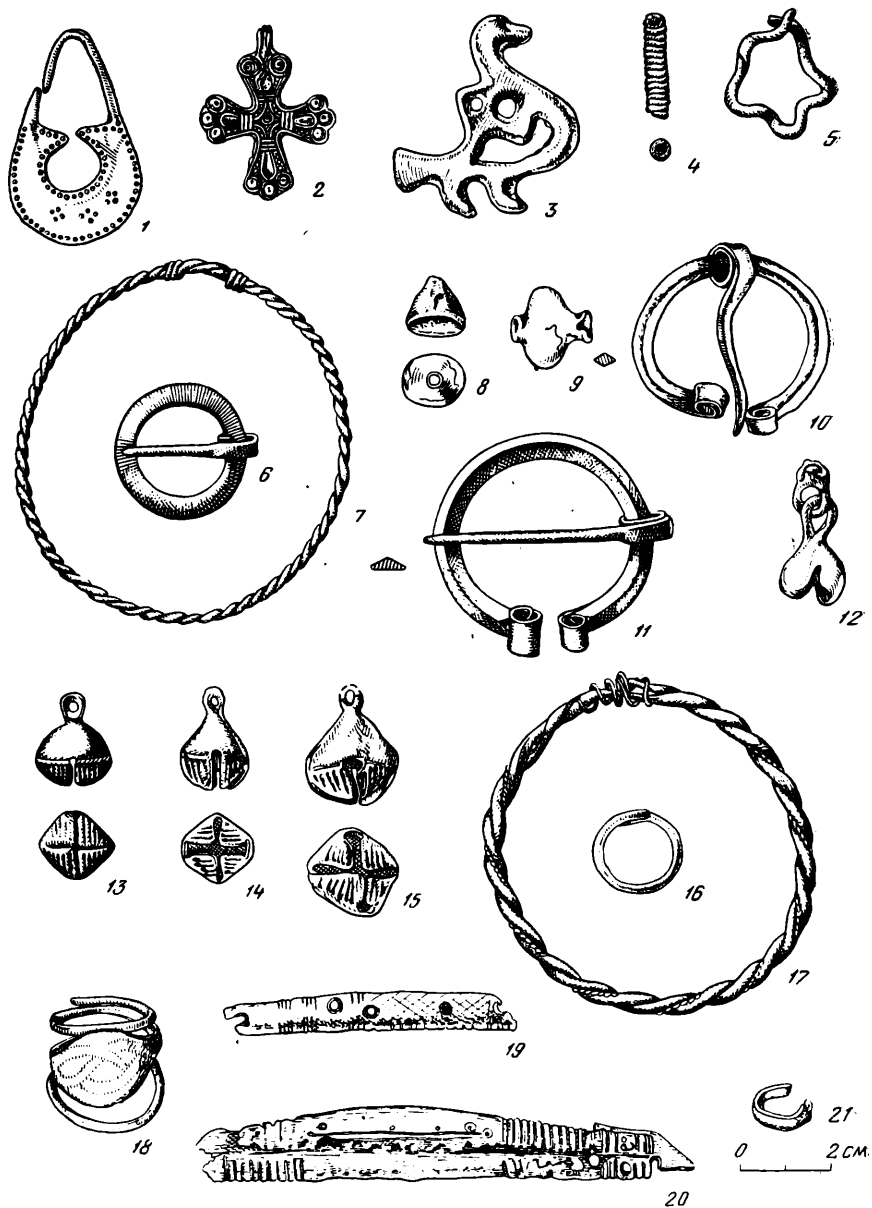

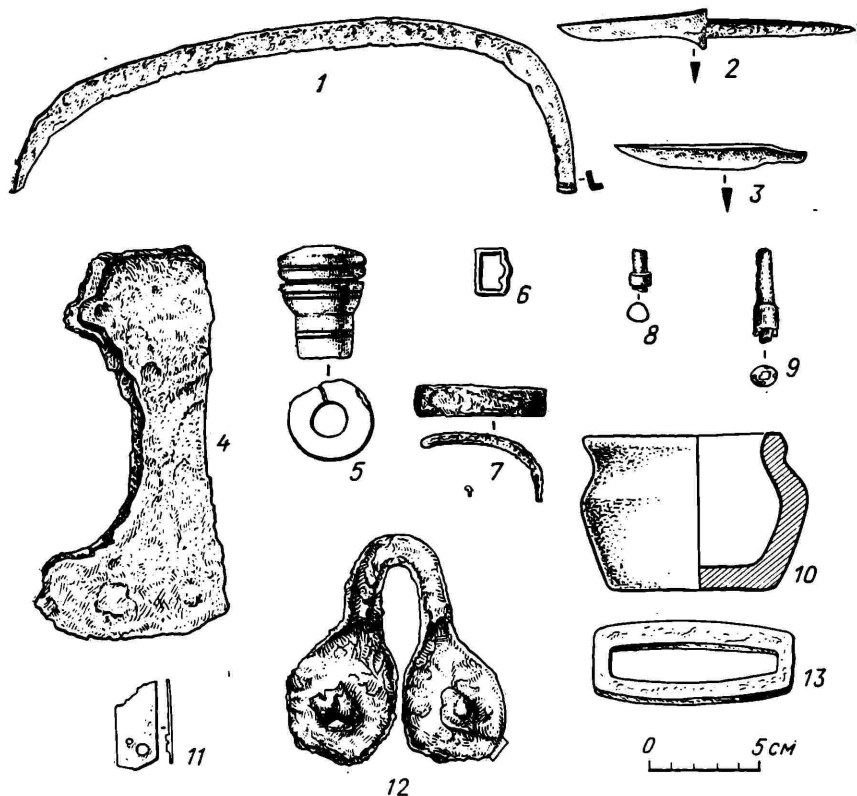
Рис. 2. Могильник Попово. Вещевые находки

1, 3, 6—20 — из разрушенных погребений; 2, 4 — из погребения 2; 5, 21 — из погребения 6
1—18 — бронза; 19, 20 — кость; 21 — серебро

веческих костей, металлические и костяные предметы, фрагменты керамики (рис. 1).

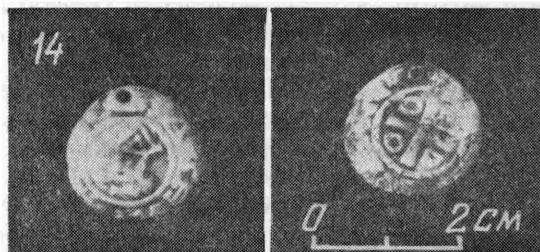
Погребение 5 расчищено в северо-западной части могильника на глубине 40—47 см от уровня современной поверхности. Нижняя часть костяка нарушена. Костяк принадлежал женщине 30—35 лет³. Погребенная лежала на спине головой на запад—юго-запад, руки слегка согнуты, кисти — в области таза, ноги подогнуты. Вещей не обнаружено.

Погребение 6 расчищено в юго-восточной части могильника на глубине 40—45 см. Костяк принадлежал ребенку семи—деяти лет. Погребенный лежал на спине головой на запад, правая рука вытянута, левая — согнута, кисть ее — на тазе. На черепе слева, около ушного отверстия находилось височное кольцо (рис. 2, 5). Чуть ниже, на месте шеи, обнаружены распавшиеся остатки пуговицы из оловянистого сплава.

**Рис. 3. Могильник Попово.
Вещевые находки**

1, 2, 5, 6, 8, 9, 11—14 — из разрушенных погребений; 3, 4, 10 — из погребения 13; 7 — из погребения 6
1—4, 6, 7, 12, 13 — железо; 5, 8, 9 — медь; 10 — глина; 11 — бронза; 14 — серебро

На груди справа лежал перержавевший железный предмет (рис. 3, 7). На фалангу среднего пальца левой руки был надет серебряный перстень (рис. 2, 21).

Погребение 13 расчищено в северной части могильника на глубине 30—40 см. Костяк принадлежал ребенку четырех-пяти лет. Погребенный лежал на спине головой на юг. Кисти согнутых рук покоились в области таза. У левого плеча погребенного найден топор, повернутый к черепу обухом (рис. 3, 4). Между бедренных костей находился железный нож (рис. 3, 3). В ногах справа стоял глиняный горшок (рис. 3, 10).

Погребение 2 расчищено в центральной части раскопа на глубине 45—60 см. Оно представляло собой беспорядочную груду костей, сверху которой находился череп, стоявший на затылочной части и обращенный глазницами на север. Между костями обнаружены две бронзовые спиральные пронизки (рис. 2, 4) и бронзовый крестик (рис. 2, 2).

Разрозненные кости встречены в центральной части раскопа на площади примерно 10×10 м и в юго-восточной части на площади 3×3 м. Некоторые кости образуют небольшие скопления, но выделить среди них отдельные погребения, подобные погребению 2, не удается. Большинство костей находилось на глубине 10—45 см от современной поверхности.

На участке к востоку от траншеи Г. П. Сергиевского кости встречались на глубине 45—70 см, однако древняя поверхность перекрыта здесь выбросом из траншеи мощностью около 25 см, так что первоначально и эти кости находились на небольшой глубине. В числе прочих костей найдены два целых черепа и обломки еще семи черепов. Таким образом, в общей сложности в могильнике открыты останки 13 погребенных.

Между костями на той же глубине встречены мелкие фрагменты керамики и предметы из металла и кости. Среди украшений — серебряный денарий-подвеска (рис. 3, 14), бронзовые височное кольцо (рис. 2, 16), калачевидная серьга (рис. 2, 1), два крестика, три подковообразные и одна кольцевидная фибула (рис. 2, 6, 10, 11), четыре спиральные пронизки, три колоколовидные подвески (рис. 2, 8), подвеска-уточка (рис. 2, 3), 11 бубенчиков (рис. 2, 12—15), два браслета и два перстня (рис. 2, 7, 17, 18). Найдены также две бронзовые накладки, ушко котла (рис. 3, 12), пряжка (рис. 3, 6). Костяные изделия представлены двумя фрагментами расчесок (рис. 2, 19, 20), рукояткой ножа, навершием (рис. 3, 5) и двумя предметами неизвестного назначения (рис. 3, 8, 9). Эти вещи входили в состав погребального инвентаря, однако по их положению нельзя установить, с каким погребением они связаны. Аналогичное положение костей и вещей отмечено в 1924 г. Г. П. Сергиевским.

Очевидно, население, оставившее могильник, хоронило покойников в неглубоких ямах. Вследствие этого захоронения были нарушены лесными животными. Три погребения, в которых анатомический порядок костей не нарушен, были, вероятно, совершены в более глубоких ямах, чем остальные. Интересно погребение 5, где верхняя часть скелета сохранила анатомический порядок, а кости ног были потревожены. Видимо, дно могильной ямы было наклонным, и голова погребенной оказалась на 7—10 см глубже, чем ноги. Обряд погребения в неглубоких ямах нередко применялся финно-угорскими племенами. Так, в могильниках вымской культуры встречены ямы глубиной 20—40 см⁴. Глубина некоторых ям в древнемарийских могильниках не превышала 50 см⁵. На небольшой глубине совершены захоронения и в могильнике Погостипе, принадлежавшем веси⁶.

Меридиональная ориентировка погребения 13 обычна для финского обряда. Появление западной ориентировки свидетельствует о контактах со славянским населением Северной Руси.

Комплекс украшений, происходящий из могильника, своеобразен. Одно из височных колец из витой проволоки изготовлено, вероятно, из обломка витого браслета (рис. 2, 5). Другое височное кольцо — перстнеобразное с заходящими концами (рис. 2, 16) — входит в число широко распространенных.

Калачевидная серьга (рис. 2, 1) принадлежит к типу украшений, происхождение которых связано с восточнофинским ареалом. Различные варианты калачевидных серег представлены в древностях Прикамья, Ветлужско-Вятского междуречья, Приладожья, в муромских и вымских могильниках. Находки калачевидных серег в древнерусских курганах единичны.

Бронзовая бусина-флакончик (рис. 2, 9) относится к типу, характерному для юго-восточного Приладожья и Белозерья, где он бытовал в X—XI вв. Вне этого региона подобные бусы редки.

Среди фибул отметим три подковообразные со спиральными концами (рис. 2, 10, 11), причем две имеют треугольное и одна — ромбическое сечение дужки. Одна из фибул орнаментирована треугольниками с тремя точками внутри. Спиралеконечные фибулы треугольного сечения изменялись в X—XII вв., а ромбического — в X—XI вв.⁷ Оба типа были широко распространены в Северной Руси и Финляндии, известны они и в Прибалтике. Четвертая фибула — кольцевидная пластинчатая (рис. 2, 6) — принадлежит к более редкому типу. Сходные фибулы найдены в курганах Ижорского плато, где они датируются XII—XIII вв.⁸, и в Новгороде в слое XII в.⁹ Фибула из Попова отличается от них тем,

что не имеет на кольце выемки, фиксирующей положение основания иглы. Наиболее близкая аналогия нашей находке — фибула из кургана XI—начала XII в. у д. Видлицы в Приладожье¹⁰.

Три крестика (рис. 2, 2) совершенно идентичны и относятся к так называемому скандинавскому типу, распространенному на Руси, в Прибалтике, Финляндии и встречающемуся, хотя реже, в Скандинавии. Такие крестики бытовали во второй половине X—XII в.¹¹ Согласно М. В. Фехнер, наиболее популярны они были в XI в.

Многочисленные плоские прорезные подвески-уточки известны в материалах из курганов Приладожья и Костромского Поволжья. Дата приладожских находок — вторая половина X—начало XII в.¹² Подвеска из Попова (рис. 2, 3) несколько отличается от стандартных образцов X—начала XI в. и ближе к экземплярам второй половины XI в. Бронзовые грушевидные крестопрорезные бубенчики (рис. 2, 13—15), найденные в Попове в количестве десяти, были излюбленными украшениями древнерусских женщин конца X—начала XII в. Они встречаются по всей Руси и на соседних территориях. Еще один бубенчик — грушевидный однопрорезной — закреплен на обломке двойного костылька (рис. 2, 12). В финно-угорской среде такие бубенчики на костыльках употреблялись в качестве шумящих привесок к украшениям. Найденные в могильнике колоколовидные привески (рис. 2, 8) датируются X—XI вв. Они встречаются в финно-угорской среде от Поволжья до Приуралья.

Монета-подвеска является, по определению А. С. Белякова, денарием Оттона и Адельгейды, чеканенным в Саксонии в 991—995 гг.

Два бронзовых браслета относятся к типу витых двойных завязанных (рис. 2, 7, 17). Один из них украшен перевитьем. Подобные браслеты встречаются в курганах икладах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XI и реже — XII в.

Один из перстней, найденных в могильнике, — пластинчатый овально-пощитковый, другой — «усатый» (рис. 2, 18). Последний тип считается характерным для финских племен. Согласно Н. Г. Недошивиной, «усатые» перстни датируются концом X—началом XII в., а на северо-западе Руси доживают до конца XII в.¹³

Об украшениях, найденных в Попове в 1924 г., можно судить лишь по описанию Г. П. Сергиевского. В их состав входили «три витых из медной проволоки различной толщины кольца в диаметре $1\frac{5}{8}$ вершка» — по-видимому, витые браслеты, «медная пряжка, литая медная пластинка с изображением на верхней стороне всадника на коне, изображение очень грубое, оборотная сторона пластинки гладкая, прорезь сквозная» (подвеска-всадница?) и спираль из медной ленты высотой 9 см и диаметром 1,5 см (накосник?). Наиболее определена идентификация «пластинки с изображением... всадника на коне» с подвеской-всадницей. Родиной этих подвесок считают Прикамье, но они встречаются и за его пределами — в Приладожье, на Шексне и на Ваге. Подвески датируются X—серединой XI в.¹⁴

Из железных вещей упомянем ушко котла (рис. 3, 12). Отметим также находку «дужки от котелка» в раскопках 1924 г. Обычай ставить металлическую посуду в погребения свойствен финским племенам, причем в могилы попадали не только целые сосуды, но и их обломки. Найденное в могильнике кресало имеет прямоугольную форму (рис. 3, 13). Согласно новгородской хронологии такие кресала бытовали в XIII—XV вв.¹⁵ Для основной территории Руси эта дата справедлива, но у финских племен подобные кресала относятся к более раннему времени. В Финляндии они появились в период, предшествующий эпохе викингов¹⁶. В вымских могильниках они встречаются в комплексах второй половины X—XI в.¹⁷ В древнемарийских могильниках такие кресала найдены в погребениях X—начала XII в.¹⁸ Находка в Попове прямоугольного кресала вместе с вещами конца X—начала XII в. сближает могильник с памятниками финских племен. Топор из погребения 13 (рис. 3, 4) относится к типу V по классификации А. Н. Кирпичникова. Топоры

этого типа встречаются как в древнерусских курганах, так и в финских могильниках. А. Н. Кирпичников назвал этот тип финско-русским и отметил, что на северо-востоке Руси он господствовал в X—XII вв.¹⁹ Обломок лезвия топора найден и в раскопках 1924 г. Оба ножа (рис. 3, 2, 3) имеют узкое клиновидное лезвие и широкую спинку с уступом. Они ничем не отличаются от древнерусских ножей X—первой половины XII в. Железная коса (рис. 3, 1) также аналогична древнерусским.

Орнаментированное костяное навершие (рис. 3, 5) изготовлено на токарном станке. Навершия сходных форм часто встречаются в Северной Руси. Костяные односторонние расчески (рис. 2, 19, 20) сходны с расческами второй группы, по О. И. Давидан. В Старой Ладге расчески этой группы датируются IX—XI вв.²⁰ В Новгороде они встречены в слоях X—XI вв.²¹ Фрагменты расчесок из Попова ближе к экземплярам XI в.

Средневековая керамика представлена, кроме миниатюрного горшочка из погребения 13, двумя десятками фрагментов стенок лепных сосудов. Три черепка орнаментированы гребенчатым штампом, отпечатки которого образуют ломаную линию, идущую по плечу сосуда. Такой орнамент обычен для лепной керамики Белоозера²².

В целом вещевой комплекс могильника характеризуется сочетанием предметов общедревнерусских типов и финских украшений. Ряд вещей имеет приладожское (бусина-флакончик, подвеска-уточка) или прикамское (калачевидная серьга) происхождение. Памятник может быть датирован XI в. В пользу этой даты свидетельствуют находки денарий-подвески 991—995 гг., фрагментов односторонних расчесок и бусины-флакончика. Могильник, по-видимому, принадлежал западнофинскому населению, возможно всеи, северная граница расселения которой пока не установлена. Материальная культура населения, оставившего могильник, в значительной степени подверглась воздействию древнерусской культуры.

¹ Сергиевский Г. П. Экскурсия на реку Кинему. — Север, 1927, 2 (6), с. 181—184.

² Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР. — МИА, 1952, 29, с. 228—230; Ошибкина С. В. Краткая характеристика позднекаропольской культуры. — КСИА, 1975, 142, с. 18—24; Курагов А. А. Археологические памятники Архангельской обл. Архангельск, 1978, с. 24, 25.

³ Все антропологические определения произведены сотрудником Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР В. И. Хартановичем.

⁴ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. М., 1971, с. 33.

⁵ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 13.

⁶ Брюсов А. Я. Финское погребение X—XI вв. в д. Погостище Кирилловского р-на Вологодской обл. — КСИА, 1969, 120, с. 83.

⁷ Salto H. Finnische Hufeisenfibeln. — SMYA, 1956, 56, S. 72—75; Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 153, 156.

⁸ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы, с. 168—170, 188.

⁹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 242, 245.

¹⁰ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы, с. 163.

¹¹ Фехнер М. В. Крестовидные привески

скандинавского типа. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 210—214; Мугуревич Э. С. Крестовидные подвески XI—XV вв. в Латвии. — Arheologija un etnogrāfija. Rīga, 1978, 10, 237 lpp.

¹² Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. — САИ, 1979, вып. Е1-59, с. 21.

¹³ Недошвина Н. Г. Перстни. — Труды ГИМ, 1967, 43, с. 257—259.

¹⁴ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 43.

¹⁵ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 103; Он же. Дендрохронология Новгорода. — МИА, 1963, 117, с. 90.

¹⁶ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, S. 88, 128, 129, Taf. 71, 112, 143.

¹⁷ Савельева Э. А. Пермь вычегодская, с. 42, 43.

¹⁸ Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв., с. 55.

¹⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 37, 38.

²⁰ Давидан О. И. Гребни Старой Ладги. — АСГЭ, 1962, 4, с. 100, 101.

²¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, 2, с. 98, 99; Он же. Дендрохронология Новгорода, с. 90.

²² Голубева Л. А. Весь и славяне..., с. 154.

КОПЬЯ ИЗ РАСКОПОК В ИЗБОРСКЕ

Исследования Изборского городища — одного из древнейших славянских памятников Северо-Западной Руси — ведутся экспедицией Института археологии АН СССР и Псковского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника (руководитель В. В. Седов).

В настоящей статье публикуется одна из категорий вещевого материала Изборска — копья¹. Их на городище найдено около 50; из них 24 — метательные. Около половины наконечников (12 метательных и девять для колющего удара) попало в культурный слой сломанными, поэтому типы двух из них определены быть не могут.

В отличие от обычного подразделения на наконечники копий и сулиц², здесь предпринята попытка разделить их на охотничьи и боевые.

Наконечники боевых копий составляют 41,3% (19 экз.) общего количества.

Тип 1. Ланцетовидные втульчатые копья, слегка суживающиеся у шейки и плавно переходящие во втулку. Встречено пять наконечников. Они принадлежат к типу Е по Я. Петерсену и датируются временем около 900 г.³ Э. Кивикоски относит их к IX в.⁴, но появляются они в Северной и Средней Европе уже в VII—VIII вв.⁵ Наиболее ранний изборский экземпляр (рис. 1, 1) найден в слое именно этого времени. Два других наконечника датируются соответственно X и X—XI вв. (рис. 2, 3). Еще два наконечника, по-видимому, образуют особый вариант — тип 1а. Они короче и имеют более резкий переход от пера к втулке. Один из них (рис. 1, 4) датируется IX в., другой, с воронкообразной расширяющейся книзу тульей (рис. 1, 6), — X—XI вв. По мнению Р. Волкайте-Куликаускиене, подобные наконечники являлись более развитым вариантом ланцетовидных копий и использовались в Литве чуть позднее собственно ланцетовидных — в X—XI вв.⁶ Тем же временем датируются они в Польше. На территории Финляндии и Норвегии появление таких наконечников связывают с концом времени викингов⁷. Изборская находка позволяет говорить о более раннем бытовании копий этой формы.

Тип 2. Ланцетовидные черешковые с упором для древка (рис. 2, 2). Найден один наконечник. Такие наконечники есть в Бирке⁸. На территории Финляндии таких встречено около 40. Все они датируются там IX в.⁹ Ближайшей аналогией изборскому копыю в древнерусских материалах является наконечник из юго-восточного Приладожья, где он датируется X в.¹⁰ Эта форма копий не получила широкого распространения, видимо, потому, что сосуществовала с универсальными для того времени ланцетовидными втульчатыми.

Тип 3. С относительно широким пером удлиненно листовидной формы, с несколько поднятными плечиками и расширяющейся книзу втулкой. Поперечное сечение ромбическое. Найден четыре таких наконечника. Один встречен в слое IX в., три других датируются соответственно XI—XII, XII и XII—XIII вв. Копья этой группы относятся к числу наиболее распространенных во всей средневековой Европе¹¹.

Тип 4. С пером лавролистной формы, с очень высокими плечиками, плавно переходящими в невысокую тулею. Встречено три наконечника. Самый ранний датируется X в. (рис. 2, 8), два других — X—XI и XI—XII вв. (рис. 1, 2). Последний, найденный в пазу между полом и бревенчатыми стенами караульного помещения, — граненый. Наконечник этого типа найден в псковском кремле в слое рубежа IX и X вв.¹²

Тип 5. С широким и коротким пером лавролистной формы, с округленными плечиками и расширяющейся книзу втулкой. Встречено два наконечника. Один датируется XI—XII вв., другой — XII—XIII вв. (рис. 2, 1). В литературе высказано предположение, что появление та-

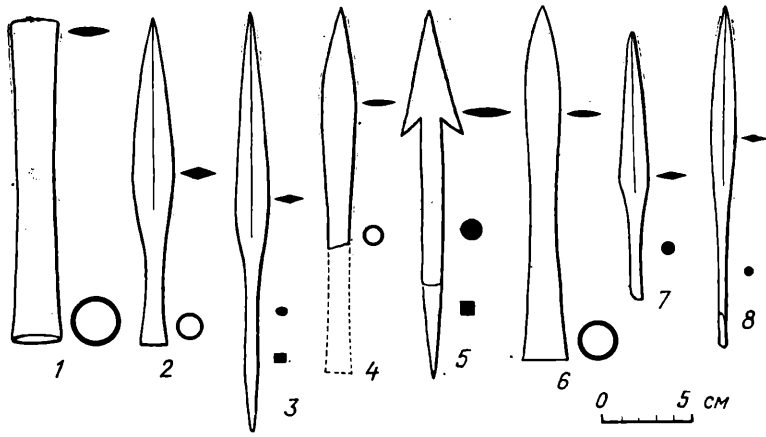

Рис. 1. Наконечники копий из раскопок в Изборске

1 — 5-М31; 2 — 3-Ш35; 3 — 4-В31; 4 — 5-З30; 5 — 4-О33; 6 — 6-Д50; 7 — 5-Н41; 8 — 5-Щ55
(в паспорте указаны пласт и квадрат находок)

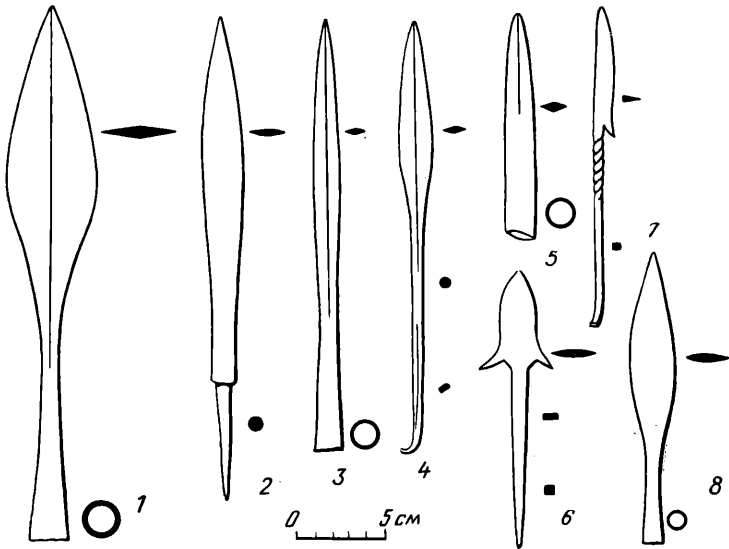

Рис. 2. Наконечники копий из раскопок в Изборске

1 — 2-В13; 2 — 5-З31; 3 — 5-Т55; 4 — 7-А56; 5 — 6-Б37; 6 — 3-Г30; 7 — 5-139; 8 — 4-П29 (в паспорте указаны пласт и квадрат находок)

ких наконечников в Новгородской земле следует связывать с влиянием прибалтийских образцов¹³. Однако надо различать, с одной стороны, очень красивые иволистные копья с расширяющейся книзу втулкой¹⁴, встречающиеся в кладах Латвии уже с V—VI вв.¹⁵, широко распространенные по всей Литве с VII в.¹⁶, употреблявшиеся на территории Эстонии в XI—XII вв.¹⁷ и найденные в Ладoge в слое второй половины VIII—первой четверти IX в.¹⁸, а с другой — те, о которых идет речь. Последние еще в раннем железном веке применялись на огромной территории, включавшей Поволжье, Волго-Окское междуречье и бассейн среднего течения Оки¹⁹. Типологически они, по-видимому, восходят к бронзовым образцам, о чем свидетельствуют переходные формы из железа с так называемым гребнем — рудиментом бронзовых прототипов²⁰.

Тип 6. Пиковидные втульчатые с коротким острием ромбического сечения. Встречено два экземпляра. Один, имеющий форму классической пики, датируется XI в., другой — XI—XII вв. (рис. 2, 5). Последний

аналогичен наконечнику из слоя XIII—XIV вв. в Локстене²¹ и отличается от обычных пик отсутствием шейки. Оба наконечника, по-видимому, метательные.

Наконечники охотничьих копий составляют восемь типов.

Тип 1. С пером от иволистной до треугольной формы, черешком вместо втулки и ромбическим сечением пера. Среди изборских наконечников таких найдено пять. Два наиболее ранних: один — X в. (рис. 1, 3), другой — X—XI вв. — имеют черешки с характерным в средней части утолщением, прямоугольных очертаний в сечении. У второго из этих наконечников конец черешка загнут для вбивания в древко. Несомненно, что оба наконечника привязывались к древку копыя. Еще два наконечника этого типа датируются XI и XI—XII вв. Наконец, последний наконечник — с перекрученным черешком — XII в. Аналогичный наконечник из ливского могильника Икшикиле датируется последней четвертью XII—первой половиной XIII в.²² Черешковые иволистные копыя с VIII в. широко использовались в северных и восточных районах Литвы²³, на территории Латгалии²⁴ и в Эстонии²⁵. Найдены они в Ладогe и Пскове²⁶. Происхождение их связывают с латгалами²⁷, что скорее всего соответствует действительности. В XI в. они постепенно исчезают и позже встречаются за редким исключением лишь в собственно латгальских памятниках²⁸.

Тип 2. Двухшипные черешковые. Наиболее ранний из двух найденных в Изборске наконечников — с характерной формой пера, которое имеет небольшое сужение в средней части и расширение — в верхней, — происходит из слоя X—XI вв. (рис. 2, 6). Другой наконечник — с равными шипами, сходящимися в острие, датируется XI в. (рис. 1, 5). Расцвет таких копий на территории Северной Европы падает на VI—VIII вв.²⁹ На территории Латвии наконечники этого типа датируются концом VI—началом VII в.³⁰ В Литве двухшипные черешковые копыя бытовали в VII—IX вв.³¹ Для Руси они не характерны и, кроме Изборска, нигде не встречены.

Тип 3. Удлиненно листовидные с плоским пером. Найдено 10 наконечников, у шести из них конец черешка загнут. Самый ранний из изборских наконечников датируется X—XI вв., два наконечника — XI в., два — XI—XII вв., три — XII—XIII вв. и еще два — XIII в. В Новгороде они встречены в слое середины X в.³², на Асотском городище — в слое XIII в.³³

Тип 4. Удлиненно треугольные черешковые с плоским пером. Отличаются от описанных выше лишь более резким переходом от плечиков к остальной части пера. Найдено шесть наконечников, два из них — с загнутым концом черешка. Один наконечник происходит из слоя XI в., два — XI—XII вв., и три — XIII—начала XIV в. В Новгороде и на Асотском городище они датируются XIII в.³⁴, в Локстене — XIV—началом XV в.³⁵ Сходный наконечник найден в замке Саласпилс³⁶.

Тип 5. С коротким узким листовидным пером ромбического сечения и длинным загнутым на конце черешком. Найден один такой наконечник, датирующийся XI в. (рис. 2, 4). Аналогичные наконечники есть и в Литве³⁷.

Тип 6. Удлиненно треугольные с узким ромбическим в сечении пером и высокими плечиками. Один такой наконечник найден в слое XI в. (рис. 1, 7).

Тип 7. Одношипные гарпуновидные с тордированным черешком, конец которого загнут. Найден один наконечник, дата которого IX—XI вв. (рис. 2, 7). Наконечники этого типа широко использовались в Прибалтике в основном в XI в. Их находят в западных районах Литвы³⁸, в материковой и островной Эстонии³⁹ и в Латвии⁴⁰. Кроме того, они встречены в Финляндии⁴¹ и в древнерусских городах — Пскове, Новгороде, Новогрудке, Гродно и др.⁴² Единичные экземпляры обнаружены в могильниках Северо-Запада⁴³. Вопрос об их происхождении до сих пор не решен. Ю. Я. Селиранд предположил, что они распространились с терри-

гории Эстонии⁴⁴, но наиболее ранние даты новгородских копий, а также массовые находки их в Новогрудке не позволяют согласиться с этим мнением.

Тип 8. Ланцетовидные ромбического сечения, с черешком. В Изборске встречен один подобный наконечник в слое XI—XII вв. (рис. 1, 8). Единственная аналогия происходит из Приладожья⁴⁵.

Отказ от обычных путей классификации наконечников копий вызван, в частности, следующим обстоятельством: сулицы выступают в письменных древнерусских памятниках лишь в начале XIII в. как преимущественно боевые метательные копыя⁴⁶. Отмечая отсутствие надежных критериев для выделения сулиц, исследователи относят к ним главным образом плоские наконечники сравнительно небольших размеров с удлиненно листовидным пером, причем в подавляющем большинстве черешковые⁴⁷. Черешковые наконечники обычно привязывали к древку (в особенности наконечники, имевшие загнутый конец черешка для вбивания в древко) или вставляли в его конец, который для прочности чем-нибудь обматывали. Это чрезвычайно непрочное крепление должно было ломаться при ударе. Иное дело — втульчатые наконечники. Они, как правило, имели ромбическое сечение и достаточно прочную шейку, что в сочетании с прочным креплением свидетельствует об их значительных пробивных возможностях и, следовательно, боевом назначении. Правда, выделить среди них метательные наконечники тоже сложно, так как судить об их предельном весе и размерах трудно. В каталоге А. Н. Кирпичникова учтено шесть таких наконечников, три из них относятся к X в. и три — к XII—XIII вв.⁴⁸

Из изборских наконечников лишь два относятся к несомненно метательным бронебойным. Это боевые наконечники типа 6. Не исключено, что в этих целях могли использоваться сравнительно небольшие наконечники типа 4.

Орудие поражения и орудие защиты (доспех и щит) всегда развивались и совершенствовались параллельно. Так, например, почти полное исчезновение после XI в. черешковых ударных копий связано со все более широким употреблением доспеха. Будучи до этого универсальным оружием для войны и охоты, они, потеряв свое первое значение, исчезают почти совсем. Типологическим завершением этого ряда копий, по-видимому, являются формы с четко выраженным упором для древка, которые на хорошо датированных памятниках имеют самые поздние даты⁴⁹. На этом технологические возможности для усиления прочности скрепления исчерпываются. В Изборске наконечников с упором не встречено.

Интересную картину бытования типов наконечников в Изборске дает график (рис. 3). Поразительное разнообразие типов (14) было в XI в. В XII в., как, впрочем, и везде, исчезают ланцетовидные копыя и, что очень примечательно, почти все метательные. Продолжают употребляться лишь явно охотничьи наконечники двух сходных типов — 3 и 4. По-видимому, это, так же как и в случае с черешковыми копиями типа 1, связано с потерей этими копиями боевого значения, после чего в употреблении остаются лишь наиболее пригодные для охоты формы. Скорее всего, учитывая конкретно-историческую обстановку на северо-западе Руси, значение боевых метательных копий здесь сводится до минимума⁵⁰. Именно в это время в Западной Европе в широкое употребление входит кольчуга⁵¹, пробить которую метательным копьём достаточно трудно, что в свою очередь приводит к росту популярности арбалета, стрелы которого обладали большими, чем у лука, пробивными данными⁵².

Топография находок наконечников копий в Изборске в основном подтверждает схему развития поселения, предложенную В. В. Седовым⁵³. Сравнивая изборскую коллекцию копий с наиболее изученными и опубликованными коллекциями Новгорода и Изяславля⁵⁴, можно отметить следующие черты: в Изборске явно преобладают черешковые наконечники

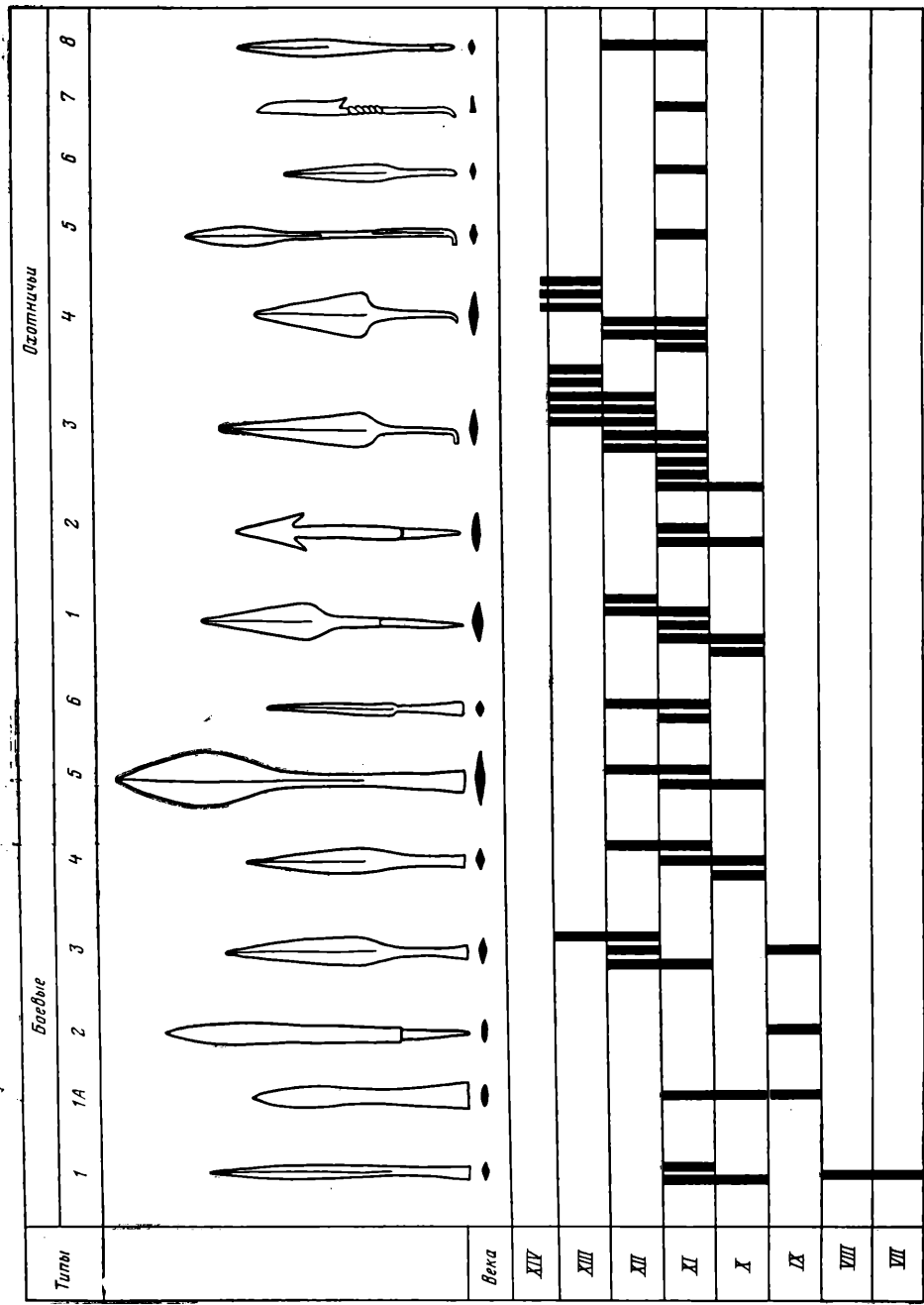

Рис. 3. График распространения типов копий во времени по изборской хронологии

(60,9%), почти совсем отсутствуют типичные для Руси и особенно для ее южной части пики, но представлен ряд не характерных для древнерусских памятников форм. Коренным образом эта ситуация изменяется на рубеже XII и XIII вв., когда из всего многообразия типов копий остаются лишь четыре. Все они имеют аналогии в Новгороде и Новгородской земле, и лишь один — типа 3 — в Изяславле.

- 1 Приношу благодарность В. В. Седову за предоставленный для публикации материал и помощь в работе.
- 2 Воспользоваться существующими типологическими схемами нет возможности, поскольку ни одна из них не включает того разнообразия форм, которое дает изборская коллекция.
- 3 *Petersen J.* De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. — Videnskaps-selskapets Skrifter II, Hist.-Filos. Kl., 1919, nr 1, s. 26—28, abb. 12, 13.
- 4 *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1951, II, S. 17.
- 5 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 9.
- 6 *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuviai IX—XII amžiais. Vilnius, 1970, p. 231; 42, 4, 5 pav.
- 7 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2, с. 12.
- 8 *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1943, Taf. 12.
- 9 *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, II, Taf. 102, Abb. 798.
- 10 *Кочуркина С. И.* Юго-восточное Приладжье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 97, табл. IX.
- 11 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2, с. 14, 15.
- 12 *Белецкий С. В.* Раскопки в псковском кремле в 1972—1974 гг. — КСИА, 1978, 155, с. 62, рис. 4, 24.
- 13 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2, с. 15.
- 14 Латвийские и эстонские исследователи называют иволистными ланцетовидные наконечники типа Е по Я. Петерсену.
- 15 *Urtāns V.* Senākie depoziti Latvija (lidz 1200 g.). Rīgā, 1977, 44 lpp.; 46, 1—15; 49, 1 att.
- 16 *Казакевичус В. К.* Наконечники копий в Литве в V—VIII вв. II. Втульчатые. — Труды АН ЛитССР, сер. общ. наук, 1979, 2, с. 64, рис. 1, 4.
- 17 *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974, lk. 112, tahv. XI, 5.
- 18 *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. — АСГЭ, 1976, 17, рис. 7, 15, с. 15.
- 19 *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, 94, с. 87, рис. 33, 23; *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья. — МИА, 1961, 95, с. 85, рис. 17, 17; Дьяковская культура. М., 1974, с. 36, табл. II, 14; с. 229, табл. VII, 6.
- 20 См., например: *Смирнов А. П.* Железный век..., с. 85, рис. 17, 14.
- 21 *Mugurēvičs E.* Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi. Rīgā, 1977, 81 lpp.; XXIII, 17 att.
- 22 *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallinn, 1974, Taf. XXXIII, 4, S. 154.
- 23 *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuviai IX—XII amžiais, p. 221; 38, 1, 2 pav.
- 24 Нукшинский могильник. Рига, 1957, с. 27, 28, табл. X, 1—4.
- 25 *Tallgren A. M.* Zur Archäologie Eestis. Dorpat, 1925, II, S. 126, Abb. 160; *Шмидельман М. X.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 170, табл. VIII, 10.
- 26 *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя..., с. 115, рис. 7, 14; *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова (1954—1956 гг.). — АСГЭ, 1962, 4, с. 59, рис. 49, 10.
- 27 *Казакевичус В. К.* Наконечники копий в Литве V—VIII вв. I. Черенковые. — Труды АН ЛитССР, сер. общ. наук, 1978, 4, с. 45.
- 28 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2, с. 17.
- 29 *Агазис М.* Железные двушипные черешковые наконечники дротиков на территории Латвии. — Arheologija un etnogrāfija. Rīgā, 1974, XI, с. 172, 173.
- 30 Там же, с. 172.
- 31 *Казакевичус В. К.* Наконечники копий в Литве V—VIII вв., II, с. 45.
- 32 *Медведев А. Ф.* Оружие Великого Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 128, рис. 4, 9.
- 33 *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига, 1961, приложение II, табл. X, 29.
- 34 *Медведев А. Ф.* Оружие..., с. 128, рис. 4, 10; *Шноре Э. Д.* Асотское городище, приложение II, табл. X, 30.
- 35 *Mugurēvičs E.* Olinkalna un Lokstenes..., 81 lpp.; XXXI, 14, 16—19; XXXII, 18 att.
- 36 *Стубавс А.* Археологические находки древнего Саласпилса и хронология памятника. — In: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970, рис. 1, 7.
- 37 *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuviai IX—XII amžiais, 38, 4 pav.
- 38 *Ibid.*, p. 222; 39, 1—6 pav.
- 39 *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed..., lk. 114, 115; tahv. XII, 7, 8; *Кустин А. Э.* Археологические памятники начала II тысячелетия на островах Саарема и Муху. — СА, 1967, 1, с. 180.
- 40 *Шноре Э. Д.* Асотское городище, приложение II, табл. X, 26—28.
- 41 *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, II, Abb. 931, 1477.
- 42 *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего

- Пскова... , рис. 47, 9, 10; Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 77, 78, рис. 64, 6; Гуревич Ф. Д. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка. — КСИА, 1965, 104, с. 82, рис. 32, 8; Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, 41, рис. 24, 1.
- ⁴³ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, 20, табл. XVIII, II; Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. — ИГАИМК, 1934, 94, с. 7, табл. I, 5.
- ⁴⁴ Selirand J. Eestlaste matmiskombed... , lk. 115.
- ⁴⁵ Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. — МАР, 1895, 18, табл. XII, 8.
- ⁴⁶ Одинов Г. Ф. К истории древнерусских названий метательного копья (луца и его варианты: сулица, совь, копыще). — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 103.
- ⁴⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 23.
- ⁴⁸ Там же, каталог находок: № 4, 8, 9, 37, 39, 40.
- ⁴⁹ Нукшинский могильник, с. 28, 30.
- ⁵⁰ Не наблюдается сколько-нибудь заметного возрастания роли метательных копий и во всей Руси.
- ⁵¹ Арциховский А. В. Русское оружие X—XIII вв. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1946, 4, с. 8, 16.
- ⁵² Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 67.
- ⁵³ Седов В. В. Некоторые итоги раскопок в Изборске. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1981.
- ⁵⁴ Медведев А. Ф. Оружие...; Кирпичников А. Н. Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля. — КСИА, 1978, 155, с. 80—87.

О. В. ОВСЯННИКОВ, А. А. ПЕСКОВА

ЗАМКИ И КЛЮЧИ ИЗ РАСКОПОК ИЗЯСЛАВЛЯ

Продукция древнерусских замочников отражает определенный уровень развития техники в древней Руси и в первую очередь слесарного дела. Такой массовый материал, как замки и ключи, постоянно используется археологами в качестве надежного хронологического индикатора. В статье рассматриваются замки и ключи с городища у с. Городище Хмельницкой обл., раскопанного в 1957—1964 гг. под руководством М. К. Каргера, который отождествлял этот памятник с летописным древнерусским городом Изяславлем, погибшим в середине XIII в. при монголо-татарском нашествии¹.

Исчерпывающий материал памятника, раскопанного полностью, что уже само по себе примечательно, дает редкую возможность выявить все бывшие в употреблении у горожан типы замков и их количественное соотношение. В статье учтены замки, ключи, а также накладки, петли, шарниры, ручки от сундуков — всего около 1 тыс. предметов.

Формально-типологический анализ изяславльских замков и ключей позволяет разделить их на несколько групп, типичных для древнерусских городских поселений: навесные замки, врезные замки, дверные комбинированные замки-запоры, деревянные дверные запоры.

Навесные замки — самая многочисленная группа замочных конструкций, представленная преимущественно так называемыми цилиндрическими, или трубчатыми, замками. Среди навесных замков можно выделить двухцилиндровые (корпус состоит из большого цилиндра, в который входит один конец замочной дужки с пружинами запирающего устройства, и малого цилиндра, в который входит второй конец дужки) и одноцилиндровые замки.

Двухцилиндровые замки представлены четырьмя типами. Тип I — замки с длинным T-образным ключевым отверстием в стенке большого цилиндра. Целых замков типа I не обнаружено, а среди мелких фрагментов их опознать трудно. Найдено пять ключей от замков данного типа (рис. 1, 1—4). Аналогичные цилиндрические замки в Новгороде характерны для X—XI вв., во второй половине XII в. они уже полностью выходят из употребления².

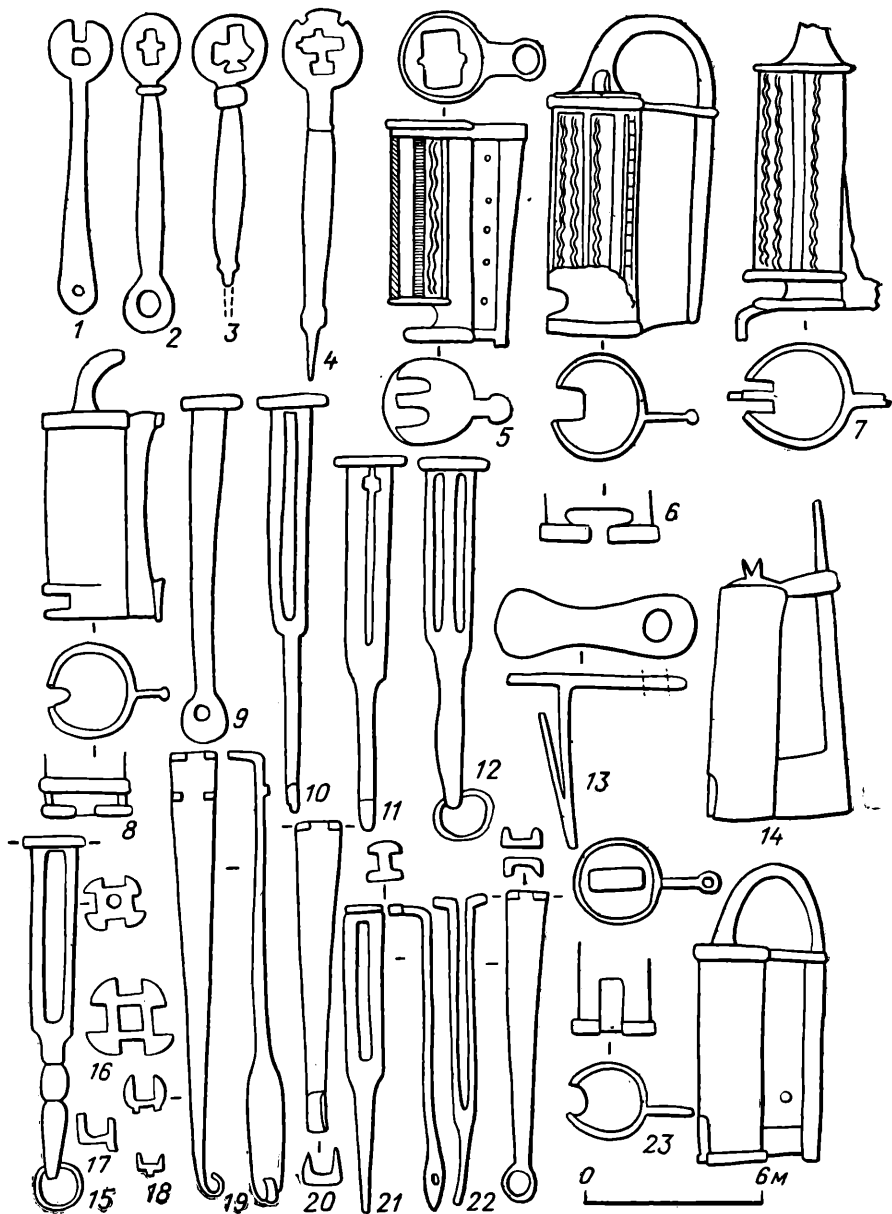

Рис. 1. Замки и ключи из Изяслава

1—4 — ключи к цилиндрическим замкам типа I; 5—8 — цилиндрические замки типа III; 9—12, 15—22 — ключи к цилиндрическим замкам типов II, III; 13, 14 — замки «болгарского» типа; 23 — цилиндрический замок типа II

Замки типа II представляют собой один из вариантов поиска более совершенной замочной конструкции (рис. 1, 23). Отверстие для ключа у замков этого типа расположено в нижней части стенки большого цилиндра, причем в донце цилиндра есть небольшая выемка для ключа. Таких замков найдено немного (10 экз.). В новгородской типологической схеме подобных замков нет.

Замки типа III генетически восходят к типу I. Ключевое отверстие в виде горизонтальной щели находится в нижней части стенки большого цилиндра (рис. 1, 5—8). В донце имеется довольно большая выемка или сложной конфигурации паз для ключа. По новгородской классификации это — замки типа Б, бытовавшие в Новгороде на протяжении XII и всего

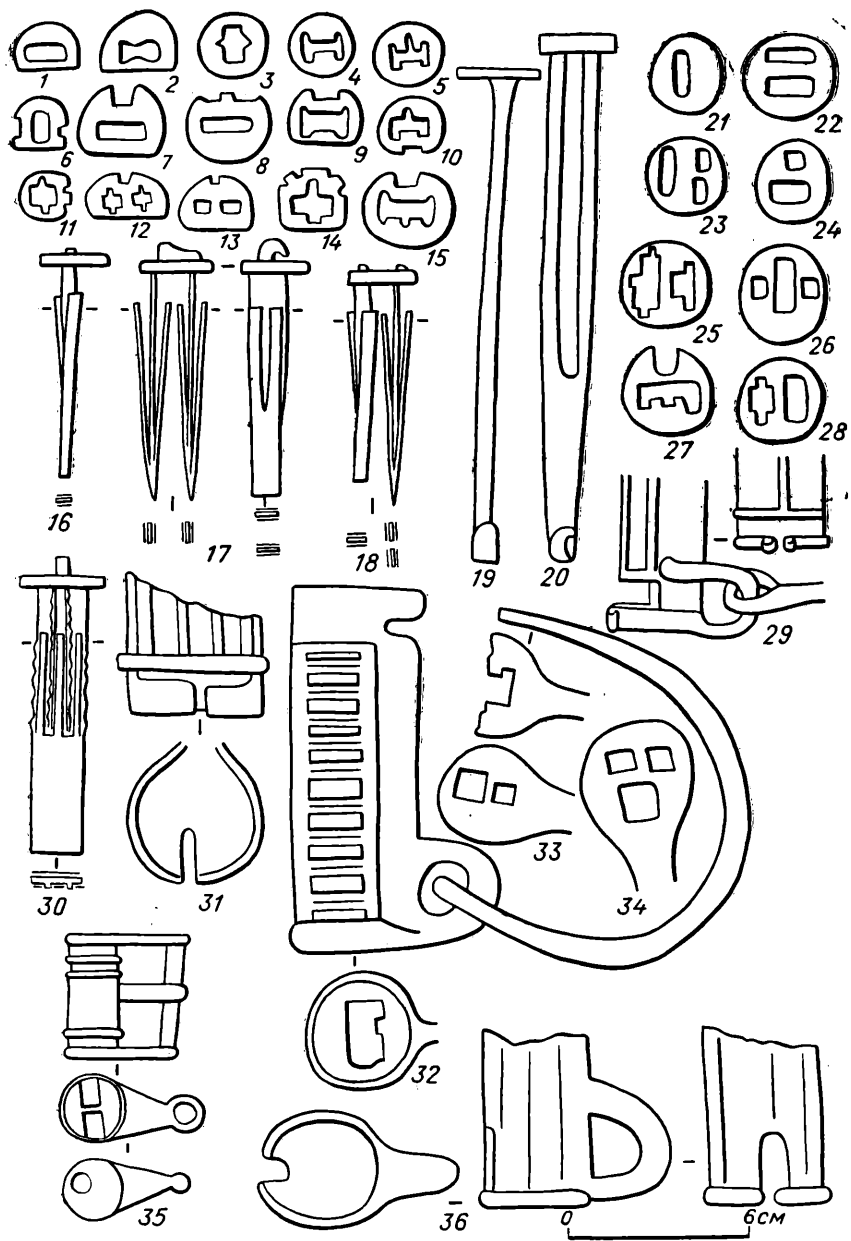

Рис. 2. Замки и ключи из Изяславля

1—15 — контуры отпирающей пластинки ключей от цилиндрических замков типов II, III; 16—18, 30 — расположение пружин в цилиндрическом замке; 35 — цилиндрический замок IV типа; 19—29, 31—34, 36 — путные замки и ключи к ним (19—28 — ключи и контуры отпирающей пластинки ключей; 29, 31 — замки типа 2; 32 — замок типа 3; 33, 34 — скоба-пута; 36 — замок типа 1)

XIII в.³ В количественном отношении они составляют одну из самых многочисленных групп (86 экз.).

Замки типа IV (57 экз.) отличаются от предыдущих конструкций тем, что отверстие для ключа расположено в донце большого цилиндра. К этому же типу относятся замки, у которых есть малый цилиндр, но связанный с корпусом большого цилиндра не сплошной пластиной, а тремя кронштейнами (рис. 2, 35). Таких замков найдено три. Эти замки аналогичны замкам типа B по новгородской классификации, которые встречаются в горизонтах XII—начала XV в.⁴ Таким образом, боль-

большинство навесных двухцилиндровых замков в Изяславле представлено замками типов III—IV, которые в количественном отношении приблизительно равны. Об этом свидетельствует и соотношение ключей: 149 ключей-кронштейнов от замков типа III и 111 ключей от замков типа IV.

Являются ли отдельные элементы конструкции хронологическими признаками? Учитывая разнообразие форм отверстий для ключей в донце большого замочного цилиндра, а также различное количество замочных пружин и их разнообразное расположение на стержне, Р. Л. Розенфельдт писал, что известно около «20 типов таких замков»⁵. Б. А. Колчин на новгородских находках, используя яркую динамику залегания материала, попытался представить хронологическую динамику конструктивных усовершенствований цилиндрических замков. Эту динамику он видел в усовершенствовании отверстия для ключа, в увеличении числа пружин, появлении контрольных штифтов, в различного рода «защитах» отверстий для ключей⁶. Просматривая изяславльский материал, мы пришли к выводу, что не все приведенные Б. А. Колчиным аргументы такой хронологической классификации абсолютно надежны. Дело в том, что каждый замок и соответственно ключ должен был иметь свой «секрет». К таким «секретам», кроме размеров замка, можно отнести количество и расположение пружин в замке, рисунок отверстия для ключа в донце большого цилиндра, различного рода защитные штифты и щитки у отверстий для ключей (рис. 1, 5, 7; 2, 16—18, 30). Соответствующие элементы «секрета» содержали и ключи: наличие в штыре ключа одного или двух пазов (рис. 1, 9—12, 15—22) и выемок для замочных штифтов (рис. 1, 11, 12), а также рисунок внешнего и внутреннего контура отпирающей пластинки ключа (рис. 2, 1—15). Поэтому вряд ли «секреты» можно рассматривать как хронологические различия (стоит ли, например, подразделять новгородский тип В на два подтипа по наличию «секретных» штифтов у входа в отверстие для ключа?).

Следует особо остановиться еще на двух типах навесных двухцилиндровых замков индивидуальной формы. Замки типа Ia представляют собой сочетание малого цилиндра не с большим цилиндром, а с корпусом овальной формы, в котором располагается штифт с пружинами (рис. 3, 13, 14). Таких замков найдено всего три. Точных аналогий нам не удалось найти, но кажется возможным сопоставить данную конструкцию с новгородскими замками типа Ж, которые Б. А. Колчин датирует концом XIV—началом XVI в.⁷ Правда, от новгородских замков изяславльские находки отличаются тем, что малый цилиндр еще связан пластиной с большим цилиндром.

Замки типа IIa имеют прямоугольный корпус, в котором расположен штифт с пружинами, в специальном прямоугольном объеме находится отверстие для ключа (рис. 3, 21, 22). Однако у этих замков сохранился малый цилиндр, т. е. по своему «содержанию» — это тоже двухцилиндровый замок. Найдено лишь три таких замка. Ни распределение этих замков по площади городища, ни глубина залегания в слое не позволяют рассматривать находки замков индивидуальных типов отдельно от основной массы изяславльских замков и ключей. Вполне возможно, что мы имеем дело с началом развития новой замочной конструкции, массовое производство которой на значительной части древнерусского государства было прервано монголо-татарским нашествием, но впоследствии эти замки получили распространение в землях Северо-Западной Руси.

Одноцилиндровые замки представлены всего двумя конструкциями. Это замки так называемого болгарского типа (рис. 1, 13, 14). Замки такой конструкции известны по находкам X—XI вв. на поселениях Волжской Болгарии, а также в Югославии и Венгрии⁸. Ранее считалось, что на древнерусских поселениях замки этого типа вообще не встречаются. Основная конструктивная особенность их состоит в том, что вместо малого цилиндра к нижнему краю большого цилиндра приварен овальный или круглый в сечении стержень. Запирающие замок пружины смонтированы на одном конце пластины, а на другом ее конце имеется отвер-

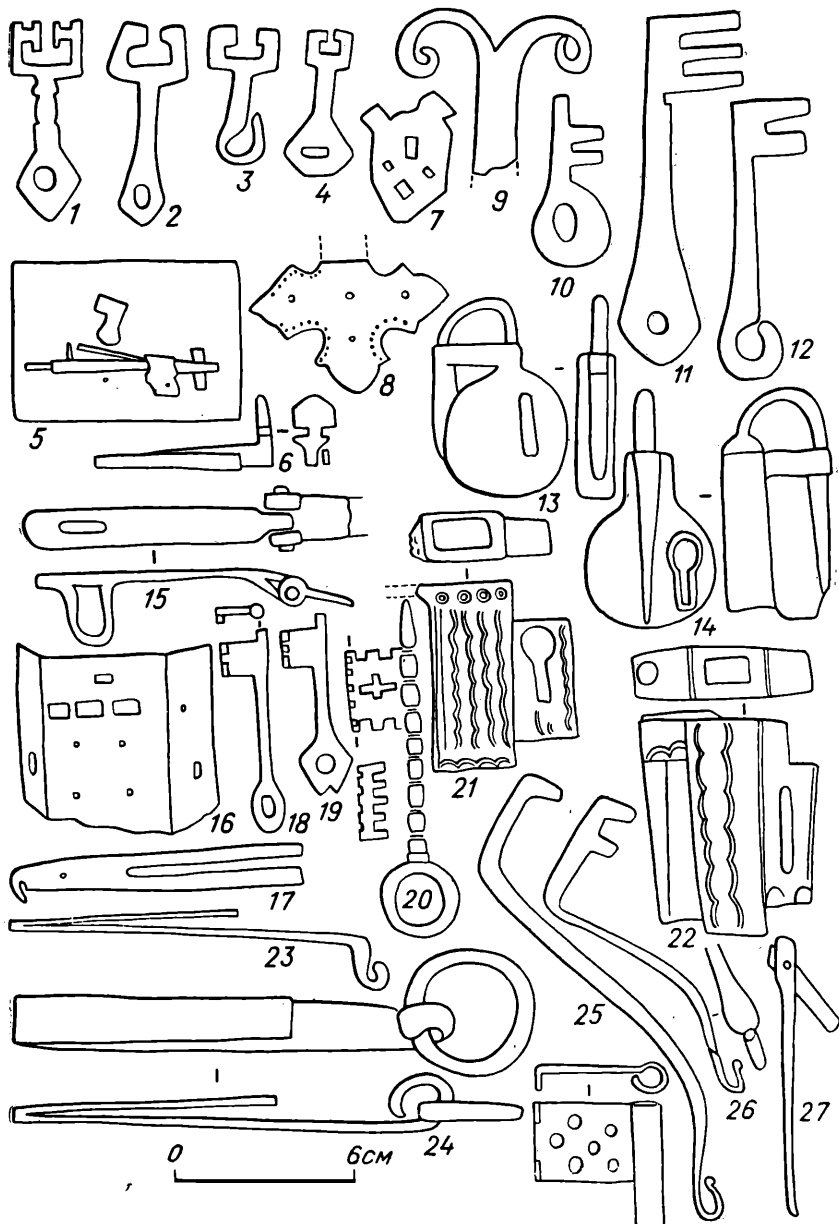

Рис. 3. Замки и ключи из Иязславия

1—9, 15 — врезные замки и ключи к ним (1—4 — ключи; 5 — механизм врезного замка; 6 — ригель с пружиной; 7, 8 — сундучные накладки; 9 — жижовина; 15 — накладная петля); 10—12, 18—20 — ключи к врезным замкам и комбинированным запорам; 13, 14, 21, 22 — навесные цилиндрические замки индивидуальных форм; 16, 17 — корпус и пружина комбинированного замка-запора; 23 — ригель с пружиной; 24—27 — ключи от деревянных замков-запоров

стие для стержня. Вполне возможно, что замки «болгарского» типа, которых в Иязславие найдено всего 20, являются своеобразным «пережитком» в хронологическом отношении.

Наиболее распространенные на древнерусских поселениях одноцилиндрические замки — это путные замки (найденно 77 замков и 18 ключей). Путный замок не имеет замочной дужки — ее функцию выполняет скоба — пута, на конце которой имеются отверстия, соответствующие расположению замочных пружин (рис. 2, 33, 34). Замок закрыт, когда сквозь пазы на конце скобы — путы — и сквозь пазы в горловине замка в цилиндр вставлены пружины, смонтированные на круглой пластине.

Остальные элементы конструкции путного замка полностью аналогичны замкам с двумя цилиндрами. Среди путных замков можно выделить три типа. Тип 1 представлен замками, в которых отверстие для ключа расположено в нижней части цилиндра, а в донце есть выемка (рис. 2, 36). Тип 2 — замки с ключевым отверстием в виде горизонтальной щели в нижней части стенки замка и паза в донце (рис. 2, 29, 31). Тип 3 — замки, в которых отверстие для ключа расположено в конце цилиндра (рис. 2, 32). Таким образом, путные замки полностью соответствуют навесным замкам с двумя цилиндрами типов II—IV. Такое же соответствие прослеживается и в конструкции ключей (рис. 2, 19—28).

Среди изяславльских материалов обнаружено 10 цельнометаллических врезных замков, вероятно от сундуков или ларцов, а также их детали — накладные петли, жиковины, накладки (рис. 3, 7—9, 15). Механизм замка смонтирован на железной пластине (рис. 3, 5). Замыкание замка производилось рукой при помощи рогеля с пружиной (рис. 3, 6).

Открывался замок бородчатым ключом, таких ключей найдено 15 (рис. 3, 10—12, 18—20)⁹. Врезные замки такой конструкции хорошо известны по находкам в Новгороде в слоях конца XI—второй половины XIII в.¹⁰, в Старой Рязани¹¹. Об употреблении жителями городища Изяславля врезных замков несколько иной конструкции свидетельствуют находки четырех ключей (рис. 3, 1—4). От уже описанных врезных замков эти отличались способом открывания и формой ключа. Такие замки найдены в слое XII в. в Старой Рязани и полностью реконструированы Р. Л. Розенфельдом¹².

На Изяславльском городище найдены фрагменты семи дверных замков. Это комбинированные замки — корпус у них железный (рис. 3, 16), рогель представляет собой деревянный брус, на который набивалась железная пружина (рис. 3, 17). Конструкция таких замков-задвижек была впервые опознана и полностью реконструирована по находкам в Новгороде, где они встречены в слоях X и частично XIII в. (в конце XIII в. они исчезают из употребления)¹³.

Дерево в слое Изяславльского городища практически не сохранилось, поэтому о наличии деревянных дверных замков у горожан можно судить лишь по находкам ключей от замков такого типа — найден 31 ключ (рис. 3, 25, 26). В Новгороде такие ключи исчезают в начале XII в.¹⁴ Найден один ключ — отмычка от деревянной дверной задвижки (рис. 3, 27).

Следует обратить внимание еще на одну замочную конструкцию, ранее неизвестную в материалах древнерусских поселений. Она представляет собой металлическую пластину с пружиной и кольцом, т. е. рогель с пружиной (рис. 3, 23, 24).

Замки и ключи — это материал, который непосредственно связан с жилищно-хозяйственными комплексами, да и находят эти предметы обычно в жилых и хозяйственных постройках или около них. Замки и ключи были использованы для выявления жилищно-хозяйственных комплексов детинца и посада древнего Изяславля. Удалось выделить ранее незафиксированные жилищно-хозяйственные комплексы, что подтвердилось и концентрацией вещей других категорий.

В какие же хронологические рамки укладываются все типы замочных конструкций городища Изяславля? Во-первых, можно выявить типы замков, которые находятся как бы на двух концах хронологической шкалы и представлены всего несколькими экземплярами: 1) цилиндрические замки с Т-образным ключевым отверстием и замки «болгарского» типа — это в известной мере архаичные типы; 2) замочные конструкции, которые получают распространение уже в послемонгольское время — замки индивидуальных типов Ia и IIa. Во-вторых, выделяется основной тип замка, преобладающего в количественном отношении, — это навесные цилиндрические замки типов II—IV, врезные замки и дверные замки-запоры, которые бытовали во второй половине XII—первой половине XIII в. Это подтверждается и общей датировкой памятника: особенности

конструкций оборонительных сооружений городища, перекрестная датировка таких категорий материала, как оружие, украшения, печати, импорт, керамическая посуда, определили такую же дату памятника¹⁵.

- ¹ Каргер М. К. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, с. 59; *Он же*. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. — В кн.: Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии. М., 1965, с. 39—41.
- ² Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 78—80.
- ³ Там же, рис. 70.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Розенфельдт Р. Л. Русские замки домонгольского времени. — КСИИМК, 1953, XLIX, с. 36.
- ⁶ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 82.
- ⁷ Там же, с. 84.
- ⁸ Овсянников О. В. О замках «болгарского» типа. — СА, 1971, 1, с. 258—260.
- ⁹ Бородчатые ключи служили для замыкания не только врезных замков, но и цельнометаллических и комбинированных замков-запоров, и даже висячих замков индивидуальных типов Ia, IIa.
- ¹⁰ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 86—93.
- ¹¹ Розенфельдт Р. Л. Старорязанский врезной замок. — КСИИМК, 1950, XXXV, рис. 48.
- ¹² Розенфельдт Р. Л. Новая конструкция древнерусских врезных замков. — КСИИМК, 1951, XXXIX, рис. 44.
- ¹³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 86—93.
- ¹⁴ Там же, рис. 76.
- ¹⁵ Такое исследование впервые проведено А. А. Песковой. См.: Пескова А. А. Древний Изяславль. — КСИА, 1980, 164.

В. И. МАТВЕЕВА

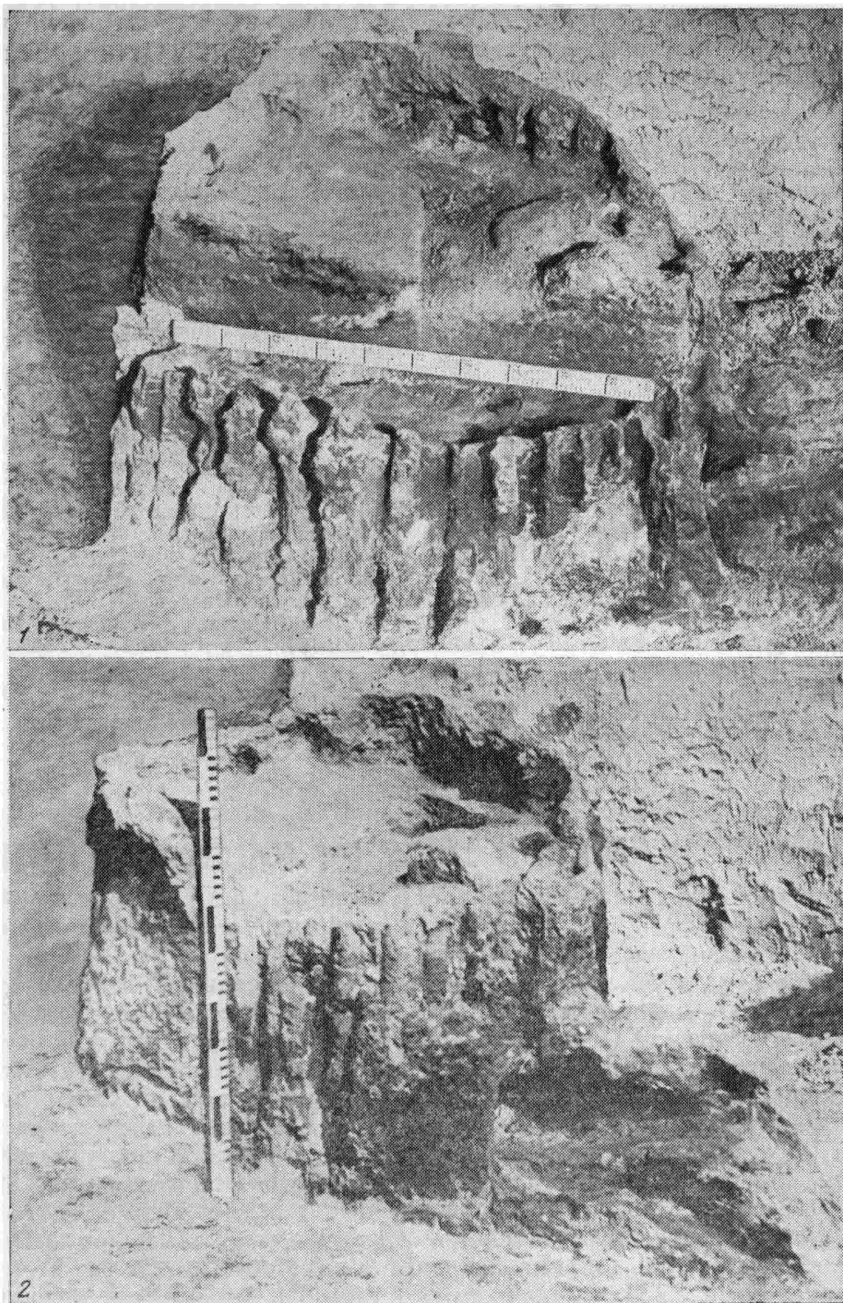
ГОРН ДЛЯ ОБЖИГА ПОСУДЫ НА ПОСЕЛЕНИИ У С. КАМЕННОЕ

В 1977 г. на древнерусском поселении у с. Каменное Грязинского р-на Липецкой обл. (правый берег р. Матыра, притока р. Воронеж) в одной из жилых построек XIV в. были открыты остатки горна, которые использовались как фундамент глинобитной печи. Для этого обжигательная камера горна была забита глиной, а снаружи его обмазали слоем глины толщиной 10 см. На этом глиняном основании и была сложена печь жилища. Перед ее строительством горн находился в полной сохранности, но при нивелировке площадки для пода печи верхняя часть его была обрушена (большие куски свода расчищены в слое глиняной забутовки вдоль стен обжигательной камеры, разрушена часть топочного канала). Все остальные детали сохранились хорошо.

Горн принадлежал к горнам ямного типа. Он был сложен в северной части ямы размерами 3,4×1,4 м, углубленной в материк на 80 см. Северная часть ямы круглая в плане, диаметром 1,4 м. Ее стенки со всех сторон охватывали горн, отходя только у топочного канала. Здесь имела яма овальной формы размерами 2,0×1,4 м, использовавшаяся для хранения дров и топки.

По конструкции горн принадлежал к глинобитным двухъярусным с опорным столбом («козлом») и выступающей топкой (рис. 1), известным по раскопкам других древнерусских памятников¹.

Нижняя камера овальной формы вытянута по центральной оси север—юг, имела размеры 90×105 см при высоте 20 см, толщине стенок 15—20 см, дна—5—7 см. В центре ее находился овальной формы опорный столб (сложенный из глины) размерами 30×65 см, высотой 20 см, отстоявший от передней стенки печи на 25 см, от задней—на 15 см. Под нижней камеры, внутренние стенки, стенки опорного столба

Рис. 1. Горн для обжига посуды

1 — отпечатки колец каркаса в нижней стенке; 2 — процесс расщипки

прокалены до черного цвета, сильно потрескались. С южной стороны к нижней камере примыкал разрушенный в западной части топочный канал со сводчатым перекрытием (длина 70 см, ширина 40 см, высота у стенки камеры 25 см, у устья — 15 см). В топочном канале расчищен мощный слой золы и угля.

Нижняя камера перекрыта горизонтальной перегородкой («черемем»), сделанной из глины, толщиной 15—20 см. Верхняя поверхность перекрытия служила подом обжигательной камеры — это прокаленная до ярко-красного цвета, ровно заглаженная горизонтальная площадка овальной формы, размерами 100×118 см, вытянутая по центральной оси

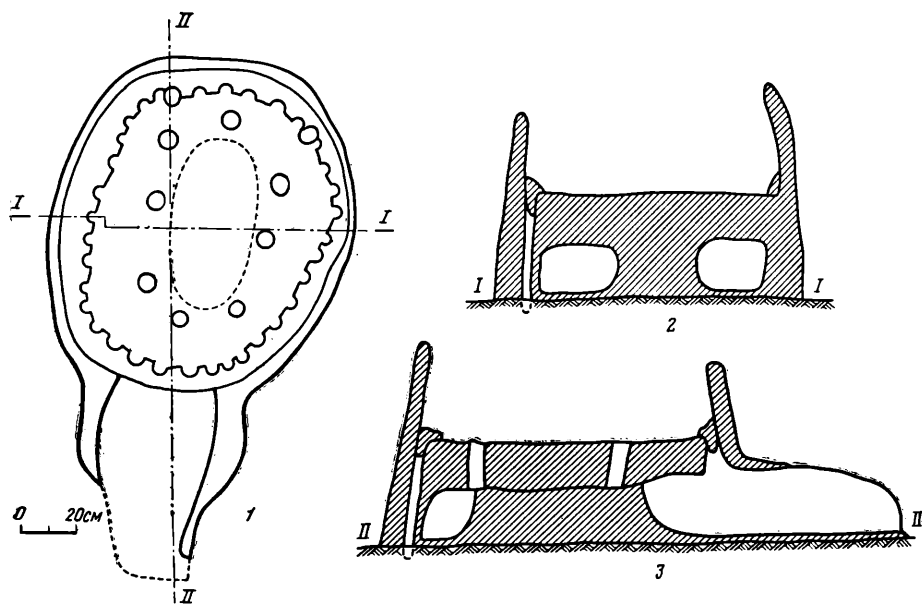

Рис. 2. План (1) и разрезы (2, 3) горна

печи, с восемью прямыми продухами в центре и двумя у задней стенки. Диаметр продухов 8—9 см. Стенки обжигательной камеры сохранились на высоту 30—50 см, толщина их 7—8 см, т. е. они в два раза тоньше стенок нижней камеры (рис. 2, 1—3). Стенки имели небольшой наклон и кривизну к верху печи, что указывает на переход к сводчатому перекрытию обжигательной камеры. Внутренняя поверхность стенок камеры сохранила рифление, образовавшееся от деревянного каркаса печи, отпечатавшегося в глине. Деревянный каркас из кольев, связанных в жесткую конструкцию — особенность печи, и отпечатки дерева в обожженной глине стенок, свода печи дают возможность не только реконструировать первоначальный вид горна, но и установить последовательность его строительства.

На первом этапе в северной части предгорновой ямы на выровненной материковой песчаной площадке соорудили из глины опорный столб овальной формы на высоту нижней камеры горна. Вокруг столба разместили на одинаковом расстоянии друг от друга восемь вертикальных кольев диаметром 9—10 см на высоту будущего горна и два кола — у северной стенки горна с внутренней стороны. Столбы были углублены в материк на 8—10 см. Затем по периметру будущей стенки почти вплотную друг к другу поставили колья диаметром 3—4 см, углубленные в материк на 6—7 см. Установив несколько кольев (всего их было 32), их обмазали с двух сторон слоем глины толщиной 15—20 см на высоту 20 см по всему периметру горна — так образовалась стенка нижней камеры. В передней части ее сделали овальное отверстие размерами 40×25 см для топки. Под нижней камерой обмазали глиной толщиной 5—7 см. Глиняная подмазка плавно поднимается к стенкам камеры и опорного столба.

На втором этапе соорудили перекрытие нижней камеры сводом. Началась эта работа с устройства опалубки: на стенки нижней камеры и на опорный столб плотно уложили тонкие ветки — возможно, они оплетали столбы, установленные вокруг «козла». На ветки, отпечатки которых прослежены в глине, намазали ровным слоем свод горна толщиной 20 см, верхнюю его часть хорошо загладили.

При строительстве обжигательной камеры деревянные колья соединялись в жесткую конструкцию: к толстым кольям, расположенным в центре

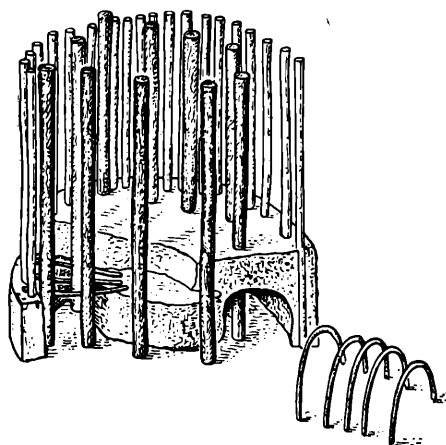

Рис. 3. Реконструкция этапов строительства горна

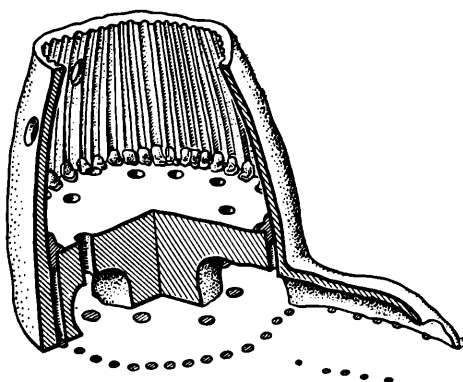

Рис. 4. Реконструкция горна (в разрезе)

горна, привязывали более тонкие колья, находящиеся по периметру. Установлено, что обжигательная камера имела высоту 90 см. Затем началась обмазка этой деревянной конструкции глиной, причем только снаружи, и поэтому толщина стенок верхней камеры была в два раза меньше, чем в нижней, и составляла 7—8 см. Два толстых столба, расположенных вплотную у северной стенки горна, не были связаны с основной конструкцией, они стояли вертикально и прорезали свод обжигательной камеры. Таков был третий этап.

На четвертом этапе соорудили топочный канал длиной 70 см, высотой 25 см близ устья, которое суживается к выходу, перекрытого сводом. В конструкции топочного канала прослежены деревянные тонкие колья, поставленные дугой и обмазанные глиной с внутренней и внешней сторон. Колья диаметром 3—4 см углублены в материк на 4—5 см (рис. 3).

После завершения строительства горн обжигали, для чего его обложили тонким хворостом и камышом, отпечатки которых прослежены на наружных стенках. Деревянная конструкция прогорала, глина приобретала прочность. После прожига были забиты и замазаны глиной отверстия, образовавшиеся по периметру обжигательной камеры от сгоревшего деревянного каркаса. Сгоревшие деревянные конструкции в центре горна образовали продухи, через которые обжигательная камера соединялась с нижней камерой. После сгорания столбов у северной стенки в своде обжигательной камеры осталось два отверстия, которые служили дымоходом. Размеры отверстия для загрузки посуды в верхней части свода обжигательной камеры были обусловлены расположением столбов вокруг «козла». Это отверстие по размерам и форме соответствовало опорному столбу в нижней камере. Отверстие для загрузки посуды находилось выше уровня древней поверхности на 30 см. Таким образом, горн имел следующие размеры: высота 130 см, диаметр 90—110 см, толщина стенок в нижней камере 20 см, в верхней обжигательной камере — 7—8 см, длина топочного канала 70 см, высота — 15—25 см, ширина — 40 см (рис. 4; 5).

Нижняя камера горна обычно называется топкой, если даже имеется выступающий топочный канал. Однако изучение описываемого горна убеждает в том, что горение происходило только в топочном канале (закреплены зола и уголь) и нижняя камера служила для накопления горячих газов и равномерного их распределения по всей площади обжигательной камеры через продухи. Устройство опорного столба таким образом, что его узкая сторона перекрывала топочное отверстие, делало невозможным загрузку топлива в нижнюю камеру. Аналогичное устройство топки отмечено в одном из болгарских и московском горнах². Однако

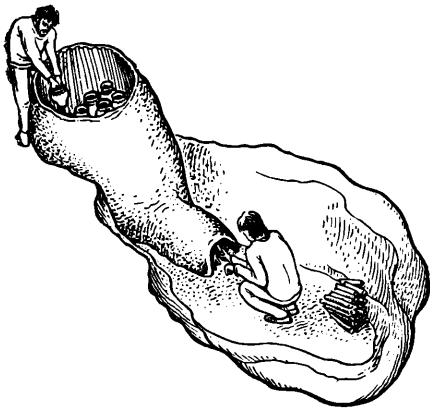

Рис. 5. Реконструкция горна
А. Б. Норманна

утолщение нижних стенок) и, во-вторых, хорошей тягой за счет дымохода и утончения стенок в верхней части обжигательной камеры. Утолщение стенок нижней камеры широко применялось и в более позднее время. В Елецком р-не Липецкой обл. при случайных земляных работах был раскрыт кирпичный двухъярусный горн ямного типа XVIII в. У него стенки нижней камеры были сложены в два кирпича, а верхней — в один.

Судя по размерам горна, камеры, свободной от продухов, ее высоте, он мог служить для одновременного обжига 20—30 горшков — самой распространенной формы керамической посуды на поселении. Белоглиняная тонкостенная звонкая посуда, прокаленная на всю глубину черепка, служит хорошим доказательством высоких теплотехнических данных горна.

Горн датируется второй половиной XIII в. Дата устанавливается стратиграфически. Жилище, которое было построено на месте горна, датируется по комплексу находок первой половиной XIV в.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 347; Седов В. В. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире. — КСИИМК, 1958, 72; Мальм В. А. Горны московских гончаров XV—XVII вв. — МИА, 1949, 12, с. 48.

² Хованская О. С. Гончарное дело города Болгара. — МИА, 1954, 42, с. 348; Мальм В. А. Горны московских гончаров... , с. 49.

Т. В. СЕРГИНА

ПОЛИВНОЙ СОСУД ИЗ ПСКОВА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВОИНСТВА

В 1979 г. при раскопках на ул. Гоголя в Окольном городе древнего Пскова найден фрагмент поливной глиняного сосуда, привлекавший внимание оформлением лицевой поверхности¹. находка представляет собой примерно четвертую часть крупного сосуда высотой более 21 см, предназначенного, судя по отколотому носику, для напитков. Стенки сосуда вертикальны, в верхней части слабо выделена шейка, венчик диаметром около 18 см заострен и оттянут, так что изнутри образуется закраина для крышки, в нижней части стенки плавно закругляются ко дну. Сосуд изготовлен из красножгущейся глины, отощенной небольшим количеством мелкого песка. Черепок в изломе однослойный, кирпично-красного цвета. С обеих сторон без предварительного ангобирования он покрыт зеленой глазурью. Снаружи полива нанесена толстым слоем, цвет ее темно-зеле-

Рис. Фрагмент поливного сосуда с изображением воинства

ный. Изнутри сквозь более тонкий слой просвечивает глина, цвет поливы здесь буровато-зеленый.

Почти вся наружная поверхность фрагмента покрыта рельефным изображением, заключенным в прямоугольную рамку с надписью, и оттисками штампа (рис.). В центре помещено двухъярусное изображение конного воинства на марше. Общая высота изображения 10,5 см. Всадники, вооруженные копьями, поднятыми вверх, едут порядно вправо. В каждом ряду изображено пять копий, три всадника в перспективе и одна лошадь с согнутой передней левой ногой (исключение составляет конечный ряд нижнего яруса, где изображено шесть копий). Каждый передний всадник держит шест, увенчанный четырехконечным крестом, на котором, кроме того, видно изображение перевернутого полумесяца (?) и шестиконечной фигуры. Скорее всего этот шест означает древко знамени, полотнище которого невозможно было изобразить из-за отсутствия места. Многочисленность войска, таким образом, подчеркнута делением его на какие-то подразделения, каждое со своим знаменем.

Изображение конницы дано в невысоком рельефе. Мелкие детали не читаются. Можно лишь рассмотреть тип копий (втульчатых вытянутых, без яблока при переходе от пера к тулее), шлемы на всадниках, гривы лошадей, обозначенные рядом параллельных полос. В ряде мест рельефы сколоты, изображения утрачены. Кроме того, полива значительно «смыла» четкость изображений.

В прямоугольной рамке шириной 1,5 см, окаймляющей центральное изображение, помещена надпись, прерываемая по углам разделительными знаками в виде трилистников. Большая часть букв из нижней строки, а также в начале вертикальной смазана после отгиска, так что надпись полностью не восстанавливается. Читаются слова «СТВОРИШЪ», «ПОБИЖИШЪ», «ПРИСТУП». У второго слова, разделенного в углу рамки трилистником, читается лишь окончание «КЪ». По-видимому, надпись вокруг центрального изображения имела назидательный характер, возможно, с юмористической окраской, и была связана с военной тематикой. Не исключено, что это было афористическое выражение, бытовавшее в военной среде.

Поле вокруг рамки и изображения покрыто оттисками квадратного сетчатого штампа со стороной 1,3 см, причем по шейке сосуда штамп оттиснут косо, образуя ряд ромбиков. Орнаментация штампом нанесена бессистемно, иногда довольно небрежно, так что затронута часть центрального изображения и надписи у носика-слива, оттиснутых ранее. Ближе ко дну орнамента нет.

Близкие аналогии описанному сосуду нам не встречались. Отдаленное сходство обнаруживается с рейнскими сосудами — пивными кружками, фрагменты которых встречены при раскопках в Пскове². Не исключено, что подобные привозные сосуды XVI в. и послужили прототипом рассматриваемой находки. В московском керамическом производстве изображе-

ния конницы в походе наряду с другими военными сюжетами имелись на красных и поливных зеленых ангобированных изразцах XVII в., причем последние появляются в Москве не ранее середины столетия³. Вероятно, описываемый неангобированный сосуд принадлежал к местной, псковской линии развития поливной керамики, достигшей уже во второй половине XVI в. определенных высот⁴. В целом хронологические рамки рассматриваемой находки, судя по остальной поливной керамике из раскопок, применению штампа для орнаментации и некоторым деталям изображения, приходится на вторую половину XVI—XVII в. Возможно, однако, что находка связана с концом XVI—началом XVII в., с периодом, наиболее насыщенным военными событиями в истории Пскова.

¹ Находка обнаружена на участке Г в квадрате 120 в 16-м пласте. Стратиграфическая дата слоя — XV—XVII вв. Вещевая опись № 70 1979 г.

² *Иванова Г. Н.* Рейнская керамика из раскопок в Пскове. — СА, 1975, 4, с. 274—276.

³ *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. — САИ, 1968, вып. Е1-39, с. 58—68.

⁴ *Плешанова И. И.* Псковские архитектурные керамические пояса. — СА, 1963, 2, с. 211—226; *Она же.* Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря. — НЭ, 1966, VI.

ХРОНИКА

Г. Е. АФАНАСЬЕВ, Н. А. МАКАРОВ

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1979—1980 ГГ.

Тематика сектора славяно-русской археологии включала следующие проблемы: этногенез и этническая история славян и соседних с ними народов; становление и развитие феодализма на Руси и в соседних землях; история и культура древнерусского города; сложение и развитие древнерусской культуры; типология и хронология восточноевропейских древностей эпохи средневековья.

В 1979—1980 гг. было закончено исследование некоторых плановых тем.

В 1979 г. завершены работы: Т. В. Николаевой — «Древнерусская мелкая пластика из камня»; Р. Л. Розенфельдом — «Пермские племена V—XIII вв.»; Г. Е. Афанасьевым — «Нижне-Лубянский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры»; С. А. Беляевым — «Средневековый Херсонес»; Г. К. Вагнером — «Проблема стиля в древнерусском искусстве».

В 1980 г. С. А. Плетнева завершила работу по теме «Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей». Это теоретическое исследование о развитии кочевнической экономики и социального строя, начиная с хунну и кончая монголами. Установлены некоторые закономерности в эволюции кочевнических обществ не только средневековья Евразии, но и более древних и поздних эпох и других хозяйственных регионов.

И. Л. Кызласов закончил работу над темой «Гротовые погребения Хакасии». Исследование посвящено новому виду южносибирских средневековых погребений, описанию и анализу инвентаря и реконструкции идеологических представлений. Сохранность органических веществ в гротовых погребениях предоставляет для изучения многие деревянные, костяные, кожаные предметы, изделия из тканей и войлока. Это существенно расширяет наши знания о материальной культуре населения Хакасии в XI в. и дает возможность сопоставить ее с местными этнографическими материалами.

А. А. Юшко закончила исследование по теме «Московская земля XI—XIV вв. по археологическим данным (на материалах поселений)». Работа состоит из двух частей. Первая часть — свод археологических памятников Московской земли XI—XIV вв. Вторая часть посвящена изучению городищ и сельских поселений.

И. П. Русанова завершила работу над темой «Раннеславянские памятники Повисленья». Задача исследования — выявление истоков славянской культуры пражского типа V—VII вв. в древностях римского времени. Подробный анализ материалов пшеворской культуры позволил выделить в ней три компонента: местный, славянский, происходящий из культуры подклошевых погребений; кельтский, появившийся в Повис-

ление в I в. до н. э., придавший своеобразную окраску древностям региона и растворившийся в местной среде; германский. Специфика всех трех этнокультурных компонентов проявляется в керамических комплексах, вещевом материале, погребальном обряде и домостроительстве. В работе широко используются приемы корреляционного анализа материалов могильников и поселений.

В 1979—1980 гг. проведено семь заседаний теоретического семинара, на котором заслушаны доклады: И. Л. Кызласова «Классики марксизма-ленинизма о войнах справедливых и несправедливых», А. В. Кашкина «Проблемы феодальных войн в советской историографии», Г. К. Вагнера «Тема войны в древнерусском искусстве», Г. Е. Афанасьева «Фортификация Маяцкого городища», А. К. Амброза «Отражение военных обычаев в погребальных обрядах ранних кочевников», С. А. Плетневой «Социально-экономические отношения и войны кочевников», А. В. Чернецова «Идеологические представления, связанные с боевым оружием (по древнерусским изобразительным материалам)».

Л. В. Алексеев выступил на общеполитическом теоретическом семинаре с докладом «Княжеские центры в Смоленской земле».

Сотрудники сектора вели интенсивные полевые исследования.

Советско-Венгеро-Болгарская экспедиция под руководством С. А. Плетневой исследовала Маяцкое городище, селище и могильник. В работе участвовал Г. Е. Афанасьев.

Болгаро-Советская экспедиция под руководством С. А. Плетневой продолжала изучение стратиграфии Плиски и ее древнейших оборонительных сооружений. В экспедиции работали Г. Е. Афанасьев, А. А. Медынцева, И. Л. Кызласов, С. М. Йовков, Т. И. Макарова.

Оскольский отряд Советско-Венгеро-Болгарской экспедиции, возглавляемый Г. Е. Афанасьевым, проводил разведки салтовских памятников в Воронежской и Белгородской областях.

Керченская экспедиция, руководимая Т. И. Макаровой, вела раскопки в храме Иоанна Предтечи в Керчи. Открыта апсида базилики предшествующей церкви.

Мстиславльская экспедиция, руководимая Л. В. Алексеевым, продолжила раскопки городища в Мстиславле. Обнаружена берестяная грамота.

Белозерская экспедиция, возглавляемая Л. А. Голубевой, возобновила исследование поселения X в. у д. Городище Вологодской обл. В составе экспедиции работал Н. А. Макаров.

Владими́ро-Суздальская экспедиция под руководством М. В. Седовой вела раскопки во Владимирской обл. Исследовались Суздаль, Гороховец, Семьинское и Васильковское городища, курганы на р. Мжара и в Новоселках. В работе экспедиции принимала участие М. А. Сабурова.

Отряд Владимиро-Суздальской экспедиции под руководством М. А. Сабуровой продолжал раскопки курганного могильника под Суздаlem.

Верхнеокская экспедиция, возглавляемая Т. Н. Никольской, возобновила раскопки древнерусского города Серенска.

Херсонесская экспедиция под начальством С. А. Беляева исследовала средневековую базилику в Херсонесе.

Новгород-Северская экспедиция под руководством А. В. Кузы вела раскопки жилых кварталов древнерусского города. В работе экспедиции принимал участие А. В. Чернецов.

Старорязанская экспедиция под руководством В. П. Даркевича исследовала жилые кварталы XII—XIII вв. Обнаружено три клада серебряных украшений.

Отряд Поволжской экспедиции под руководством М. Д. Полубояриной исследовал в Болгаре участок городского рва домонгольского времени и керамические мастерские с тремя горнами. Найден клад серебряных монет XIII в.

Спас-Городская экспедиция, возглавляемая Т. Н. Никольской, продолжила раскопки жилищ с каменно-глинобитными печами на поселении.

Славянская экспедиция под руководством И. П. Русановой вела разведки славянских поселений в Черновицкой обл., а также исследовала городище Ревно и бескурганый могильник IX—X вв.

Сотрудники сектора принимали участие в работе археологических экспедиций в Венгрии (Д. А. Беленькая), Ираке (А. В. Куза), в Северной новостроечной экспедиции (Н. А. Макаров), в Московской обл. (Р. Л. Розенфельдт, А. А. Юшко), Белоруссии (Л. В. Алексеев), Хакасии (И. Л. Кызласов), Новгороде-Северском (А. В. Куза).

За два отчетных года проведено 55 заседаний сектора, на которых заслушаны 64 доклада по плановым темам, ежегодные краткие отчеты о результатах экспедиций, доклады аспирантов и сотрудников других научных учреждений СССР.

Активное участие сотрудники сектора принимали в работе различных конференций.

М. А. Сабурова и М. В. Седова участвовали в Воронинских чтениях (Владимир), Л. А. Голубева — в работе Всесоюзной конференции по скандинавоведению (Петрозаводск) и XV Всесоюзной конференции по финноугроведению (Сыктывкар).

А. В. Чернецов принимал участие в конференции «Проблемы изучения коллекций славянских и византийских рукописей, хранящихся в СССР» (Ереван), Г. К. Вагнер — в чтениях по древнерусской культуре и литературе (Владимир).

Т. В. Николаева принимала участие в работе Сессии музеев Московского Кремля, посвященной 500-летию Успенского собора.

М. В. Седова выступала с докладами на VIII Всесоюзной конференции скандинавистов (Петрозаводск) и на юбилейной конференции, посвященной 100-летию Владимирского музея. Р. Л. Розенфельдт участвовал в работе конференции, посвященной полевой археологической практике студентов Университета Дружбы народов. И. Л. Кызласов выступал с докладом на конференции «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири» (Омск).

Г. К. Вагнер, Л. А. Голубева, Т. В. Николаева и А. В. Чернецов приняли участие в конференции «600 лет Куликовской битве».

Т. Н. Никольская, М. Д. Полубояринова и М. В. Седова приняли участие в конференции по охране памятников культуры в населенных местах (Ереван).

В. П. Даркевич и Н. Н. Велецкая приняли участие в работе конференции по истории средневековой культуры при Совете Мировой культуры (Москва).

А. В. Чернецов сделал доклад на Международном симпозиуме по изучению славянского язычества (Брюссель).

Г. Е. Афанасьев выступил с докладом на X Крупновских чтениях по археологии Северного Кавказа (Москва).

Р. Л. Розенфельдт участвовал в конференции, посвященной организации внутрисоюзных и зарубежных выставок АН СССР, проведенной Музейным советом АН СССР.

Г. Е. Афанасьев, С. М. Йовков, А. А. Медынцева, Н. А. Макаров, М. В. Седова, А. В. Чернецов принимали участие в работе IV международного конгресса по славянской археологии (София).

С. А. Плетнева выступала с докладом на ежегодной археологической конференции в Болгарии.

Н. Н. Велецкая сделала доклад на Международном славянском симпозиуме (Охрид).

А. А. Медынцева принимала участие в работе семинара по славянской палеографии в Болгарии.

В 1979—1980 гг. вышли из печати шесть монографий, подготовленных сотрудниками сектора: С. А. Плетнева «Die Chazagen» (Wien, 1979; Leipzig, 1980); А. А. Медынцева «Тмутараканский камень» (М., 1979); Л. В. Алексеев «Смоленская земля в IX—XIII вв.» (М., 1980); Г. К. Вагнер «Старые русские города» (Лейпциг, 1980).

За отчетный период сотрудники сектора опубликовали около 95 статей в различных советских научных изданиях и шесть статей — в зарубежных.

На заседаниях сектора были обсуждены три докторские диссертации — Л. В. Алексеева, М. Г. Магомедова, Р. Х. Фахрутдинова — и семь кандидатских — З. М. Сергеевой, С. В. Белецкого, К. И. Красильникова, Л. Б. Гмыри, А. В. Цауне, О. Н. Левко, В. С. Флерова.

Сотрудники сектора вели большую научно-популяризаторскую работу, выступали по радио и телевидению, консультировали кинофильмы, публиковали статьи в периодической прессе. Вышли из печати две научно-популярные книги: Г. К. Вагнер «По Оке от Коломны до Муромы» (М., 1980); В. П. Даркевич «Vidukiniu, amžiu argonautai» (Vilnius, 1980).

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

СЕМИНАР «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ»

Археологическое изучение Пскова насчитывает почти столетнюю историю. За годы исследований псковская археология прошла четыре этапа: от первых бессистемных земляных работ, проводившихся членами Псковского археологического общества, через рекогносцировочные и стационарные научные исследования к систематическим раскопкам, задачами которых наряду с чисто научными стала охрана культурного слоя города. В последнее десятилетие археологические раскопки в Пскове развернулись наиболее интенсивно. К проведению охранных работ, кроме экспедиций Эрмитажа и Псковского педагогического института (ПГПИ), были привлечены специалисты из разных учреждений Москвы, Ленинграда и Пскова (Институт археологии АН СССР, Московский и Ленинградский университеты, Псковское отделение ВООПИК, Псковские специальные научно-реставрационные производственные мастерские, Псковский объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). Однако отсутствие научной координации исследований и единой материальной базы затрудняло ведение работ. Поэтому в конце 1979 г. Институт археологии АН СССР по ходатайству Управления культуры Псковского облисполкома и дирекции Псковского музея-заповедника принял решение о создании единой комплексной Псковской экспедиции. Возглавил ее В. В. Седов.

Одним из мероприятий по объединению усилий исследователей, работающих в области псковской археологии, и координации их деятельности стала организация на базе Псковского музея-заповедника научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (руководитель В. В. Седов, ученый секретарь С. В. Белецкий). В задачи семинара вошло: 1) научное обсуждение проблем археологии и истории Псковской земли и сопредельных территорий; 2) обмен информацией о полевых исследованиях на Северо-Западе; 3) обсуждение новейшей литературы по истории и археологии Северо-Запада.

В работе семинара 1980 г. приняли участие археологи, историки, лингвисты и краеведы из Москвы, Ленинграда, Пскова и области, Новгорода, Таллина и Минска. На заседаниях заслушано девять докладов и сообщения В. В. Седова о IV Международном конгрессе по славянской археологии (София, 1980 г.). Обсуждались четыре проблемы: начальная история Пскова, архитектурно-археологический комплекс Довмонтова города, этнокультурные процессы, протекавшие в Северной Руси

во второй половине I тысячелетия н. э., и история псковской археологии¹.

Проблеме начальной истории Пскова были посвящены два доклада: «Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища» С. В. Белецкого (Москва) и «Летописные источники по истории Пскова (в связи с проблемами его археологического изучения)» И. К. Лабутиной (Псков). В первом докладе получили обстоятельную характеристику материалы многолетних раскопок городища. Докладчик выявил несколько культурно-хронологических периодов в истории городища. Древнейший поселок (первая половина I тысячелетия н. э.) отнесен к кругу культур прибалтийско-финских каменных могильников. В VI—VII вв. его сменил поселок, принадлежавший носителям культуры псковских длинных курганов. Затем, в VIII—IX вв., на городище функционировало крупное поселение, относящееся к культуре типа Камно—Рыуге. В конце IX—начале X в. происходят новые изменения в материальной культуре городища, сопровождавшиеся появлением неукрепленного посада и курганного некрополя. В это время Псков превращается в раннегородское поселение. По облику культуры он сближается с соседним Изборском. Слои XI—XIV вв. на площадке городища сохранились плохо, что объясняется проведением здесь во второй половине XI и на рубеже XIII—XIV вв. нивелировочных работ. Однако удалось выяснить, что вплоть до конца XIII в. площадка городища (с конца XI в. обнесенная каменными крепостными стенами) была занята под жилую застройку, а с начала XIV в. застроена складскими помещениями, летописными «кромскими клетями».

И. К. Лабутина обратила внимание на необходимость источниковедческого анализа летописей при использовании археологами письменных свидетельств. Она проанализировала Повесть временных лет и Новгородскую Первую летопись младшего извода и сделала вывод, что упоминание Пскова в 903 г. отражает представление летописца рубежа XI—XII вв. о существовании города в начале X в. Анализ летописного сообщения об аресте в 1036 г. Судислава Владимировича его братом Ярославом позволил И. К. Лабутиной взять под сомнение историографическую традицию, связывавшую Судислава с псковским княжеским столом. В вопросе о начале городской истории Пскова И. К. Лабутина выступила против гипотезы дореволюционных историков, поддержанной С. В. Белецким, об основании Пскова в 882 г. князем Олегом Вещим.

По докладам возникла оживленная дискуссия. И. К. Лабутина высказала сомнение в схеме культурной стратиграфии Пскова, предложенной С. В. Белецким. По ее мнению, периоды не выделяются достаточно отчетливо, а соотношение между ними могло быть эволюционным. И. К. Лабутина не согласилась с реконструкцией С. В. Белецким процесса роста территории Пскова, отрицала наличие обширного посада в конце IX в., считала преувеличенной роль скандинавского и западнославянского элементов в начальной истории города. Об эволюционной связи между периодами говорил и К. М. Плоткин.

Выступая по докладу И. К. Лабутиной, С. В. Белецкий и К. М. Плоткин говорили о том, что сомнения относительно псковского княжения Судислава Владимировича нельзя считать оправданными. Гипотезу об основании Пскова в 882 г. С. В. Белецкий предложил считать рабочей до проверки ее анализом летописей позднего происхождения.

Комплекс архитектурно-археологических проблем, связанных с Довмонтовым городом Пскова, обсуждался на другом заседании семинара. Были заслушаны два доклада: «Итоги археологического изучения Довмонтова города средневекового Пскова» В. Д. Белецкого (Ленинград) и «Довмонтов город в системе столичного центра веча Пскова» Г. Я. Мокеева (Москва).

В. Д. Белецкий подвел итоги почти четвертьвековому изучению Довмонтова города. Раскопками открыты участки посадской застройки, 11

каменных храмов, шесть каменных гражданских построек, остатки крепостных сооружений. Выделено четыре периода в истории Довмонтова города. В конце IX—первой половине XIII в. (первый период) его территория была частью посада, в пределах которой в 30-е годы XII в. был поставлен храм Дмитрия Солунского. Второй период (1260—1310-е годы) связан с освобождением площади Довмонтова города от городской посадской застройки, появлением каменных крепостных стен, трех каменных храмов (Тимофея, Георгия и Федора Стратилата) и каменных палат князя Довмонта-Тимофея. Третий период (XIV—XV вв.) характеризуется бурным храмовым строительством. По-видимому, в эпоху Псковской феодальной республики этот участок крепости превратился в религиозный центр. Четвертый этап (XVI—XVIII вв.) связан с постепенным обветшанием храмов Довмонтова города. (Последний «ветхий» храм был разобран в 1831 г.).

Г. Я. Мокеев провел градостроительный анализ центральной части средневекового Пскова, включающей Кром, Довмонтов город и торг. Это позволило говорить об уникальности Довмонтова города как целостного архитектурного ансамбля. Функции Довмонтова города в XIV—XV вв. как церковного соборного центра резко индивидуальны, и комплекс такого рода является пока единственным. Храмы Довмонтова города олицетворяют представительство перед Троицким кафедральным собором кремля шести городских концов (шесть соборных церквей) и 12 пригородов (12 простых церквей).

Оба доклада вызвали обширную дискуссию. Г. Я. Мокеев и В. И. Лабутин не согласились с предложенной В. Д. Белецким атрибуцией ряда раскрытых раскопками храмов. В. В. Седов предложил при подготовке материалов к публикации больше внимания уделить нижним частям культурного слоя, относящимся ко времени до интенсивной застройки Довмонтова города каменными постройками. На необходимость полной публикации полученного раскопками материала указывали и другие выступавшие.

В выступлениях по докладу Г. Я. Мокеева отмечено, что совместная работа археолога и архитектора чрезвычайно плодотворна. С. П. Михайлов (Псков) взял под сомнение идеологическую интерпретацию Довмонтова города. В. Д. Белецкий отметил, что храмовые постройки Довмонтова города строились, судя по «строительному почерку», разными мастерами, так что нет оснований связывать единый замысел комплекса и его воплощение с определенным лицом (мастер Кирилл).

Этнокультурные процессы Северо-Запада стали предметом обсуждения на третьем заседании семинара. Были прочитаны доклады: «Юго-восточная Эстония во второй половине I тысячелетия н. э.» М. Э. Аун (Таллин), «Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне нижнего течения р. Великой» К. М. Плоткина (Псков) и «Лепная керамика из погребений с сожжениями второй половины I тысячелетия н. э. в Псковской и Новгородской землях» С. В. Белецкого и Г. Н. Проница (Москва).

М. Э. Аун выделила в пределах юго-восточной Эстонии две зоны с различными археологическими памятниками, дифференцирующиеся и по данным языкознания. Западная зона характеризуется поселениями типа Рыуге и каменными могильниками, которые сближаются с синхронными древностями северной и центральной Эстонии. В восточной зоне, тяготеющей к Псковскому и Чудскому озерам, распространены могильники культуры длинных курганов. Они относятся к ареалу культуры длинных курганов Псковщины, но отличаются некоторым своеобразием и чертами архаичности. Исследовательнице удалось проследить переход от грунтовых погребений на «погребальных площадках» к подкурганам захоронениям.

К. М. Плоткин рассмотрел археологические памятники из окрестностей Пскова. Выявлено восемь микрорегионов, принадлежавших самостоятельным общинам. Докладчик наметил три периода в развитии по-

гребального обряда, соответствующих социальным изменениям в жизни населения. Динамика процессов, протекавших в Нижнем Повеличье, по мнению исследователя, соответствовала этапам развития Пскова.

С. В. Белецкий и Г. Н. Пронин исследовали керамику из курганов с сожжениями Псковско-Новгородских земель. Выяснилось, что во второй половине I тысячелетия н. э. существовали две зоны погребальных древностей, различающиеся и по керамике. В юго-восточной Эстонии были распространены каменные могильники, керамика которых восходит к предшествующему времени того же региона. Вся остальная территория Северо-Запада была занята памятниками культуры псковских длинных курганов, керамика из которых аналогична глиняной посуде тушемлинской культуры. В контактной зоне между длинными курганами и каменными могильниками существовали «гибридные памятники» (курганы с каменными конструкциями), для которых характерна керамика, сходная с глиняной посудой каменных могильников, но играющая в обряде ту же роль, что и в ритуале культуры длинных курганов. В IX—X вв. в Новгородской и Псковской землях появляются погребальные памятники с керамикой типа смоленских длинных курганов и «ладожского типа», не связанной происхождением с керамикой этих земель более раннего времени.

В дискуссии по докладам Е. Н. Носов (Ленинград), Н. В. Хвоцинская (Ленинград), К. М. Плоткин и С. В. Белецкий отметили тщательность анализа и безупречность выводов, сделанных М. Э. Аун. Г. Н. Пронин высказал сомнение в периодизации погребальных памятников из окрестностей Пскова, предложенной К. М. Плоткиным, в частности, по поводу отнесения к сопкам «сопковидных насыпей» на р. Череха. А. Г. Митрофанов (Минск) согласился с объединением в одну культурную группу псковских длинных курганов и грунтовых могильников тушемлинской культуры. Другие выступавшие (Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская, К. М. Плоткин, О. В. Овсянников) отметили недостаточную для широких выводов фактологическую базу в докладе С. В. Белецкого и Г. Н. Пронина. В. В. Седов указал на необходимость нового изучения тушемлинской культуры.

На том же заседании были прочитаны два доклада, посвященных истории псковской археологии: «К 100-летию Псковского археологического общества» А. А. Александрова (Псков) и «Итоги археологического изучения Пскова» И. К. Лабутиной.

Нет сомнения в плодотворности научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Решение многих вопросов требует научного обсуждения и целенаправленного продолжения экспедиционных изысканий. Успешному проведению семинара во многом способствовала дирекция Псковского музея-заповедника.

¹ Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли», 1980 г. Тезисы докладов. Псков, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. В. Седов.</i> IV Международный конгресс славянской археологии (современное состояние археологической славистики)	3
<i>А. В. Куза.</i> О происхождении древнерусских городов (история изучения)	9
<i>А. В. Фомин.</i> Начало распространения куфических монет в районе Балтики	16
<i>А. А. Александров.</i> Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине	21
<i>Е. А. Рябинин.</i> Об одной субстратной традиции в древнерусских курганах	29
<i>В. Я. Конецкий, Е. Н. Носов.</i> Юрьевский жальник и некоторые вопросы формирования древнерусских погребальных памятников Новгородской земли	34
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Внешние связи древнерусских городов Пономанья	43
<i>А. В. Чернецов.</i> К изучению лицевого летописания	49
<i>Г. М. Штендер, В. М. Ковалева.</i> О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде	54

Публикации

<i>Е. А. Горюнов.</i> Славянское поселение середины I тысячелетия н. э. у с. Песчаное Белгородской области	61
<i>Ю. Ю. Моргунов.</i> Два городища XI—XIII вв. по р. Ромен в Посулье	65
<i>В. П. Петренко.</i> Городище на реке Лаве	71
<i>Г. Ф. Соловьева.</i> Славянские курганы у с. Ботвиновка Гомельской области	75
<i>Н. А. Макаров.</i> Средневековый могильник Попово на Каргополье	80
<i>А. Р. Артемьев.</i> Копья из раскопок в Изборске	87
<i>О. В. Овсянников, А. А. Пескова.</i> Замки и ключи из раскопок Изяславля	93
<i>В. И. Матвеева.</i> Горня для обжига посуды на поселении у с. Каменное	99
<i>Т. В. Сергина.</i> Поливной сосуд из Пскова с изображением воинства	103

Хроника

<i>Г. Е. Афанасьев, Н. А. Макаров.</i> Работа сектора славяно-русской археологии в 1979—1980 гг.	106
<i>С. В. Белецкий.</i> Семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли»	109